

ISSN 2949-2483

Volume

3

Number

1

JOURNAL
OF DIGITAL
TECHNOLOGIES
AND LAW

2025

**ELECTRONIC
SCIENTIFIC
AND PRACTICAL
JOURNAL**

Редакционная коллегия

Шеф-редактор

Бегишев Ильядар Рустамович – доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (Казань, Российская Федерация)

Главный редактор

Жарова Анна Константиновна – доктор юридических наук, доцент, директор Центра исследований киберпространства, ассоциированный член международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Заместители главного редактора

Громова Елизавета Александровна – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора Юридического института по международной деятельности, профессор кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета) (Челябинск, Российская Федерация)

Филипова Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Шутова Альбина Александровна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, доцент кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (Казань, Российская Федерация)

Редакция

Заведующий редакцией – Дарчинова Гульназ Язкарловна
Выпускающий редактор – Аймурзаева Оксана Анатольевна
Ответственный секретарь – Валиуллина Светлана Зиряковна
Редактор – Тарасова Гульнара Абдулахатовна
Технический редактор – Каримова Светлана Альфредовна
Художник-дизайнер – Загретдинова Гульнара Ильгизаровна
Переводчик – Беляева Елена Николаевна, кандидат педагогических наук, член Гильдии переводчиков Республики Татарстан
Специалист по продвижению журнала в сети Интернет – Гуляева Полина Сергеевна

Адрес: 420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Московская, 42
Телефон: +7 (843) 231-92-90
Факс: +7 (843) 292-61-59
E-mail: lawjournal@ieml.ru
Сайт: <https://www.lawjournal.digital>
Телеграм: <https://t.me/JournalDTL>
ВКонтакте: <https://vk.com/JournalDTL>
Яндекс.Дзен: <https://dzen.ru/JournalDTL>
Одноклассники: <https://ok.ru/JournalDTL>

Учредитель и издатель

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова. Адрес: 420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, 42. Телефон: +7 (843) 231-92-90. Факс: +7 (843) 292-61-59. E-mail: info@ieml.ru. Сайт: <https://ieml.ru>

© Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, оформление и составление, 2025.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ЭЛ № ФС 77-84090 от 21 октября 2022 г.
Территория распространения: Российская Федерация; зарубежные страны.

Статьи находятся в открытом доступе и распространяются в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа процитирована с соблюдением правил цитирования.

Важно!

При цитировании любых материалов журнала ссылка обязательна. Ответственность за изложенные в статьях факты несут авторы. Высказанные в статьях мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции и не налагают на нее никаких обязательств.

16+

Возрастная классификация: Информационная продукция для детей, достигших возраста шестнадцати лет.

Дата подписания к публикации – 20 июня 2025 г. Дата онлайн-размещения на сайте <https://www.lawjournal.digital> – 25 июня 2025 г.

Международные редакторы

Феррейра Даниэл Брантес – доктор наук, профессор Университета АМБРА (Орландо, Соединенные Штаты Америки), исполнительный директор Центра альтернативного разрешения споров (Рио-де-Жанейро, Федеративная Республика Бразилия)

Галлезе-Нобиле Кьяра – доктор наук, научный сотрудник (постдок) по управлению исследовательскими данными Эйндховенского технологического университета (Эйндховен, Королевство Нидерландов), научный сотрудник (постдок) департамента математики и наук о земле Университета Триеста (Триест, Итальянская Республика)

Джайшанкар Каруппаннан – доктор наук, директор и профессор Международного института исследований в сфере криминологии и безопасности (Бенгалуру, Республика Индия)

Кастилло Парилла Хосе Антонио – доктор наук, магистр новых технологий и права (Севиля, Королевство Испания), научный сотрудник Гранадского университета (Гранада, Королевство Испания)

Мохд Хазми бин Мохд Русли – доктор наук, доцент факультета шариата и права Международного исламского университета Малайзии (Куала-Лумпур, Федерация Малайзия)

Члены редакционной коллегии

Арзуманова Лана Львовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)

Бажина Мария Анатольевна – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Российская Федерация)

Беликова Ксения Михайловна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)

Берсей Диана Давлетовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Российская Федерация)

Будник Руслан Александрович – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

Воронков Дмитрий Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики имени И. Ф. Герасимова Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, руководитель группы проектов CrimLib.info (Екатеринбург, Российская Федерация)

Дремлюга Роман Игоревич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по развитию Института математики и компьютерных технологий, профессор Академии цифровой трансформации Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Российская Федерация)

Егорова Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)

Ефремов Алексей Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и евразийского права Воронежского государственного университета (Воронеж, Российская Федерация)

Ефремова Марина Александровна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия (Казань, Российская Федерация)

Камалова Гульфия Гафиятовна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационной безопасности в управлении Удмуртского государственного университета (Ижевск, Российская Федерация)

Ковалева Наталия Николаевна – доктор юридических наук, профессор, руководитель департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

- Лопатина Татьяна Михайловна** – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета (Смоленск, Российская Федерация)
- Минбалеев Алексей Владимирович** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)
- Миронова Светлана Михайловна** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового и предпринимательского права Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Волгоград, Российская Федерация)
- Наумов Виктор Борисович** – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной безопасности Института государства и права Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
- Пашенцев Дмитрий Алексеевич** – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)
- Петренко Сергей Анатольевич** – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры информационной безопасности Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина), профессор Университета Иннополис (Иннополис, Российская Федерация)
- Полякова Татьяна Анатольевна** – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, и. о. заведующего сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)
- Пономарева Карина Александровна** – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра налоговой политики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации, профессор департамента публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
- Рожкова Марина Александровна** – доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, советник по науке декана юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, президент IP CLUB (Москва, Российская Федерация)
- Рускевич Евгений Александрович** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)
- Сидоренко Элина Леонидовна** – доктор юридических наук, доцент, директор Центра цифровой экономики и финансовых инноваций, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, генеральный директор платформы забизнес.рф (Москва, Российская Федерация)
- Степанян Армен Жоресович** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)
- Стрельцов Анатолий Александрович** – доктор юридических наук, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Академии криптографии Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Центра проблем информационной безопасности Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
- Талапина Эльвира Владимировна** – доктор юридических наук, доктор права (Франция), главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

Талимончик Валентина Петровна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Терентьева Людмила Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)

Томашевский Кирилл Леонидович – доктор юридических наук, профессор, заместитель декана юридического факультета по научной работе, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (Казань, Российская Федерация)

Харитоновна Юлия Сергеевна – доктор юридических наук, профессор, руководитель Центра правовых исследований искусственного интеллекта и цифровой экономики, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Хисамова Зарина Илдузовна – кандидат юридических наук, начальник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (Краснодар, Российская Федерация)

Чеботарева Анна Александровна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения государственного управления и экономики Российского университета транспорта (Москва, Российская Федерация)

Шугуров Марк Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии, главный научный сотрудник Алтайского государственного университета (Саратов, Российская Федерация)

Иностранные члены редакционной коллегии

Абламейко Мария Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)

Аванг Низам Мухаммад – доктор наук, профессор факультета права и шариата Международного исламского университета (Негери-Сембилан, Федерация Малайзия)

Айсан Ахмет Фарук – доктор наук, профессор и координатор программы Исламских финансов и экономики Университета имени Хамада бин Халифа (Доха, Государство Катар)

Ападхьяй Нитиш Кумар – доктор юридических наук, доцент факультета права Университета Галготиас (Большая Нойда, Республика Индия)

Банкио Пабло – доктор наук, профессор Университета Буэнос-Айреса, постдок в области фундаментальных принципов и прав человека, член центра изучения частного права Национальной академии наук Буэнос-Айреса (Буэнос-Айрес, Аргентинская Республика)

Басарудин Нур Ашикин – доктор наук, старший преподаватель Университета технологий МАРА (Синток, Федерация Малайзия)

Бахрамова Мохинур Бахрамовна – доктор наук, старший преподаватель кафедры права интеллектуальной собственности Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Республика Узбекистан)

Ван Розалили Ван Росли – доктор наук, преподаватель факультета права Брэдфордского университета (Брэдфорд, Соединенное королевство Великобритании, Шотландии и Северной Ирландии)

Варбанова Гергана – доктор наук, доцент Университета экономики (Варна, Республика Болгария), доцент Университета мировой экономики (София, Республика Болгария)

Вудро Барфилд – доктор наук, приглашенный профессор Туринского университета (Турин, Итальянская Республика)

Гозстоный Гегели – доктор наук, кафедра истории венгерского государства и права Университета Эотвос Лоранд (Будапешт, Венгрия)

Гостожич Стеван – доктор наук, доцент, глава цифровой криминалистической лаборатории Университета Нови Сад (Нови Сад, Республика Сербия)

Гош Джаянта – доктор наук, научный сотрудник Западно-Бенгальского национального университета юридических наук (Калькутта, Республика Индия)

- Гудков Алексей** – доктор наук, старший преподаватель Вестминстерского международного университета в Ташкенте (Ташкент, Республика Узбекистан)
- Дауд Махауддин** – доктор наук, доцент кафедры гражданского права Международного исламского университета Малайзии (Куала-Лумпур, Федерация Малайзия)
- Дахдал Эндрю** – доктор наук, доцент факультета права Катарского университета (Доха, Государство Катар)
- Дэнни Тэйм Даниэль Мендес** – доктор наук, научный сотрудник Азиатско-Тихоокеанского центра экологического права Национального университета Сингапура (Сингапур, Республика Сингапур)
- Иванц Тьяша** – доктор наук, доцент кафедры гражданского, международного частного и сравнительного права Мариборского университета (Марибор, Республика Словения)
- Иоаннис Револидис** – доктор наук, преподаватель кафедры медиаправа и права технологий Мальтийского университета (Мсида, Республика Мальта)
- Йованич Татьяна** – доктор наук, доцент факультета права Белградского университета (Белград, Республика Сербия)
- Карим Ридоан** – доктор наук, профессор кафедры предпринимательского и налогового права Университета Монаша (Санвэй, Федерация Малайзия)
- Кастро Дуглас** – доктор наук, профессор международного права школы права Ланьчжоуского университета (Ланьчжоу, Китайская Народная Республика)
- Кера Решеф Дениза** – доктор наук, профессор Центра исследований технологий распределенного реестра Мальтийского университета (Мсида, Республика Мальта)
- Кипурас Павлос** – доктор наук, профессор Школы судебной графологии (Неаполь, Итальянская Республика)
- Мараньяо Альбукерке де Соуза Джулиано** – доктор наук, доцент факультета права Университета Сан-Паулу (Сан-Паулу, Федеративная Республика Бразилия)
- Мелипатаки Габор** – доктор наук, профессор кафедры аграрного и трудового права Университета Мишкольца (Мишкольц, Венгрия)
- Мехрдад Райеджиан Асли** – доктор наук, профессор Института исследований и развития в области гуманитарных наук, доцент кафедры ЮНЕСКО по правам человека, мира и демократии, заместитель декана по науке Университета имени Алламеха Табатабаи (Тегеран, Иран)
- Морина Менсур** – доктор наук, доцент, заместитель декана факультета права Университета бизнеса и технологий (Приштина, Республика Сербия)
- Мохсин Камшад** – доктор наук, доцент юридического факультета Международного университета Махариши (Махариши, Республика Индия)
- Муратаев Серикбек Алпамысович** – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Республика Узбекистан)
- Нуреддин Мухамад** – доктор наук, старший преподаватель кафедры публичного права Университета Байеро (Кано, Федеративная Республика Нигерия)
- Праюди Юди** – доктор наук, профессор кафедры компьютерных наук и электроники Университета Гаджа Мада (Булаксур, Республика Индонезия)
- Рахметов Бауржан Жанатович** – доктор наук, ассистент-профессор Международной школы экономики Университета КАЗГЮУ имени М. С. Нарикбаева (Нур-Султан, Республика Казахстан)
- Тран Ван Нам** – доктор наук, директор факультета права Национального экономического университета (Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам)
- Чен Чао Хан Кристофер** – доктор наук, доцент факультета права Тайваньского национального университета (Тайпей, Китайская Народная Республика)
- Шахновская Ирина Викторовна** – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой конституционного права и государственного управления Полоцкого государственного университета (Новополоцк, Республика Беларусь)
- Эллул Джошуа** – доктор наук, директор Центра исследований технологии распределенного реестра Мальтийского университета (Мсида, Республика Мальта)
- Юхневич Эдвард** – доктор наук, профессор кафедры финансового права Гданьского университета (Гданьск, Республика Польша)

Содержание

Ефремова М. А., Русскевич Е. А.

Уголовно-правовые проблемы противодействия преступности в метавселенной: современное состояние и перспективы развития **187**

Абделькарим Я. А.

Судебная аргументация как механизм правовой защиты детей от цифрового сексуального насилия и детской порнографии **203**

Бхаскар Н., Магоге Дж. С., Хашими С. К.

Передача технологий в эпоху военных конфликтов: правовые вызовы для международной торговли и международного гуманитарного права **222**

Цзинрун Л., Джигир Ш.

Регулирование платежей третьей стороной: анализ рисков и правовых механизмов в Китае **259**

Маюна И К. О., Девантара Р., Руслиджанто П. О.

Псевдонимизация персональных данных пользователей криптоактивов: проблемы правового регулирования в Индонезии **275**

Афувапе К.

Правовые барьеры цифровых слияний и поглощений: антимонопольное регулирование технологического сектора **304**

Огвеззи М. Ч.

Влияние пандемии COVID-19 на трансформацию судебной системы Нигерии: от традиционного к цифровому правосудию **338**

Научная статья
УДК 34:004:343.9:004.9
EDN: <https://elibrary.ru/ypsxqo>
DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.8>

Уголовно-правовые проблемы противодействия преступности в метавселенной: современное состояние и перспективы развития

Марина Александровна Ефремова ✉

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Россия

Евгений Александрович Русскевич

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

Ключевые слова

аватар,
виртуальность,
киберпреступность,
криминология,
метавселенная,
право,
преступность,
уголовная ответственность,
уголовное право,
цифровые технологии

Аннотация

Цель: исследование направлено на комплексный анализ уголовно-правовых рисков, возникающих в контексте развития метавселенной как нового цифрового пространства социального взаимодействия, определение понятия метавселенной и оценку возможностей противодействия преступной деятельности в данной среде средствами уголовного права.

Методы: методологию исследования составили диалектический метод научного познания, методы анализа и синтеза, а также совокупность специальных юридических методов. Применялся системный подход к изучению правовых явлений в цифровой среде, сравнительно-правовой метод для анализа зарубежного опыта, формально-юридический – для толкования нормативных актов и доктринальных положений.

Результаты: установлено, что привлекательность метавселенной для различных форм преступной деятельности в значительной степени обусловлена анонимностью пользователей и отсутствием четкого правового режима. Исследование показало, что на платформах метавселенной уже совершаются многочисленные преступления: общественно опасные деяния, связанные с распространением криминогенной и психотравмирующей информации, хищения цифрового имущества, преступная легализация доходов, посягательства против половой неприкосновенности личности. Выявлены системные проблемы противодействия преступности в метавселенной, включая территориальную юрисдикцию, идентификацию пользователей и процессуальные сложности доказывания.

✉ Корреспондирующий автор

© Ефремова М. А., Русскевич Е. А., 2025

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Научная новизна: проведен комплексный анализ уголовно-правовых аспектов функционирования метавселенной. Сформулированы теоретические подходы к квалификации преступлений, совершаемых в виртуальном пространстве, обоснована необходимость разработки специальных правовых конструкций для регулирования отношений в метавселенной. Предложена концепция многомерной модели правовой охраны отношений в метавселенной, основанной на государственно-частном партнерстве.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании уголовного законодательства в части регламентации ответственности за преступления, совершаемые в цифровом пространстве, разработке концепции правового регулирования метавселенной, создании механизмов государственно-частного партнерства в сфере противодействия киберпреступности. Полученные выводы актуальны для правоприменительной практики при расследовании преступлений, совершенных с использованием технологий виртуальной реальности.

Для цитирования

Ефремова, М. А., Русскевич, Е. А. (2025). Уголовно-правовые проблемы противодействия преступности в метавселенной: современное состояние и перспективы развития. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(2), 187–202. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.8>

Содержание

Введение

1. Понятие метавселенной

2. Преступность и метавселенная

Заключение

Список литературы

Введение

С расширением Web 3.0 в новом направлении стала развиваться виртуальная реальность. С 2021 г. ведущие IT-компании занялись разработкой метавселенной – нового цифрового пространства, сочетающего в себе физическую реальность, а также технологии дополненной реальности (AR) и виртуальной реальности (VR).

Считается, что технологии метавселенной могут быть широко использованы в таких сферах, как образование, культура, торговля и т. д. (Lewandowsky, 2024). Правительство Сингапура уже объявило о том, что в скором времени большинство государственных услуг можно будет получить через виртуальные представительства соответствующих структур в метавселенной¹.

В России внимание к вопросу регулирования и правовых рисков метавселенной в значительной степени было обусловлено выступлением Президента Российской

¹ Newar, B. (2022, July 29). Marriages and court cases can be held in the Metaverse. Cointelegraph. <https://clck.ru/3MGuS6>

Федерации В. В. Путина, в котором глава государства заявил о необходимости использовать возможности метавселенных, чтобы люди могли общаться, вместе работать, учиться, реализовывать совместные творческие и деловые проекты. При этом он отметил, что это настоящий вызов для технологических компаний, креативных индустрий, а также для юристов, которым предстоит разработать нормы регулирования экономических, общественных отношений в принципиально новом мире².

По экспертным оценкам, в 2025 г. объем рынка метавселенной должен достичь 74,4 млрд долларов США, а количество пользователей уже к 2030 г. достигнет 2 633 млн пользователей³. Многие ведущие мировые бренды уже обозначили свое присутствие в метавселенной и начали проводить виртуальные показы, концерты и выставки, осуществлять торговлю. Так, например, в метавселенной Decentraland Dolce & Gabbana провели первую неделю моды Metaverse Fashion Week, на которой была представлена коллекция из 20 предметов⁴. Omoda презентовала новую линейку автомобилей на платформе метавселенной. Посетители виртуального представительства оставили заявки на тест-драйв автомобилей, а сами продажи с момента работы виртуального дилерского центра возросли⁵.

Следует согласиться с А. М. Константиновым, что в настоящий момент происходит становление цифровой метавселенной как комплексного и многостороннего общественного пространства, отдельные аспекты изучения которого являются вызовом для многих гуманитарных наук, в том числе и для правовой теории⁶.

Важно понять, что метавселенная – это не просто очередная многопользовательская компьютерная игра. Идея метавселенной заключается в создании виртуального аналога реального мира, хотя, конечно же, этим не ограничится (Narasimhan & Kala, 2024). В уголовно-правовом аспекте метавселенная привлекает внимание тем, что она как новое пространство для социального взаимодействия может выступать (а по факту уже выступает) пространством для осуществления преступной деятельности (Saharan et al., 2024). Ведь для многих предусмотренных уголовным законом общественно опасных посягательств виртуализация мало что меняет в достижении желаемого результата. Более того, такой виртуальный мир, не имеющий четкой правоохранительной системы, располагает вполне очевидными преимуществами для злоумышленников (анонимность, широкий охват аудитории и др.) (Marshall & Tompsett, 2023).

Здесь можно было бы сразу возразить тем, что проблема вредоносного поведения в метавселенной является надуманной, не требует вмешательства со стороны права и должна остаться сугубо в системе отношений «владелец ресурса – пользователь». Полагаем, что это ошибочное представление. Такое устранение от публичного регулирования и охраны (теория «магического круга») относительно пригодно для компьютерных игр, но не для виртуального аналога реального мира, в котором

---

² Стенограмма выступлений участников Конференции по искусственному интеллекту Artificial Intelligence Journey 2021. (2021, 12 ноября). <https://clck.ru/3MGUu3>

³ Metaverse – Worldwide. Statista. <https://clck.ru/3MGUw6>

⁴ Metaverse Fashion week. (2022, April 25). NFT Art. <https://clck.ru/3MGUYW>

⁵ Есть ли в России спрос на мероприятия в метавселенных. (2023, 29 июля). Sostav. <https://clck.ru/3MGUau>

⁶ Константинов, А. М. (2023). Игровые нормы в процессе правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград. С. 145.

осуществляют свою деятельность государственные органы, коммерческие и некоммерческие организации, а также реальные люди, хотя и посредством своих цифровых двойников (аватаров) (Singh, 2024).

1. Понятие метавселенной

Считается, что сам термин «метавселенная» впервые появился в романе Нила Стивенсона «Лавина» в 1992 г., где под таковой автором понимался виртуальный мир, выступающий продолжением физической жизни людей, в котором они проводили большую часть своего времени.

Метавселенная представляет собой результат конвергенции технологий. При этом блокчейн и Web.3 называются в качестве ключевых. Технология иммерсии (или погружения) также является одним из основных компонентов метавселенной. Она необходима для подключения пользователей к виртуальному миру и взаимодействия с его объектами (Alawadhi, 2023). Иммерсивные технологии позволяют дать пользователю реалистичное представление виртуального контента в метавселенной. Интернет вещей (IoT) необходим для соединения метавселенной с реальным миром. Для связи и передачи данных требуется сеть. Именно благодаря ей пользователи по всему миру могут подключиться к метавселенной (AlMutawa et al., 2024). Облачные и периферийные вычисления требуются для распределенного хранения и обработки огромного объема данных, который генерирует метавселенная. Важно подчеркнуть, что метавселенная позволяет взаимодействовать людям так, будто они находятся не в виртуальном, а в реальном мире.

Хотя универсального определения метавселенной не существует, в широком смысле ее можно определить как коллективное виртуальное пространство, которое создается посредством конвергенции дополненной виртуальной реальности и физического мира.

2. Преступность и метавселенная

Перед уголовным правом метавселенная ставит в целом ту же системную проблему, которая возникает применительно к любой отрасли права (AL-Tkhayneh et al., 2023). Условно ее можно обозначить следующим образом: если метавселенная есть цифровой аналог физического мира, в котором лица через свои цифровые образы (аватары) вступают в те или иные отношения, допускают поведение, связанное с причинением вреда, можно ли распространить имеющиеся правовые конструкции как на эти отношения, так и на это вредоносное поведение?

В современной литературе высказывается мнение, что в метавселенной может быть совершено любое преступление, вплоть до убийства. Смелая мысль. Чтобы согласиться с ней, надо пересмотреть многие фундаментальные положения уголовного права, сформировать совершенно иное представление о таких ключевых категориях, как потерпевший, жизнь, смерть, субъект преступления и др. Готова ли отечественная правовая доктрина к этому? Пожалуй, нет.

В настоящее время на платформах метавселенной совершаются преступления, связанные с распространением криминогенной и психотравмирующей информации (Gómez-Quintero et al., 2023). В известной степени это было ожидаемо, поскольку цифровые технологии всегда были привлекательны для преступной деятельности, связанной с распространением запрещенного контента (Teodorov, 2023).

Применительно ко многим преступным деяниям данной группы (ст. 110, 110¹, 110², 128¹, 137, 205¹, 205², 205³, 242, 242¹, 280, 280¹, 280³, 280⁴, 282 УК РФ и др.) их осуществление в метавселенной не исключает возможность привлечения лица к уголовной ответственности. Метавселенная здесь выступает лишь одной из многих (мессенджеры, социальные сети, многопользовательские виртуальные игры и др.) цифровых площадок, используемых лицом для распространения запрещенной информации (Blake, 2024).

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, составляют ли сведения об активности лица в метавселенной его личную тайну по смыслу ст. 137 УК РФ. Виртуальный мир до настоящего времени дает пользователю почти безграничные возможности для самоидентификации и самовыражения: он может выбрать аватар любого пола, по своему усмотрению определить его расу, возраст и особенности внешнего облика. Пользователь может вступать в самые разные отношения с другими аватарами и проявлять активность в метавселенной, сведения о которой могут оцениваться им как тайна личной жизни. Например, в метавселенной пользователи могут не только находиться в отношениях (проявлять сексуальную активность без физического контакта), но и заключить брак с получением NFT-сертификата, который выступает своеобразной альтернативой официальной регистрации в реальном мире. Полагаем, что собирание и распространение подобных сведений о реальном человеке (при условии их соответствия признакам тайны) в полной мере подпадают под действие ст. 137 УК РФ.

Дискуссионным является вопрос о возможности привлечения лица к уголовной ответственности за совершенное в метавселенной нарушение права на свободу совести и вероисповедания (ст. 148 УК РФ). По своей природе данное преступление может выражаться как сугубо в публичном распространении определенной информации оскорбительного для верующих характера, так и в совершении конкретных действий, связанных с вмешательством в проведение богослужения, обряда и т. п. Если в первом случае применение ст. 148 УК РФ не может вызывать возражений, то для иных действий необходимо согласиться сразу с несколькими допущениями. Прежде всего с тем, что богослужение или иной религиозный обряд могут иметь место в метавселенной. Кроме того, следует также признать, что поведение аватара при осуществлении богослужения в метавселенной обладает признаками именно вмешательства. Ведь при определенных обстоятельствах лицо, не осведомленное о тонкостях того или иного религиозного обряда, может вполне добросовестно оценивать свои действия как допустимые и не создающие препятствий для его осуществления. Но, конечно же, ключевой вопрос здесь находится все же в плоскости признания самой возможности реализации права на свободу совести и вероисповедания в виртуальном пространстве.

Обсуждаемой проблемой преступности в метавселенной является возможность совершения посягательств против половой свободы и половой неприкосновенности личности (Wiederhold, 2022). Ключевой момент здесь в том, что «сексуальному насилию» подвергается, конечно же, не сам пользователь, а его аватар⁷. Столкнувшись с этим лица отмечали, что испытали в результате подобных действий сильное

⁷ Smith, I. (2016, October 30). Even in a virtual world, the harsh reality of sexual harassment persists. NPR. <https://clck.ru/3MGumo>

эмоциональное потрясение. Известным примером является случай с Ниной Джейн Патель, аватар которой подвергся сексуальному насилию сразу со стороны четырех аватаров мужского пола на платформе Horizon Venues. По ее словам, она испытала психологическое потрясение. В литературе действительно отмечается, что благодаря иммерсивным технологиям такие действия в отношении аватара могут вызывать эмоциональные переживания, сравнимые с потрясением от сексуального насилия в реальной жизни (Chawki et al., 2024).

Известен и еще один пример: в Великобритании было инициировано расследование инцидента в метавселенной, где аватар (владельцем являлся ребенок) подвергся нападению, сопряженному с манипуляциями, похожими на насильственные действия сексуального характера. Данный факт вызвал неоднозначную реакцию у общественности. Многие выступили с критикой, указывая на то, что правоохранительные органы должны заниматься уголовным преследованием по делам о реальных посягательствах на половую свободу⁸.

По тем же причинам, что и с убийством, применение уголовно-правовых норм об ответственности за половые преступления применительно к приведенным выше случаям в отношении аватаров метавселенной, представляется невозможным. Аватар – это лишь цифровой образ человека в виртуальном мире и половой свободой, равно как и половой неприкосновенностью, обладать не может. Во всяком случае, на настоящий момент это так. Можно, конечно, предположить, что по прошествии времени такие цифровые альтер эго станут настолько неотделимы от реальной личности, что нам придется концептуально пересмотреть понимание объекта половых посягательств, признав частью половой свободы человека также его право по собственному усмотрению и без принуждения выбирать партнеров и вступать в половые отношения, используя свой аватар в метавселенной (Cheong, 2022). Как бы то ни было, это вопрос будущего и, думается, не самого близкого.

Важно сделать оговорку о том, что уже сейчас возбуждение уголовного дела по факту развратных действий в метавселенной, а в отдельных случаях и в соответствии с положениями о насильственных действиях сексуального характера в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, является возможным и по российскому уголовному законодательству. Конечно же, при условии, что виновные были осведомлены о возрасте владельца аватара.

Экосистема метавселенной предоставляет возможности по приобретению «цифрового имущества», в том числе виртуальных земельных участков, зданий и сооружений. К трем самым популярным платформам можно отнести The Sandbox, Decentraland и SuperWorld. Известно, что стоимость земельных участков может составлять от сотен до миллионов долларов США. Так, одной из самых дорогих сделок с «цифровой недвижимостью» явилась покупка 100 частных островов на платформе The Sandbox за 4,3 млн долларов США⁹. Пользователи метавселенной делают ставки на виртуальные земельные участки через торговые площадки, а процесс покупки во

---

⁸ Camber, R. (2024, January 1). British police probe VIRTUAL rape in metaverse: Young girl's digital persona 'is sexually attacked by gang of adult men in immersive video game' - sparking first investigation of its kind and questions about extent current laws apply in online world. Mail Online. <https://clck.ru/3MejXs>

⁹ META MONEY Most expensive metaverse properties – including \$4.3m purchase of EMPTY virtual land. (2022, March 28). The Sun. <https://clck.ru/3MGuu6>

многим похож на покупку недвижимости в реальном мире. Как только покупатель приобретает виртуальную землю, сделка записывается в блокчейне, что в каком-то смысле служит аналогом внесения регистрирующей записи в реестр недвижимого имущества при осуществлении сделок в реальном мире. Поскольку многие из этих виртуальных миров имеют ограниченное количество земельных участков, по мере роста популярности платформы растет и их стоимость. Случаи неправомерного завладения цифровым имуществом в метавселенной также известны. Например, с помощью вредоносной программы была «похищена» земля стоимостью £10 000¹⁰ одного из пользователей на платформе The Sandbox.

Согласно отечественному уголовному законодательству, похитить виртуальное имущество нельзя. Здесь можно вести речь лишь о неправомерном доступе к охраняемой законом компьютерной информации из корыстных побуждений (ч. 2 ст. 272 УК РФ). Однако следует признать, как же по своей природе далека подобная квалификация содеянного от содержания и направленности деяния, связанного с завладением цифровыми активами потерпевшего. Ведь речь здесь идет не столько о преодолении средств программно-технической защиты информации, сколько о завладении предметами, обладающими оборотоспособностью и зачастую значительной стоимостью.

Ведущаяся в современной юридической науке дискуссия по этому поводу (Lin et al., 2023), как правило, указывает на зависимость уголовно-правовой охраны от регулирования оборота соответствующих объектов в гражданском праве. Однако с учетом складывающейся ситуации все больше появляется аргументов, позволяющих говорить, что такая связь не есть абсолютная зависимость одного от другого (Bhardwaj, 2024). Пожалуй, признаваемая своего рода вторичность уголовно-правовой охраны здесь может быть преодолена путем выработки специальных правил квалификации посягательств на «цифровое имущество», при которых они будут образовывать предмет конкретных преступлений против собственности. Как известно, нечто подобное уже реализовано в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ применительно к легализации. Если сделки с криптовалютами и иными цифровыми активами возможны *per se*, в том числе для целей преступной легализации, то нет серьезных препятствий к тому, чтобы рассматривать их и как объект, имеющий конкретную стоимость на момент преступного посягательства.

Как уже отмечалось, внутренняя экономика метавселенной служит эффективным инструментом легализации преступных доходов (Wu et al., 2023). Метавселенные позволяют, равно как и в мире физическом, но с меньшими рисками, создавать видимость «прибыльной» экономической деятельности (оказание виртуальных услуг, торговля виртуальными активами и т. п.). В юридической литературе на это уже было обращено внимание (Mooij, 2024). В целом и в этой части положения отечественного уголовного законодательства (ст. 174, 174¹ УК РФ) могут быть применены на общих основаниях.

Наличие собственной экономики внутри метавселенной (Wasswa, 2023) ставит вопрос о применимости традиционных положений уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности и налогообложения. Представим себе ситуацию, что на одной из платформ лицо

---

¹⁰ LAND GRAB I bought £10,000 worth of digital land in The Sandbox metaverse game but it was stolen and sold for £23,000. (2022, January 11). The U.S. Sun. <https://clck.ru/3MGuvq>

организует пункт обмена криптовалюты. Используя аватары, клиенты посещают криптообменник, осуществляют расчеты с организатором в той или иной форме. Понятно, что в реальной жизни подобная деятельность служит основанием для привлечения лица к уголовной ответственности за занятие незаконной банковской деятельностью (при доказанности крупного размера дохода). Как справедливо отмечается в литературе, действия по обналичиванию денежных средств могут образовывать преступление, предусмотренное ст. 172 УК РФ, при условии извлечения дохода в крупном размере, поскольку операции обналичивания могут быть отнесены к кассовому обслуживанию физических и юридических лиц (Грибунов и др., 2023). Однако в метавселенной банковские операции осуществляться не могут, во всяком случае с формальной точки зрения.

Равным образом сложной является задача квалификации действий лица, который, имея статус хозяйствующего субъекта, осуществляет свою деятельность (консультационные услуги, проектирование, дизайн и др.) не только в физическом мире, но и в метавселенной, получая от последней значительный доход. И. А. Хаванова вполне справедливо резюмирует, что национальные регуляторы и налоговые органы находятся пока в стадии осмысления проблем, которые возникают в метавселенной, в том числе связанных с определением момента возникновения дохода, оценки операций по обмену виртуальных товаров на виртуальные или фиатные валюты. При этом автор прав относительно того, что техническая невозможность безупречно точного исчисления налоговой базы и определения источника дохода в пространстве, неотъемлемой составляющей которого является анонимность, не должна служить основой для неналогообложения (Хаванова, 2024). Следовательно, невозможна даже сама постановка вопроса о применении норм о налоговых преступлениях в случаях, когда лицо вводит в заблуждение налоговые органы относительно полученного дохода от деятельности в метавселенной.

Приведенный выше перечень уголовно-правовых рисков метавселенной, конечно же, не является исчерпывающим. Например, можно было бы дополнительно рассмотреть актуальную проблему совершения коррупционных преступлений с использованием цифровых объектов метавселенной, однако дальнейшая презентация конкретных примеров мало что добавит к общей картине. Важнее обратить внимание на ряд системных проблем противодействия преступности в метавселенной.

Как известно, метавселенная не имеет географических границ. Специалистами активно обсуждается проблема установления так называемых киберграниц, или пределов действия полномочий государств при виртуальном взаимодействии и соблюдении «киберсуверенитета». Ожидается, что для метавселенной будут разработаны особые процедуры по привлечению лиц к ответственности за правонарушения и преступления, основанные на законодательстве стран, с которыми аффилированы соответствующие платформы метавселенной¹¹. Пока указанные проблемы находятся лишь в стадии проработки, что создает дополнительные предпосылки для различных форм преступной деятельности.

Много споров ведется относительно того, следует ли раскрывать реальную личность пользователя метавселенной в случае совершения им противоправного деяния. Это так или иначе связано с вопросом о том, должна ли реальная личность пользователя

---

¹¹ Abraham, A. (2022, April 4). Law & Order in the Metaverse. Finextra. <https://clck.ru/3MGv2L>

быть объединена только с одним аватаром. Очевидно, что, если у пользователя может быть только один аватар, потребуется дополнительная идентификационная информация. Поскольку юридические гарантии права на неприкосновенность частной жизни в разных странах различаются, необходимо достичь консенсуса относительно того, какую информацию о своей личности должны предоставлять пользователи.

До настоящего времени при создании аватаров пользователи могут имитировать других лиц: знаменитостей или своих знакомых, коллег по работе, а также умерших лиц. Со временем подобное положение может привести не только к этическим, но и правовым проблемам (Бегишев и др., 2023). Так, например, правоприменительная практика может столкнуться с многочисленными спорами, предметом которых будут заявления о защите чести и достоинства, деловой репутации и доброго имени от действий, совершенных в метавселенной с использованием биометрических данных пострадавшего (допустим, разобидевшийся студент начинает использовать биометрические данные преподавателя в метавселенной в образе проститутки или наркоторилера). Принципиальное решение представляется возможным путем введения механизма регистрации в публичном реестре аватаров, когда каждый человек регистрирует только один аватар в метавселенной под уникальным идентификатором (Qin et al., 2025). При этом, если мы говорим о метавселенной как об альтернативном социальном пространстве в виртуальной среде, создание такого регистрируемого аватара, думается, должно привязываться к биометрическим данным самого пользователя (технически это возможно уже сейчас). Иными словами, на определенном этапе развития метавселенной от имеющейся сейчас полной свободы выбора цифрового образа, думается, придется отказаться.

И наконец, изложенное выше, связанное с применимостью (большей или меньшей) положений материального уголовного права к деяниям пользователей в метавселенной, имеет под собой перспективу только в том случае, если мы согласимся, что обладаем процессуальным и криминалистическим инструментарием, позволяющим осуществить доказывание по уголовному делу. На это уже было обращено внимание в отечественной науке. Так, О. А. Зайцев справедливо пишет о том, что на современном этапе требуется расширение возможностей обращения к технологическим интегрированным платформам, способствующим получению необходимых данных в инфраструктуре единого информационного пространства, а также изменение самих представлений об уголовно-процессуальной форме, вступающей в противоречие с современными способами получения доказательственной информации. Прав автор и в том, что настоятельно необходима дальнейшая правовая регламентация использования электронных доказательств при доказывании виновности (невинности) лица в совершении преступного деяния, а также расширение круга следственных действий, позволяющих более продуктивно получать доказательственную информацию в электронном формате (Зайцев, 2024).

Заключение

Самым предсказуемым ответом на все проблемные вопросы правового регулирования и охраны отношений в метавселенной было бы заявить о том, что цифровой аналог физического пространства человека требует цифрового аналога реально существующего права. Это предполагает либо применение положений законодательства по аналогии (там, где это допустимо), либо расширение пределов действующих правовых конструкций посредством толкования, либо в необходимых случаях

конструирование специальных «цифровых двойников» правовых норм, рассчитанных именно на эти отношения.

Однако простота решения – не гарантия его правильности. Далеко не все в метавселенной должно быть урегулировано либо поставлено под охрану средствами уголовной репрессии. Как и в мире физическом, в метавселенной есть сферы, которые должны остаться вне правовой регламентации. И, пожалуй, можно утверждать, что таких сфер в метавселенной должно быть значительно больше, чем в реальной жизни.

При всем при том ясно и то, что остаться в парадигме невмешательства реального права в виртуальные отношения не получится (Duranske, 2008; Fairfield, 2012). Как пишет А. А. Смирнов, в более длинном горизонте событий по мере утверждения онтологического статуса виртуальных миров в качестве новой среды существования человека возникнет потребность в создании полноценной системы правового регулирования жизни в виртуальных мирах (метавселенных). Из этих же соображений автор обосновывает необходимость разработки и принятия федерального закона «О системах виртуальной и дополненной реальности»¹².

Вместе с тем Т. Я. Хабриева совершенно справедливо указывает на общую неэффективность исключительно законодательного регулирования отношений в киберпространстве в сравнении с иными механизмами (Хабриева, 2018). В связи с этим перспективной видится модель регулирования и охраны отношений в метавселенной преимущественно путем разработки рамочных правил поведения пользователей (так называемая система «мягкого права») и точечным регулированием нормами права тех отношений, которые никак иначе урегулированы быть не могут (выходят за грани пресловутого «магического круга»). В целях предупреждения и эффективного противодействия совершению преступлений государствам и владельцам платформ метавселенной еще предстоит найти баланс между анонимностью и защитой конфиденциальных данных пользователей. Платформы метавселенной не могут оставаться лишь виртуальным полем для взаимодействия пользователей, они сами должны быть вовлечены в процесс их взаимодействия для обеспечения баланса интересов. Следовательно, модель охраны отношений в метавселенной от наиболее опасных посягательств должна быть многомерной и основываться на тесном взаимодействии государства, IT-отрасли, бизнеса и самих пользователей.

Список литературы

- Бегишев, И. Р., Денисович, В. В., Сабитов, Р. А., Пасс, А. А., Скоробогатов, А. В. (2023). Уголовно-правовое значение метавселенных: коллизии в праве. *Правопорядок: История, Теория, Практика*, 4(39), 58–62. EDN: <https://elibrary.ru/hehwgn>. DOI: <https://doi.org/10.47475/2311-696x-2023-39-4-58-62>
- Грибунов, О. П., Никонов, П. В., Пархоменко С. В., Рогова, Е. В. Шиханов, В. Н. (2023). *Цифровая валюта и цифровые финансовые права как предмет и средство совершения преступлений*. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. EDN: <https://www.elibrary.ru/ryrwsj>
- Зайцев, О. А. (2024). Особенности уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровизации. *Журнал российского права*, 8, 93–112. EDN: <https://elibrary.ru/bjnfvn>. DOI: <https://doi.org/10.61205/S160565900030639-6>
- Хабриева, Т. Я. (2018). Право перед вызовами цифровой реальности. *Журнал российского права*, 9(261), 5–16. EDN: <https://elibrary.ru/ozgiav>. DOI: https://doi.org/10.12737/art_2018_9_1

¹² Смирнов, А. А. (2022). Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва.

- Хаванова, И. А. (2024). Метавселенная: проблема адаптации налогово-правовых конструкций. *Журнал российского права*, 7, 78–93. EDN: <https://elibrary.ru/ejrgxj>. DOI: <https://doi.org/10.61205/S160565900029634-1>
- Alawadhi, I. M. (2023). *Future Cybercrimes in the Metaverse: A Comprehensive Forecast*. In H. Elshenraki (Ed.), *Forecasting Cyber Crimes in the Age of the Metaverse* (pp. 24–32). IGI Global Scientific Publishing. <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-0220-0.ch002>
- AlMutawa, A., Ikuesan, R. A., & Said, H. (2024). Towards a Comprehensive Metaverse Forensic Framework Based on Technology Task Fit Model. *Future Internet*, 16(12), 437. EDN: <https://elibrary.ru/yoousp>. DOI: <https://doi.org/10.3390/fi16120437>
- AL-Tkhayneh, K. M., Olowoselu, A., & Alkrisheh, M. A. (2023). The Crime in Metaverse (the Future Scenarios for Crime Patterns and the Prospective Legal Challenges). In *2023 Tenth International Conference on Social Networks Analysis, Management and Security (SNAMS), Abu Dhabi, United Arab Emirates* (pp. 1–6). <https://doi.org/10.1109/snams60348.2023.10375402>
- Bhardwaj, A. (2024). *Cyber Fraud Use Cases in the Metaverse*. In *Beyond the Realms: Navigating the Metaverse* (pp. 106–130). Bentham science publishers. <https://doi.org/10.2174/9789815238457124010007>
- Blake, J. (2024). Online Crime in the Metaverse: A Study on Classification, Prediction, and Mitigation Strategies. In H. N. Elshenraki (Ed.), *Forecasting Cyber Crimes in the Age of the Metaverse* (pp. 66–77). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-0220-0.ch004>
- Chawki, M., Basu, S., & Choi, K.-S. (2024). Redefining Boundaries in the Metaverse: Navigating the Challenges of Virtual Harm and User Safety. *Laws*, 13(3), 33. EDN: <https://elibrary.ru/ssccdc>. DOI: <https://doi.org/10.3390/laws13030033>
- Cheong, B. C. (2022). Avatars in the metaverse: potential legal issues and remedies. *International Cybersecurity Law Review*, 3, 467–494. EDN: <https://elibrary.ru/bvvoth>. DOI: <https://doi.org/10.1365/s43439-022-00056-9>
- Duranske, B. T. (2008). *Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds*. Chicago, Illinois: ABA Publishing, American Bar Association.
- Fairfield, J. A. T. (2012). Mixed Reality: How the Laws of Virtual Worlds Govern Everyday Life. *Berkeley Technology Law Journal*, 27, 55.
- Gómez-Quintero, J., Johnson, Sh. D., Borrion, H., & Lundrigan, S. (2023). A scoping study of crime facilitated by the metaverse. <https://doi.org/10.31235/osf.io/x9vbn>
- Lewandowsky, P. (2024). Cybercrime in the Meta-Universe. *Journal of Social Science and Humanities*, 6(8), 5–8. EDN: <https://elibrary.ru/kbjojn>. DOI: [https://doi.org/10.53469/jssh.2024.06\(08\).02](https://doi.org/10.53469/jssh.2024.06(08).02)
- Lin, K.-X., Wu, J., Lin, D., & Zheng, Z. (2023). A Survey on Metaverse: Applications, Crimes and Governance. In *2023 IEEE International Conference on Metaverse Computing, Networking and Applications (MetaCom), Kyoto, Japan* (pp. 541–549). <https://doi.org/10.1109/metacom57706.2023.00097>
- Marshall, A. M., & Tompsett, B. (2023). The metaverse – Not a new frontier for crime. *WIREs Forensic Science*, 6(1), e1505. EDN: <https://elibrary.ru/eilnzh>. DOI: <https://doi.org/10.1002/wfs2.1505>
- Mooij, A. (2024). *Regulating the Metaverse Economy*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-46417-1>
- Narasimhan, P., & Kala, N. (2024). Securing the Metaverse: AI-Driven Solutions for Cyber Security, Privacy, and User Trust. *International Journal of Scientific Research in Computer Science, Engineering and Information Technology*, 10(6), 1890–1918. EDN: <https://elibrary.ru/vakoem>. DOI: <https://doi.org/10.32628/cseit241061238>
- Qin, H. X., Wang, Y. & Hui, P. (2025). Identity, crimes, and law enforcement in the Metaverse. *Humanit Soc Sci Commun*, 12, 194. <https://doi.org/10.1057/s41599-024-04266-w>
- Saharan, S., Singh, S., Bhandari, A. K., & Yadav, B. (2024). The Future of Cyber-Crimes and Cyber War in the Metaverse. In H. N. Elshenraki (Ed.), *The Age of the Metaverse* (pp. 126–148). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-0220-0.ch007>
- Singh, P. P. (2024). Cyber Crimes in Metaverse. *International Journal of Science and Research*, 13(2). EDN: <https://elibrary.ru/ulmpvh>. DOI: <https://doi.org/10.21275/mr24130195237>
- Teodorov, A.-V. (2023). Cybercrimes in the Metaverse: Challenges and Solutions. In *International Conference on Cybersecurity and Cybercrime*, 10 (pp. 209–215). <https://doi.org/10.19107/cybercon.2023.28>
- Wasswa, S. (2023). Predicting Future Cybercrime Trends in the Metaverse Era. In H. N. Elshenraki (Ed.), *Forecasting Cyber Crimes in the Age of the Metaverse* (pp. 78–113). IGI Global. EDN: <https://elibrary.ru/swgaya>. DOI: <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-0220-0.ch005>
- Wiederhold, B. K. (2022). Sexual harassment in the metaverse. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 25(8), 479–480. EDN: <https://elibrary.ru/hocuqv>. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2022.29253.editorial>
- Wu, J., Lin, K., Lin, D., Zheng, Z., Huang, H., & Zheng, Z. (2023). Financial Crimes in Web3-Empowered Metaverse: Taxonomy, Countermeasures, and Opportunities. *IEEE Open Journal of the Computer Society*, 4, 37–49. <https://doi.org/10.1109/ojcs.2023.3245801>

Сведения об авторах

Ефремова Марина Александровна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Адрес: 420088, Россия, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7а

E-mail: crimlaw16@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1076-2765>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57189299773>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/rid/E-6250-2016>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=mLPofnMAAAAJ>

РИНЦ Author ID: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=630526

Русскевич Евгений Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

E-mail: russkevich@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4587-8258>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57919310600>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/2510065>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.ru/citations?user=rwKPImlIAAAAJ>

РИНЦ Author ID: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=539093

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку концепции, методологии, валидацию, формальный анализ, проведение исследования, подбор источников, написание и редактирование текста, руководство и управление проектом.

Конфликт интересов

Авторы являются членами редакционной коллегии журнала, статья прошла рецензирование на общих основаниях.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.07.45 / Право и научно-технический прогресс

Специальность ВАК: 5.1.4 / Уголовно-правовые науки

История статьи

Дата поступления – 8 марта 2025 г.

Дата одобрения после рецензирования – 26 марта 2025 г.

Дата принятия к опубликованию – 20 июня 2025 г.

Дата онлайн-размещения – 25 июня 2025 г.

Research article
UDC 34:004:343.9:004.9
EDN: <https://elibrary.ru/ypsxqo>
DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.8>

Criminal-Legal Issues of Countering Crime in the Metaverse: Current State and Prospects of Development

Marina A. Efremova ✉

Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russia

Evgeniy A. Russkevich

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

Keywords

avatar,
crime,
criminal law,
criminal liability,
criminology,
cybercrime,
digital technologies,
law,
metaverse,
virtuality

Abstract

Objective: to conduct a comprehensive analysis of criminal-legal risks arising in the development of the metaverse as a new digital space of social interaction; to define the concept of the metaverse and assess the possibilities of countering criminal activity in this environment by means of criminal law.

Methods: the research methodology consists of the dialectical method of scientific cognition, analysis, synthesis, and a set of specific legal methods. A systematic approach was applied to study legal phenomena in the digital environment; a comparative legal method was used to analyze foreign experience, and a formal legal method – to interpret regulations and doctrinal provisions.

Results: it has been established that the metaverse attractiveness for various forms of criminal activity is largely due to the user anonymity and the lack of a clear legal regime. The study showed that numerous crimes are already being committed on the metaverse platforms. These include socially dangerous acts related to the dissemination of criminogenic and traumatic information, theft of digital property, criminal money laundering, and attacks against the sexual integrity of a person. The authors identify systemic problems of countering crime in the metaverse, including territorial jurisdiction, user identification, and procedural difficulties of proof.

✉ Corresponding author

© Efremova M. A., Russkevich E. A., 2025

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Scientific novelty: a comprehensive analysis of the criminal-legal aspects of the metaverse functioning was performed. The article formulated theoretical approaches to the qualification of crimes committed in the virtual space. The work substantiates the need to develop special legal structures for regulating relations in the metaverse. The authors proposed a concept of a multidimensional model of legal protection of relations in the metaverse based on public-private partnership.

Practical significance: the study results can be used in improving criminal legislation in terms of regulating responsibility for crimes committed in the digital space. The work may help to develop the concept of legal regulation of the metaverse and to create mechanisms for public-private partnership in the field of countering cybercrime. The findings are relevant for law enforcement practice in the investigation of crimes committed using virtual reality technologies.

For citation

Efremova, M. A., & Russkevich, E. A. (2025). Criminal-Legal Issues of Countering Crime in the Metaverse: Current State and Prospects of Development. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(2), 187–202. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.8>

References

- Alawadhi, I. M. (2023). *Future Cybercrimes in the Metaverse* (pp. 24–32). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-0220-0.ch002>
- AlMutawa, A., Ikuesan, R. A., & Said, H. (2024). Towards a Comprehensive Metaverse Forensic Framework Based on Technology Task Fit Model. *Future Internet*, 16(12), 437. <https://doi.org/10.3390/fi16120437>
- AL-Tkhayneh, K. M., Olowoselu, A., & Alkrishah, M. A. (2023). *The Crime in Metaverse (the Future Scenarios for Crime Patterns and the Prospective Legal Challenges)*. 1–6. <https://doi.org/10.1109/snams60348.2023.10375402>
- Begishev, I., Denisovich, V. V., Sabitov, R. A., Pass, A. A., & Skorobogatov, A. (2023). *Criminal-legal significance of metaverses: collisions in law*. <https://doi.org/10.47475/2311-696x-2023-39-4-58-62>
- Bhardwaj, A. (2024). *Cyber Fraud Use Cases in the Metaverse* (pp. 106–130). BENTHAM SCIENCE PUBLISHERS. <https://doi.org/10.2174/9789815238457124010007>
- Billcliff, T. (2023). *Cybercrimes in the Metaverse: Challenges and Solutions*. <https://doi.org/10.19107/cybercon.2023.28>
- Blake, J. (2023). *Online Crime in the Metaverse* (pp. 66–77). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-0220-0.ch004>
- Chawki M., Basu, S., Choi, K.-S. (2024). Redefining Boundaries in the Metaverse: Navigating the Challenges of Virtual Harm and User Safety. *Laws*, 13(3), 33. <https://doi.org/10.3390/laws13030033>
- Cheong, B. C. (2022). Avatars in the metaverse: potential legal issues and remedie. *International Cybersecurity Law Review*, 3, 467–494. <https://doi.org/10.1365/s43439-022-00056-9>
- Duranske, B. T. (2008). *Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds*. Chicago, Illinois: ABA Publishing, American Bar Association.
- Fairfield J. A. T. (2012). Mixed Reality: How the Laws of Virtual Worlds Govern Everyday Life. *Berkeley Technology Law Journal*, 27.
- Gómez-Quintero, J, Johnson, Sh. D., Borrion, H., & Lundrigan, S. (2023). *A scoping study of crime facilitated by the metaverse*. <https://doi.org/10.31235/osf.io/x9vbn>
- Gribunov, O. P., Nikonov, P. V., Parkhomenko, S. V., Rogova, E. V., Shikhanov, V. N. (2023). *Digital currency and digital financial rights as an object and means of committing crimes*. Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Russian Prosecutor's Office.
- Khabrieva, T. Ya. (2018). The law facing the challenges of digital reality. *Journal of Russian Law*, 9(261), 5–16. https://doi.org/10.12737/art_2018_9_1

- Khavanova, I. A. (2024). The metaverse: the problem of adapting tax and legal structures. *Journal of Russian Law*, 7, 78–93. <https://doi.org/10.61205/S160565900029634-1>
- Lewandowsky, P. (2024). Cybercrime in the Meta-Universe. *Journal of Social Science and Humanities*, 6(8), 5–8. [https://doi.org/10.53469/jssh.2024.06\(08\).02](https://doi.org/10.53469/jssh.2024.06(08).02)
- Lin, K.-X., Wu, J., Lin, D., & Zheng, Z. (2023). A Survey on Metaverse: Applications, Crimes and Governance. In *2023 IEEE International Conference on Metaverse Computing, Networking and Applications (MetaCom)*, Kyoto, Japan (pp. 541–549). <https://doi.org/10.1109/metacom57706.2023.00097>
- Marshall, A. M., & Tompsett, B. (2023). The metaverse – Not a new frontier for crime. *WIREs Forensic Science*, 6(1), e1505. <https://doi.org/10.1002/wfs2.1505>
- Mooij A. (2024). *Regulating the Metaverse Economy*. Springer Briefs in Law. Springer.
- Narasimhan, P., & Kala, N. (2024). Securing the Metaverse: AI-Driven Solutions for Cyber Security, Privacy, and User Trust. *International Journal of Scientific Research in Computer Science, Engineering and Information Technology*, 10(6), 1890–1918. <https://doi.org/10.32628/cseit241061238>
- Qin, H. X., Wang, Y. & Hui, P. (2025). Identity, crimes, and law enforcement in the Metaverse. *Humanit Soc Sci Commun*, 12, 194. <https://doi.org/10.1057/s41599-024-04266-w>
- Saharan, S., Singh, S., Bhandari, A. K., & Yadav, B. (2023). The Future of Cyber-Crimes and Cyber War in the Metaverse. In H. N. Elshenraki (Ed.), *The Age of the Metaverse* (pp. 126–148). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-0220-0.ch007>
- Singh, P. P. (2024). Cyber Crimes in Metaverse. *International Journal of Science and Research*, 13(2). <https://doi.org/10.21275/mr24130195237>
- Teodorov, A.-V. (2023). Cybercrimes in the Metaverse: Challenges and Solutions. In *International Conference on Cybersecurity and Cybercrime*, 10 (pp. 209–215). <https://doi.org/10.19107/cybercon.2023.28>
- Wasswa, S. (2023). Predicting Future Cybercrime Trends in the Metaverse Era. In H. N. Elshenraki (Ed.), *Forecasting Cyber Crimes in the Age of the Metaverse* (pp. 78–113). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-0220-0.ch005>
- Wiederhold B. K. (2022). Sexual harassment in the metaverse. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 25(8), pp. 479–480.
- Wu J., Lin K., Lin D., Zheng Z., Huang H .and Zheng Z. (2023). Financial Crimes in Web3-Empowered Metaverse: Taxonomy, Countermeasures, and Opportunities. *IEEE Open Journal of the Computer Society*, 4, 37–49. <https://doi.org/10.1109/ojcs.2023.3245801>
- Zaitsev, O. A. (2024). Features of criminal-procedural evidence in the context of digitalization. *Journal of Russian Law*, 8, 93–112. <https://doi.org/10.61205/S160565900030639-6>

Authors information

Marina A. Efremova – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal-legal Disciplines, Kazan branch of Lebedev Russian State University of Justice
Address: 7a 2nd Azinskaya Str., 420088 Kazan, Russia
E-mail: crimlaw16@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1076-2765>
Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57189299773>
WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/rid/E-6250-2016>
Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=mLPofnMAAAAJ>
RSCI Author ID: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=630526

Evgeniy A. Russkevich – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University
Address: 9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., 125993 Moscow, Russia
E-mail: russkevich@mail.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4587-8258>
Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57919310600>
WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/2510065>
Google Scholar ID: <https://scholar.google.ru/citations?user=rwKPImlAAAAJ>
RSCI Author ID: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=539093

Authors' contributions

The authors have contributed equally into the concept and methodology elaboration, validation, formal analysis, research, selection of sources, text writing and editing, project guidance and management.

Conflict of interest

The authors are members of the Journal's Editorial Board; the article was reviewed on general terms.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – March 8, 2025

Date of approval – March 26, 2025

Date of acceptance – June 20, 2025

Date of online placement – June 25, 2025

Научная статья

УДК 34:004:343.9:004.7

EDN: <https://elibrary.ru/gvmhzv>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.9>

Судебная аргументация как механизм правовой защиты детей от цифрового сексуального насилия и детской порнографии

Яссин Абдалла Абделькарим

Суд общей юрисдикции в Луксоре, Луксор, Египет
Лидский университет Беккета, Лидс, Великобритания

Ключевые слова

безопасность детей,
детская порнография,
защита детей,
киберпространство,
международное право,
право,
сексуальное насилие,
судебная аргументация,
судебные решения,
цифровые технологии

Аннотация

Цель: исследование направлено на изучение вклада судебной аргументации в толкование законодательства для усиления правовой защиты детей от детской порнографии и цифрового сексуального насилия в условиях быстрого развития киберпространства, устраняя тем самым пробел в научном знании о возможностях судебного толкования как альтернативы медленному процессу внесения законодательных поправок.

Методы: в качестве основного методологического подхода применен анализ судебных решений по делам о детской порнографии и сексуальном насилии над детьми за период с 2018 по 2024 г. Используются методы сравнительно-правового анализа, изучения судебной практики различных юрисдикций, включая решения Европейского суда по правам человека, судов США, Великобритании и Ирландии. Исследование основывается на концептуальном анализе принципа наилучших интересов ребенка и его применения в судебной практике.

Результаты: установлено, что судебная аргументация представляет собой эффективный механизм преодоления ограниченности законодательных формулировок при защите детей от онлайн-эксплуатации. Выявлены ключевые направления судебного толкования: расширение понятия детской порнографии, включение бесконтактных форм сексуального насилия, применение цифровых технологий для сбора доказательств, приоритет концепции наилучших интересов ребенка над процедурными ограничениями. Доказана способность судебной аргументации создавать правовые прецеденты, обеспечивающие более гибкое и эффективное применение существующего законодательства.

© Абделькарим Я. А., 2025

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Научная новизна: впервые комплексно исследована роль судебной аргументации как инструмента динамического толкования правовых норм в сфере защиты детей от цифрового сексуального насилия. Разработана концептуальная модель взаимодействия судебного толкования с принципом наилучших интересов ребенка. Выявлены механизмы преодоления законодательного застоя через судебную интерпретацию правовых норм применительно к современным формам детской порнографии в киберпространстве.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы в судебной практике для обоснования решений по делам о детской порнографии, в законотворческой деятельности при совершенствовании норм защиты детей, в правоприменительной практике правоохранительных органов. Выводы работы способствуют формированию более эффективной системы правосудия, учитывающей интересы детей, и могут служить основой для разработки методических рекомендаций по применению судебной аргументации в делах о защите несовершеннолетних.

Для цитирования

Абделькарим, Я. А. (2025). Судебная аргументация как механизм правовой защиты детей от цифрового сексуального насилия и детской порнографии. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(2), 203–221. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.9>

Содержание

Введение

1. Детская порнография как проявление зла
2. Анализ литературы
3. Противоречие с концепцией наилучших интересов ребенка
4. Усиление степени защиты правовых норм через судебную аргументацию
5. Судебная аргументация как способ наилучшего толкования правовых норм
6. Концепция наилучших интересов ребенка с точки зрения судебной системы

Заключение

Список литературы

Введение

Международные и национальные правовые нормы, которые лежат в основе устройства общества, обеспечивают детям особую защиту в соответствии с их естественной слабостью и неопытностью. Эта законодательная защита является неотъемлемой частью различных правовых систем и во всем мире опирается на схожие принципы. Однако продолжающееся развитие средств коммуникации создало особую сферу человеческого взаимодействия – киберпространство. Благодаря легкости доступа к этой сфере дети используют ее в качестве основного средства коммуникации с другими членами сообщества. Детская незрелость и незнание

опасностей, связанных с Интернетом, побуждают преступников использовать детей для создания незаконных онлайн-материалов, то есть детской порнографии. Из-за этой уязвимости дети становятся мишенью преступников для достижения незаконных целей. Таким образом, существующее законодательство оказывается недостаточным для борьбы с этой модернизированной формой преступности. Это происходит по причине недостаточной гибкости законодательства, а также наличия строгих формулировок, поскольку юридическое толкование ограничено прямым пониманием правовых норм и не позволяет обеспечить детям надлежащую защиту. Кроме того, процесс внесения поправок в законодательство отличается медлительностью, поэтому правовые нормы не способны противостоять распространению детской порнографии.

Таким образом, эффективность правовой защиты детей требует поддержки со стороны быстро развивающегося механизма толкования правовых норм, который позволил бы рассматривать каждый случай отдельно, независимо от статуса правовой нормы. Таким механизмом является судебная аргументация, то есть использование судьями своих навыков толкования и логики для понимания и прояснения текста правовой нормы в соответствии с обстоятельствами конкретного дела. Судебная аргументация позволяет судьям разрабатывать юридические концепции, которые выходят за рамки формулировок юридических текстов, чтобы надлежащим образом применять их в судебном процессе. Это многогранный метод толкования законодательства в соответствии с обстоятельствами каждого дела, обеспечивающий применимость правовой нормы. Судебная аргументация отражает успешное сочетание знания законодательства, навыков логического мышления и понимания фактических обстоятельств дела со стороны судьи. Иными словами, это уникальный инструмент судебной системы, призванный поддерживать целостность законодательства и гарантирующий его применимость в судебном процессе.

В настоящее время мы сталкиваемся с быстрым распространением сексуального насилия над детьми в Интернете. В данной статье автор доказывает обоснованность судебных аргументов, которые обеспечивают надлежащее законодательное толкование понятия детской порнографии. Руководствуясь судебными доводами, судья может определить наилучшее толкование закона и выйти за рамки его формулировок, чтобы применить то или иное разработанное правовое понятие, соответствующее объекту судебного разбирательства. Для достижения цели нашего исследования мы рассматриваем ряд судебных решений по делам о детской порнографии и сексуальном насилии над детьми, чтобы осветить подходы к толкованию существующих правовых норм применительно к конкретному делу. Эти юридические понятия являются результатом судебной аргументации, которая позволяет выйти из тупика действующего законодательства.

1. Детская порнография как проявление зла

В преамбуле Конвенции ООН о правах ребенка (далее – КПР) от 1989 г. разъясняется обязанность всех людей соблюдать достоинство детей и поддерживать их благосостояние. Конвенция предоставляет детям защиту, соответствующую их естественной слабости в физическом и юридическом отношении. В силу этого она запрещает определенные виды деятельности, наносящие ущерб благополучию детей. В частности, документ призывает государства предотвращать вовлечение несовершеннолетних

в акты сексуальной эксплуатации и защищать их природную чистоту (КПР, ст. 19). Подчеркивая серьезность таких деяний, Замечание общего характера № 25 (2021 г., п. 3) указывает на важность обеспечения безопасной цифровой среды для детей. В нем перечислены обязательства государств-участников по предотвращению сексуального насилия над детьми, чтобы защитить их существование в киберпространстве (там же, пп. 112–113). Таким образом, эти международно-правовые документы непосредственно касаются запрета сексуального насилия над детьми, одним из видов которого является детская порнография.

2. Анализ литературы

Серьезность проблемы детской порнографии побуждает ученых анализировать ее с точек зрения уголовного права и психологии. Под детской порнографией понимаются сексуальные действия, включающие эксплуатацию ребенка в интересах насильника или другого лица (Kirk-Provencher & Jeglic, 2023). Согласно этой концепции, основные признаки детской порнографии следующие:

- совершение действий сексуального характера, которые предполагают вовлечение несовершеннолетних в сексуальные контакты, независимо от их согласия или степени физической зрелости,
- совершение насилия в отношении детей, которым не исполнилось 18 лет,
- наличие лица, обладающего властью над жертвой, которая позволяет ему осуществлять сексуальную эксплуатацию жертвы,
- наличие выгодополучателя, который использует детскую порнографию в финансовом либо моральном отношении.

Отмечается, что стремительное развитие коммуникаций в киберпространстве привело к увеличению доли детской порнографии, поскольку облегчило преступникам доступ к жертвам. С помощью инновационных технологий, таких как аватары и искусственный интеллект, преступники могут поймать детей в сети и погрузить их во тьму сексуального насилия (Noll & Roitman, 2023). Онлайн-эксплуатация нарушает принципы обеспечения безопасной среды для детей в киберпространстве. Более того, анонимность интернет-пользователей позволяет правонарушителям скрытно и повсеместно расширять сферу своей деятельности (Noll & Roitman, 2023). Задача злоумышленников облегчается благодаря детскому любопытству к незнакомцам. В то же время технологии могут облегчить судебное преследование в отношении таких правонарушителей, поскольку позволяют правоохранительным органам собирать цифровые доказательства сексуального насилия над детьми (KletečkaPulker et al., 2023). Это также облегчает жертвам доступ к правосудию. Судебные органы уже успешно внедряют технологии в судопроизводство. Сотрудники полиции, прокуроры и судьи осуществляют в различных цифровых средах поиск доказательств незаконного сексуального насилия над детьми, чтобы привлечь виновных к ответственности за содеянное и покончить с их безнаказанностью.

Действия, включающие сексуальную эксплуатацию ребенка, подпадают под серьезную категорию – жестокое обращение с детьми, поскольку ребенок еще не готов к сексуальным отношениям (Brunton, 2023). Кроме того, вовлечение несовершеннолетних в сексуальные действия нарушает принятые в обществе стандарты в отношении таких действий, что позволяет квалифицировать их как жестокое обращение с детьми. В работе Brunton (2023) утверждается, что ребенок, подвергшийся

насилию, обычно не понимает незаконной сущности такой деятельности и не может выразить своего явного согласия. В частности, в 2021 г. подверглись сексуальному насилию 20,4 % детей в Северной Америке, 28,8 % в Австралии, 18,9 % в Африке и 22,4 % в Южной Америке (Brunton, 2023). Эти цифры отражают повсеместное распространение этого злодеяния, которое наносит детям физический и психологический вред. Сексуальное насилие оказывает травмирующее воздействие на психику и личность ребенка, поскольку ставит под угрозу представления детей о нормах человеческой жизни и соответствующем сексуальном поведении (Brunton, 2023). Сексуализация детства лишает жертв веры в защиту со стороны закона и общества, уничтожает их чистоту и невинность. В этом состоит жестокое воздействие порнографии на детей. Излишне говорить, что насильственное вовлечение несовершеннолетних в сексуальные отношения наносит серьезный ущерб их физическому и психическому здоровью; частым последствием такой деятельности является смерть (Ali et al., 2024). Ощутимые последствия для психологического развития личности ребенка и его социального поведения являются результатом страха и тревоги, которые испытывают жертвы во время жестокого обращения. Более того, тяжесть последствий жестокого обращения зависит от его характера, продолжительности, а также от того, транслируется оно публично или остается в тайне (Hébert & Langevin, 2023). Все эти факторы формируют особенности личности и менталитета жертв.

3. Противоречие с концепцией наилучших интересов ребенка

Статья 3 КПР обязывает государства-участники уделять первоочередное внимание интересам детей при решении различных вопросов. Кроме того, ст. 9 разрешает различать ребенка с родителями для обеспечения его интересов. Этот общепринятый принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка отражает важность концепции взаимодействия общества и ребенка. Интересы детей лежат в основе национальной и международной политики в данной области. Более того, в Замечании общего характера № 14 (2013) отмечается, что эта норма отражает основные ценности КПР в силу ее обязательного характера для государств-участников. Фактически принцип приоритетности наилучших интересов ребенка создает юридическую и логическую защиту от нарушений прав детей. В том же контексте Европейская комиссия разъясняет, что концепция наилучшего обеспечения интересов ребенка (best interest of the child, BIC) должна рассматриваться в качестве основного принципа международной, региональной и внутренней политики и стратегий¹. С целью обеспечения достоинства и процветания детей в ЕС эта концепция включена в ст. 24(2) Хартии основных прав Европейского союза, а в Законе о детях № 12/1996 Арабской Республики Египет она наделена таким же приоритетом, как и КПР (ст. 3с). В этих правовых документах данная концепция рассматривается как определяющий фактор обоснованности и эффективности государственной политики, затрагивающей детей. Тот же порядок устанавливается при взаимодействии отдельных лиц с детьми. Законность взаимодействия с ребенком зависит от соблюдения субъектом взаимодействия принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка; нарушение этого принципа влечет за собой уголовную ответственность.

¹ Best interests of the child (BIC) (European Commission: Migration and Home Affairs). <https://clck.ru/3MGoCV>

Концепция наилучшего обеспечения интересов ребенка отражает те принципы, которые должны учитываться при внедрении услуг или продуктов, касающихся детей (Levesque, 2023). Они определяются несколькими факторами, например, безопасностью и благополучием ребенка. Концепция призвана гарантировать максимальное соответствие интересов ребенка и других членов общества. В рамках данной концепции в правовой сфере был выработан динамический подход к самоопределению ребенка в отношении соответствия требованиям ВИС (Eekelaar, 2017; Levesque, 2023). Таким образом, дети обладают правами, которые призваны наилучшим образом гарантировать их интересы и представлять их на рассмотрение общества. Цель этой стратегии – дать возможность детям, подвергшимся насилию, выступить против своих обидчиков, особенно в случаях домашнего насилия. ВИС должен иметь широкую правовую поддержку, выходящую за рамки простого обеспечения жизни ребенка и гарантирующую ее качество (Sorbie, 2021). Таким образом, ВИС охватывает обеспечение основных жизненных потребностей детей, как физических, так и психологических, с помощью эффективных механизмов, которые повышают соответствующее качество этих потребностей.

В предыдущем обзоре концепции наилучшего обеспечения интересов ребенка было показано, как детская порнография противоречит этой концепции. Вовлечение детей в незаконную деятельность, будь то силой или обманом, не соответствует принципам соблюдения чистоты детства, поскольку большинство жертв могут не осознавать аморальности контента, для создания которого они используются. Детская порнография вовлекает жертв в незаконное производство контента, который предлагается исключительно на незаконных и негуманных рынках. Согласно утвержденной концепции наилучшего обеспечения интересов ребенка, такая деятельность противоречит интересам детей, поскольку лишает их необходимой эмоциональной и социальной защиты. Кроме того, серьезные физические и психологические последствия сексуальных контактов для детей препятствуют их нормальному социальному и умственному развитию и лишают возможности полноценно участвовать в жизни общества. Результатом является искажение личности. Таким образом, это злодеяние ставит под угрозу такие фундаментальные ценности, как благополучие и безопасность ребенка. С практической точки зрения указанная концепция отражает интересы всего общества, поскольку дети являются основными элементами общественного устройства. Следовательно, борьба с детской порнографией должна быть одним из основных законных интересов всего общества.

4. Усиление степени защиты правовых норм через судебную аргументацию

В целом судебная аргументация определяется как процесс, посредством которого судья принимает решение по делу путем анализа и толкования правовых норм и рассмотрения фактических обстоятельств дела. Судебная аргументация включает в себя взаимодействие судьи с положениями закона и творческое переосмысление норм. Целью этого процесса является формулирование правил принятия решения или добросовестное соблюдение существующих правил. Таким образом, судебная аргументация включает в себя как нормотворчество, так и четкое следование правилам. Судьи играют решающую роль в формировании правовых принципов при соблюдении существующих полномочий. Их решения влияют на исходы конкретных

дел и способствуют эволюции правовой доктрины в целом. Судебная аргументация – это искусство балансирования между противоположными интересами сторон судебного процесса (Mańko, 2022), стремящихся к надлежащему применению правовых норм в рамках спора. Баланс между противоборствующими сторонами в судебном процессе позволяет достичь социальных, правовых и политических целей, поскольку способствует укреплению доверия к национальной судебной системе (Mańko, 2022). Таким образом, судебная аргументация является двигателем судебного процесса. В ней проявляются знания судей в области права, их эффективные аналитические навыки и способности наилучшим образом интерпретировать законодательство.

5. Судебная аргументация как способ наилучшего толкования правовых норм

Для судей судебная аргументация является эффективным средством защиты законности своих решений; она помогает предотвратить вынесение произвольных судебных решений, поскольку судьи рассматривают факты аналитически в соответствии с общепринятыми механизмами принятия судебных решений, доказывая свое эффективное знание положений закона и юридических фактов (Ravarani, 2019). Квалифицированное суждение должно основываться на эффективной аргументации. Кроме того, толкование закона в соответствии с обстоятельствами конкретного дела показывает усилия судьи по выявлению точных намерений законодателя, стоящих за правовыми нормами (Leszczyński, 2020). Эти намерения являлись истинной мотивацией для принятия национального законодательства, и судьи должны учитывать их при толковании закона в контексте конкретного дела. Такой подход исключает возможности судебного произвола и необъективности, то есть судебный процесс получает эффективную гарантию беспристрастности.

Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) применяет стандарт пропорциональности для обоснования судебной аргументации в определенных делах. Согласно ЕСПЧ, пропорциональность подразумевает поддержание баланса между защищаемыми законом интересами отдельных лиц и законными целями общества². Кроме того, стандарт пропорциональности в судебной аргументации повышает качество правосудия в рамках данного судебного решения (Jaeger, 2019), поскольку пропорциональность является ключевым элементом правовой определенности и повышает справедливость решений суда. Она также демонстрирует силу логического анализа судьи при интерпретации правовых норм и их контекстуализации в рамках фактической подоплеки дела в каждом конкретном случае.

Важным результатом применения судебной аргументации является ее помощь в устранении недостатков законодательства путем разработки индивидуальной интерпретации правовых норм (Małolepszy & Głuchowski, 2023). Активизация навыков судей в области аналитики и интерпретации с целью контекстуализации правовой нормы в рамках судебного разбирательства способствует преодолению лингвистических трудностей и проблем с применимостью, а также снижает излишнюю жесткость законодательных инструментов. Таким образом, судебное толкование законодательства возлагает законодательную работу на судей; тем самым судьи вносят свой вклад

---

² ECHR Annual Report. (2014). <https://clck.ru/3MGoLh>

в формирование надлежащего и применимого понимания намерений законодателя. Это реальный законотворческий процесс, в котором усилия судей направлены на точное применение правовых норм (Małolepszy & Głuchowski, 2023). Судебная аргументация и толкование облегчают эту судебно-законодательную миссию.

По мнению Маїко (2022), судебное обоснование – это процесс формулирования юридических и логических этапов ведения дела. Оно начинается с выявления конфликтующих интересов сторон и последующего их анализа для определения применимых правовых норм. После этого судья должен использовать свои навыки оценки, чтобы найти наиболее подходящее толкование правовых норм. Толкование приводит к разнообразию в применении законодательства, поскольку оно зависит от понимания судьей различных правовых аспектов в контексте спора. Такому толкованию в первую очередь способствует анализ судьей материалов дела. Затем для урегулирования спора судья определяет соответствующую интерпретирующую норму, созданную с помощью этого юридического и логического механизма.

Исходя из этой модели, очевидно, что судебная аргументация является источником толкования законодательства; судебные решения приводят к разработке концепций, изложенных в законодательстве, уточнению намерений законодателя и механизмов их применения. Таким образом, судебная аргументация проясняет правовые концепции. Соответственно, юридическая концепция наилучших интересов ребенка находит свое эффективное толкование в судебных решениях по делам о детях, поскольку в этих судебных решениях данная концепция рассматривается в качестве основного средства для обеспечения баланса интересов сторон. Именно эти решения создают надежную судебную защиту детей от жестокого обращения.

6. Концепция наилучших интересов ребенка с точки зрения судебной системы

В данном разделе мы рассмотрим несколько судебных решений по делам о детской порнографии и другим видам сексуального насилия. Критерием отбора судебных решений явилось их соответствие целям исследования. Рассмотренные дела относятся к периоду с 2018 по 2024 г., что обеспечивает актуальность результатов исследования в этой быстро развивающейся проблемной области. Анализ материалов дел и тщательная проверка результатов позволили определить объекты применения этих прецедентных законов. Кроме того, были проанализированы основания для принятия этих судебных решений и правовые нормы, созданию которых они способствовали.

Так, дело *AG v Williams* (2023, пп. 6, 12), касающееся сексуального насилия над детьми, привело к обсуждению принципа открытого правосудия. В судебном решении было указано, что основополагающий принцип публичного отправления правосудия не является абсолютным; суд может отклонить его в соответствии с интересами истца. Концепция наилучших интересов ребенка подразумевает, что надлежащее отправление правосудия не требует проведения публичного слушания по делу о сексуальном насилии. Таким образом, суд вправе исключить публичные слушания по таким делам³. Более того, суд сохранил за собой право ограничивать публикацию

³ Crown Prosecution Service (CPS). (2019, 17 January). Hearings in Private ('In Camera'). <https://clck.ru/3MGoSg>

материалов дела без ущерба для своих полномочий по проведению закрытых слушаний (там же, п. 20). Оба эти управленческих полномочия направлены на обеспечение эффективной судебной защиты ребенка. Благодаря фундаментальному характеру судебной деятельности по защите детей судам предоставлены широкие полномочия по проведению закрытых слушаний (Forde, 2022). Эти полномочия являются процессуальной гарантией осуществления правосудия с учетом интересов ребенка, поскольку создают для жертвы спокойную обстановку в суде, соответствующую психологическим потребностям ребенка. Принцип проведения судебных слушаний в частном порядке напрямую следует из Замечания общего характера 24/2019, цель которого – обеспечить эффективное отправление правосудия в отношении детей.

В целях защиты личности и репутации ребенка Апелляционный суд Англии и Уэльса скрывает имена преступника и жертвы, если они являются детьми. Так, в решении по делу *Baï, R. v* (2022) имена сторон были указаны лишь заглавными буквами. Более того, суд указал, что тяжесть преступления, совершенного ребенком, не должна лишать его необходимой правовой защиты, касающейся содержания под стражей и других мер, не связанных с лишением свободы (там же, п. 17). Это основной принцип, имеющий первостепенное значение. Таким образом, убедившись в том, что в суде первой инстанции это правило было соблюдено, апелляционный суд отклонил апелляцию ответчика. Тот же принцип был применен в деле *Barker, R. v* (2023). Таким образом, соблюдение руководящих принципов содержания детей под стражей лежит в основе судебной защиты детей.

В деле *State v Hunt* (2020) суд изменил традиционное понимание сферы действия ордеров на обыск цифровых устройств ответчика. В соответствии с ордером на обыск, из ноутбука обвиняемого были извлечены материалы с детской порнографией, однако обвиняемый заявил, что объем действия ордера был превышен, и потребовал, чтобы суд отклонил это доказательство. В частности, он утверждал, что ордер разрешал проводить обыск на предмет наличия электронных устройств, но не изымать их, что подразумевает их нахождение и отправку в суд без изучения их содержимого. Следовательно, исследование и изъятие цифровых материалов, хранящихся на ноутбуке, неправомерно и суд не должен выносить обвинительный приговор (там же, с. 28). В соответствии с базовой юридической логикой, неправомерность процедур по сбору доказательств подразумевает оправдание обвиняемого. Суд первоначально согласился с доводами ответчика, поскольку традиционные правила, регулирующие выдачу ордеров на обыск, требуют неукоснительного соблюдения их формулировок. Однако позднее суд опроверг этот аргумент, указав, что предыдущие судебные прецеденты в США подтверждают его неприменимость. Суд постановил, что допустимо выявлять доказательства, связанные с детской порнографией, даже если сфера действия ордера ограничивается поиском устройств (там же, с. 32). Такое расширенное толкование оправдано серьезностью данного преступления – вовлечения несовершеннолетних в незаконную деятельность. Концепция наилучшего обеспечения интересов ребенка подразумевает, что для усиления судебной защиты детей необходимо игнорировать противоречия в формулировках.

Кроме того, Апелляционный суд по уголовным делам штата Алабама в этом деле разрешил отслеживать IP-адрес подозреваемого для сбора доказательств наличия детской порнографии (там же, с. 19). Очевидно, что аргументация суда способствовала выработке надлежащего толкования законодательства согласно концепции

наилучшего обеспечения интересов ребенка, что отражает значимость этого судебного решения. Судебная аргументация может привести к переосмыслению юридических понятий для обеспечения интересов ребенка. Этот вывод согласуется с гуманитарной миссией суда. Аналогичным образом, суд США разрешил использовать IP-адреса для раскрытия личности лиц, занимающихся детской порнографией, и их местонахождения в целях судебного преследования (дело *United States v Tagg*, 2018, с. 3). При этом не принимается во внимание решение суда о персональном характере IP-адреса ответчика (Sokol et al., 2020), то есть о том, что он представляет собой персональные данные владельца. Таким образом, судебная система подтверждает приоритетность концепции наилучшего обеспечения интересов ребенка, относя на второй план право обвиняемого на защиту своей частной жизни, тайны личности и местонахождения. Позиция судов свидетельствует о том, что судебная аргументация успешно объединяет право и технологии для достижения справедливости и поистине наилучшего обеспечения интересов ребенка. Судебное толкование устраняет недостатки национальных правовых систем в деле защиты частной жизни физических лиц в Интернете, независимо от существующего законодательства (Gilman, 2021), контекстуализируя правовые нормы о конфиденциальности в рамках конкретного разбирательства, принимая во внимание уникальные особенности каждого дела. Суд Европейского союза подтвердил этот вывод в решении по делу *SpaceNet* (2022, п. 100). Он постановил, что подобные ситуации выходят за рамки правовой защиты IP-адреса, предусмотренной ст. 7 и 8 Хартии ЕС, и разрешил отслеживать IP-адрес подозреваемого в случаях приобретения, распространения, пересылки или предоставления доступа к детской порнографии в Интернете для борьбы с сексуальным насилием в отношении детей.

Далее, в деле *United States v Tagg* суд счел, что само по себе наличие контента с детской порнографией отражает намерение ответчика просматривать его и является достаточным для вынесения обвинительного приговора (там же, с. 12; *United States v Miltier*, 2018, п. 85) в соответствии с п. 18 U.S.C. § 2252 4(B).

В том же контексте суд постановил в деле *United States v. Fall* (2020), что использование промежуточного устройства, принадлежащего другому добросовестному лицу, для временного хранения контента с детской порнографией является незаконной перевозкой этого контента в соответствии с пунктом 18 U.S.C. § 2252 (там же, п. 396). Кроме того, суд пришел к выводу, что хранение незаконного контента с участием несовершеннолетних на одном жестком диске и других материалов на отдельном диске не может рассматриваться в совокупности; наказание выносится за каждое конкретное деяние отдельно (там же, п. 374), поскольку обвинения не совпадают между собой. Этот вывод суда согласуется с разъяснением Верховного суда США о множественности преступлений в деле *Rheuben Johnson v State of Kansas* (2019).

Резко возрастает судебное применение технологий в борьбе с детской порнографией. Так, 5-й окружной апелляционный суд США признал в качестве доказательств совпадающие метки просмотренных веб-страниц (хэш-коды) (*United States v. Reddick*, 2018, п. 639). Суд указал, что совпадения хэш-кодов детской порнографии, распространяемой в Интернете, с теми, которые были обнаружены на устройствах ответчика, достаточно для привлечения к ответственности. Сравнение хэш-кодов позволяет с абсолютной уверенностью утверждать, что у ответчика была детская порнография. Это результат внедрения технологий в судебный процесс.

В решении Апелляционного суда Северной Ирландии по делу *Rasuno, R. v* (2024) был сделан вывод о том, что создание контента с детской порнографией в Интернете повышает тяжесть преступления (там же, п. 13), поскольку ущерб жертве усугубляется эксплуататорским характером этой деятельности. Соответственно, данная категория преступлений предполагает содержание под стражей, и обвиняемые должны приговариваться к трем годам тюремного заключения (там же, п. 15). Принимая во внимание психологический ущерб, в случае обвинительного приговора жертва получает соответствующее моральное средство правовой защиты. Более того, анонимность жертв не препятствует вынесению обвинительного приговора. Поскольку некоторые материалы с детской порнографией содержат неизвестных жертв, которые, возможно, не смогут добиться правосудия, суд разрешил наказывать виновных, даже если жертвы не опознаны (там же, п. 19). Таким образом, расширенное судебное толкование правовой нормы позволяет снизить безнаказанность, основанную на анонимности жертв детской порнографии в Интернете. Этот расширенный подход нашел отражение в постановлении суда о криминализации владения незаконными материалами с несовершеннолетними жертвами (там же, п. 40). Логика судебной аргументации способствует тому, что судья может использовать широкое толкование для усиления судебной защиты детей.

В деле *Director of Public Prosecutions v M. O'D* (2022) апелляционный суд Ирландии счел демонстрацию детской порнографии отягчающим обстоятельством изнасилования, совершенного отцом жертвы (там же, пп. 22, 33). Суд вынес решение о нарушении ответчиком родительских обязанностей и причинении тяжкого психологического вреда ребенку. Такое решение напрямую вытекает из толкования ст. 18 КНР, согласно которой оба родителя должны прилагать все усилия к осуществлению воспитательного процесса в наилучших интересах ребенка. Суд приговорил подсудимого к тюремному заключению сроком от 10 до 15 лет.

Решение 4-го окружного апелляционного суда США подтвердило уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в сексуальные действия, включая детскую порнографию, независимо от согласия жертвы или целей преступника (*United States v. McCauley*, 2020, п. 694). Установлено, что согласие ребенка не влияет на степень вины правонарушителя; соображения защиты ребенка обладают приоритетом по сравнению с выраженным согласием несовершеннолетнего (*Featherstone*, 2021). Так, апелляционный суд Англии и Уэльса отклонил довод о согласии ребенка из-за его незрелости и отсутствия жизненного опыта (*R v BHL*, 2023, п. 10). Таким образом, суд не смягчает первоначальный приговор на основании ответной реакции жертвы на сексуальное насилие; отсутствие сопротивления со стороны несовершеннолетнего не является законным согласием на сексуальные действия. Кроме того, требование о признании преступного намерения ограничивает возможность установления вины в преступлениях, связанных с детской порнографией, что подрывает принципы правосудия. Таким образом, апелляционный суд расширил толкование преступного намерения, предусмотренного в ст. 18 U.S.C. § 2251. Это намерение проявляется в случае преднамеренного изображения сексуального насилия над ребенком. При этом органы прокуратуры не обязаны устанавливать доказательства намерения правонарушителя производить и распространять незаконные материалы с участием ребенка (там же, п. 697). Широкое толкование этой правовой нормы необходимо для усиления судебной защиты детей, поскольку оно позволяет судьям преодолевать тупиковые ситуации с формулировками законодательства; очевидно, что последнее способствует безнаказанности преступников.

Детская порнография может не включать непосредственное вовлечение несовершеннолетних в сексуальные действия; преступление может происходить без физического контакта с жертвой (Description of Sexual Abuse, 2024, п. 20). Следовательно, ознакомление детей с порнографическим контентом для взрослых, даже непреднамеренное, представляет собой сексуальное насилие в соответствии с Законом Великобритании о детях 1989 г. (раздел 31 (9)). Результатом применения этой нормы в одном из судебных дел стала передача опекунских обязанностей с родителей на бабушку и дедушку жертвы. Поведение опекунов нарушало основы обращения с детьми, поскольку они не приняли надлежащих мер для предотвращения ознакомления жертвы с порнографическим контентом для взрослых (Description of Sexual Abuse, 2024, пп. 33, 36). В своем толковании суд расширил рекомендации Национального общества по предотвращению жестокого обращения с детьми (National Society for the Prevention of Cruelty to Children, NSPCC) (§ 26)⁴, добавив бесконтактные действия в категорию сексуального насилия над детьми. По мнению суда, формулировка этого документа не предусматривала недавно появившихся видов сексуального насилия над детьми, поэтому суд был вынужден отказаться от прямого использования этих рекомендаций и включить действия, не содержащие прямого контакта с жертвой (Description of Sexual Abuse, 2024, пп. 43, 45). ЕСПЧ подтвердил незаконность распространения порнографии среди детей и указал на настоятельную необходимость ограничить доступ к онлайн-порнопродукции лишь взрослым населением (PRYANISHNIKOV v. RUSSIA, 2019, п. 61). Таким образом, для доказательства сексуального насилия над детьми больше не требуется наличия физического контакта, что усиливает судебную защиту детей.

В деле R.V. v. Estonia (2021) ЕСПЧ постановил, что процедуры гражданского судопроизводства по защите детей недостаточны для защиты жертвы от сексуального насилия (там же, п. 61). Сексуальное насилие над детьми является тяжким преступлением, требующим безотлагательного разбирательства уголовно-правового характера. Следовательно, при рассмотрении дел об опеке необходимо инициировать уголовное расследование в связи с обвинениями в сексуальном насилии над детьми. Дополнительных процедур, проводимых гражданским судом, недостаточно для полноценного расследования этого уголовного деяния. Суд четко указал, что требования наилучших интересов ребенка подразумевают принятие такого решения в соответствии с КПР (там же, пп. 69, 71); это подход к эффективному правосудию с учетом интересов детей (там же, п. 88). Таким образом, концепция наилучших интересов ребенка является краеугольным камнем правосудия, учитывающего интересы детей в судебном процессе.

Подводя итог, можно сказать, что выявленные судебные решения развивают концепцию наилучших интересов ребенка через применение судебной аргументации. Они объединяют технологические средства и навыки толкования с существующими правовыми нормами, тем самым помогая преодолеть быструю эволюцию детской порнографии и стагнацию национального законодательства. Это создает уникальный механизм защиты детей в Интернете, основанный на судебной аргументации. Данный механизм обладает гибкостью, которая позволяет адаптировать национальные судебные системы к техническим аспектам детской порнографии и расширяет возможности национальных судов по определению приоритетных интересов

---

⁴ National Society for the Prevention of Cruelty to Children. <https://goo.su/bwhWVsv>

ребенка. Тем самым преодолеваются недостатки соответствующего законодательства, и киберпространство становится более безопасным для детей. Кроме того, развитие судебной аргументации доказывает, что основной вклад судей в борьбу с детской порнографией заключается в инновациях, которые позволили им преодолеть застой в законодательстве, касающемся этой сферы, путем выработки надлежащего понимания правовых норм в соответствии с обстоятельствами каждого конкретного дела. Это суть механизма судебной аргументации, которая вносит свой вклад в контекстуализацию наилучших интересов ребенка в юридической практике.

Заключение

Следует отметить, что результаты исследования указывают на серьезность проблемы сексуального насилия над детьми в Интернете и преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в детскую порнографию. Это преступное деяние, нарушающее чистоту и невинность детства. Поскольку оно ставит под угрозу благополучие детей, международные правовые нормы и национальные законы запрещают детскую порнографию и устанавливают приоритет наилучших интересов ребенка. Указанная концепция является определяющим фактором всех политических мер и решений, касающихся детей; ее укрепление признано главной целью судебной и законодательной политики.

В настоящем исследовании делается вывод о том, что текущий процесс внесения поправок в законодательство, направленный на борьбу с детской порнографией, не является обязательным, поскольку механизм судебной аргументации устраняет практические пробелы, вызванные недостатками правовых норм. Аргументация позволяет судье прибегнуть к наиболее адекватному толкованию существующего законодательства. Таким образом, появляется возможность контекстуализировать это толкование в каждом конкретном случае в соответствии с концепцией наилучших интересов ребенка. Судебная аргументация позволяет преодолеть застой в законодательстве, касающемся распространения детской порнографии. Рассмотренные судебные решения подтверждают этот вывод, поскольку они наглядно демонстрируют усилия судей по достижению идеального применения правовых норм в свете концепции наилучших интересов ребенка.

Список литературы

- Ali, S., Anwar Pasha, S., Cox, A., & Youssef, E. (2024). Examining the short and long-term impacts of child sexual abuse: a review study. *SN Social Sciences*. <https://doi.org/10.1007/s43545-024-00852-6>
- Brunton, R. (2023). Child Abuse: Definitions, Prevalence, and Considerations in Assessment and. In R. Brunton, & R. Dryer (Eds.), *Perinatal Care and Considerations for Survivors of Child Abuse*. Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-031-33639-3_2
- Eekelaar, J. (2017). The interests of the child and the child's wishes: The role of dynamic self-determinism. In U. Kilkelly, *Children's rights* (1st ed., pp. 129–148). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315095769-8>
- Featherstone, L. (2021). *Sexual Violence in Australia, 1970s–1980s: Rape and Child Sexual Abuse*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-73310-0>
- Forde, L. (2022). The role of the courts in protecting children's rights in the context of police questioning in Ireland and New Zealand. *The Howard Journal of Crime and Justice*, 61, 240–260. <https://doi.org/10.1111/hojo.12472>
- Gilman, M. E. (2021). Feminism, Privacy, and Law in Cyberspace. In D. L. Brake et al. *The Oxford Handbook of Feminism and Law in the United States*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780197519998.013.36>
- Hébert, M., & Langevin, R. (2023). Child Sexual Abuse. In R. J. R. Levesque (Ed.). *Encyclopedia of Adolescence*. Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-319-32132-5_235-3

- Jaeger, M. (2019). The EU Judiciary in a New Era of Accountability. In G. Selvik et al. (Eds.). *The Art of Judicial Reasoning*. Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-030-02553-3_8
- Kirk-Provencher, K. T., & Jeglic, E. L. (2023). Child Maltreatment: Child Sexual Abuse. In T. K. Shackelford (Ed.). *Encyclopedia of Domestic Violence*. Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-030-85493-5_1871-1
- KletečkaPulker, M., Doppler, K., VölklKernstock, S., Fischer, L., Eitenberger, M., Mussner, M., Klomfar, S., MoraTheuer, E. A., Grylli, C., Atanasov, A. G., & GreberPlatzer, S. (2023). Influence of various factors on the legal outcome of cases of child abuse – experiences gathered at an interdisciplinary forensic examination centre in Vienna, Austria. *International Journal of Legal Medicine*, 138, 3–14. <https://doi.org/10.1007/s00414-023-03094-y>
- Leszczyński, L. (2020). ExtraLegal Values in Judicial Interpretation of Law: A Model Reasoning and Few Examples. *International Journal for the Semiotics of Law*, 33, 1073–1087. <https://doi.org/10.1007/s11196-020-09773-y>
- Levesque, R. J. R. (2023). Best Interests of the Child. In *Encyclopedia of Adolescence*. Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-319-32132-5_666-2
- Małolepszy, M., & Głuchowski, M. (2023). Judicial LawMaking in the Criminal Decisions of the Polish Supreme Court and the German Federal Court of Justice: A Comparative View. *International Journal for the Semiotics of Law*, 36, 1147–1184. <https://doi.org/10.1007/s11196-023-09969-y>
- Maňko, R. (2022). Judicial DecisionMaking, Ideology and the Political: Towards an Agonistic Theory of Adjudication. *Law and Critique*, 33, 175–194. <https://doi.org/10.1007/s10978-021-09288-w>
- Noll, J. G., & Roitman, M. (2023). Applying Innovative Methods to Advance the Study of Youth At-Risk for Internet-Initiated Victimization. In C. E. Shenk (Ed.), *Innovative Methods in Child Maltreatment Research and Practice, Child Maltreatment Solutions Network*. Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-031-33739-0_3
- Ravarani, G. (2019). Some Reflections on the Legitimacy of the Strasbourg Judge. In G. Selvik et al. (Eds.). *The Art of Judicial Reasoning*. Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-030-02553-3_10
- Sokol, P., Rozenfeldov, L., Lucivjanska, K., & Harasta, J. (2020). IP Addresses in the Context of Digital Evidence in the Criminal and Civil Case Law of the Slovak Republic. *Forensic Science International: Digital Investigation*, 32, 300918. <https://doi.org/10.1016/j.fsidi.2020.300918>
- Sorbie, A. (2021). Children’s best interests and parents’ views: Challenges from medical law. *Journal of Social Welfare and Family Law*, 43(1), 23–41. <https://doi.org/10.1080/09649069.2021.1876306>

Сведения об авторе

Абделькарим Яссин Абдалла – судья, Суд общей юрисдикции в Луксоре, Министерство юстиции Республики Египет; магистр права, Школа права в Лидсе, Лидский университет Беккета

Адрес: Египет, Сохаг, 82516, Мадинат Насер, ул. Ахмим Сохаг, ул. Нью Касалови Отель; Великобритания, Лидс, городской кампус, LS1 3NE

E-mail: yassinabdelkarim91@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7388-1337>

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.07.45 / Право и научно-технический прогресс

Специальность ВАК: 5.1.4 / Уголовно-правовые науки

История статьи

Дата поступления – 8 апреля 2024 г.

Дата одобрения после рецензирования – 24 апреля 2024 г.

Дата принятия к опубликованию – 20 июня 2025 г.

Дата онлайн-размещения – 25 июня 2025 г.

Research article

UDC 34:004:343.9:004.7

EDN: <https://elibrary.ru/gvmhzv>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.9>

Judicial Reasoning as a Mechanism for the Legal Protection of Children Against Digital Sexual Abuse and Child Pornography

Yassin Abdalla Abdelkarim

Luxor Elementary Court, Luxor, Egypt
Leeds Beckett University, Leeds, United Kingdom

Keywords

child pornography,
childhood protection,
children's safety,
court decisions,
cyberspace,
digital technologies,
international law,
judicial reasoning,
law,
sexual abuse

Abstract

Objective: to examine the contribution of judicial reasoning to the legislation interpretation, which is aimed at strengthening the legal protection of children against child pornography and digital sexual abuse under the rapid development of cyberspace. The study eliminates the gap in scientific knowledge concerning the possibilities of judicial interpretation as an alternative to the slow process of legislative amendments.

Methods: the main methodological approach is the analysis of court decisions on child pornography and sexual abuse of children from 2018 to 2024. The author used comparative legal analysis and the study of judicial practice in various jurisdictions, including decisions of the European Court of Human Rights, the courts of the USA, Great Britain and Ireland. The research is based on a conceptual analysis of the principle of the child's best interests and its application in judicial practice.

Results: the author proved that judicial reasoning is an effective mechanism for overcoming the limitations of legislative formulations in protecting children from online exploitation. The key areas of judicial reasoning were identified: the expansion of the child pornography concept, the inclusion of contactless forms of sexual abuse, the use of digital technologies to collect evidence, and the priority of the concept of the child's best interests over procedural restrictions. The research confirmed the ability of judicial reasoning to create legal precedents that ensure a more flexible and effective application of existing legislation.

© Abdelkarim Ya. A., 2025

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Scientific novelty: for the first time, the article comprehensively investigated the role of judicial reasoning as a tool for the dynamic interpretation of legal norms of protecting children from digital sexual abuse. The author developed a conceptual model of the interaction between judicial reasoning and the principle of the child's best interests. The study reveals mechanisms of overcoming legislative stagnation through judicial interpretation of legal norms related to modern forms of child pornography in cyberspace.

Practical significance: The study results can be used in judicial practice to substantiate decisions in cases of child pornography, in law-making activities to improve childhood protection standards, and in the practice of law enforcement agencies. The conclusions help to form a more effective justice system that takes into account children's interests. The research can serve as a basis to develop methodological recommendations on using judicial reasoning in cases of minors' protection.

For citation

Abdelkarim, Ya. A. (2025). Judicial Reasoning as a Mechanism for the Legal Protection of Children Against Digital Sexual Abuse and Child Pornography. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(2), 203–221. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.9>

References

- Ali, S., Anwar Pasha, S., Cox, A., & Youssef, E. (2024). Examining the short and long-term impacts of child sexual abuse: a review study. *SN Social Sciences*. <https://doi.org/10.1007/s43545-024-00852-6>
- Brunton, R. (2023). Child Abuse: Definitions, Prevalence, and Considerations in Assessment and. In R. Brunton, & R. Dryer (Eds.), *Perinatal Care and Considerations for Survivors of Child Abuse*. Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-031-33639-3_2
- Eekelaar, J. (2017). The interests of the child and the child's wishes: The role of dynamic self-determinism. In U. Kilkelly, *Children's rights* (1st ed., pp. 129–148). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315095769-8>
- Featherstone, L. (2021). *Sexual Violence in Australia, 1970s–1980s: Rape and Child Sexual Abuse*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-73310-0>
- Forde, L. (2022). The role of the courts in protecting children's rights in the context of police questioning in Ireland and New Zealand. *The Howard Journal of Crime and Justice*, 61, 240–260. <https://doi.org/10.1111/hojo.12472>
- Gilman, M. E. (2021). Feminism, Privacy, and Law in Cyberspace. In D. L. Brake et al. *The Oxford Handbook of Feminism and Law in the United States*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780197519998.013.36>
- Hébert, M., & Langevin, R. (2023). Child Sexual Abuse. In R. J. R. Levesque (Ed.). *Encyclopedia of Adolescence*. Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-319-32132-5_235-3
- Jaeger, M. (2019). The EU Judiciary in a New Era of Accountability. In G. Selvik et al. (Eds.). *The Art of Judicial Reasoning*. Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-030-02553-3_8
- Kirk-Provencher, K. T., & Jeglic, E. L. (2023). Child Maltreatment: Child Sexual Abuse. In T. K. Shackelford (Ed.). *Encyclopedia of Domestic Violence*. Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-030-85493-5_1871-1
- KletečkaPulker, M., Doppler, K., VölklKernstock, S., Fischer, L., Eitenberger, M., Mussner, M., Klomfar, S., MoraTheuer, E. A., Grylli, C., Atanasov, A. G., & GreberPlatzer, S. (2023). Influence of various factors on the legal outcome of cases of child abuse – experiences gathered at an interdisciplinary forensic examination centre in Vienna, Austria. *International Journal of Legal Medicine*, 138, 3–14. <https://doi.org/10.1007/s00414-023-03094-y>
- Leszczyński, L. (2020). ExtraLegal Values in Judicial Interpretation of Law: A Model Reasoning and Few Examples. *International Journal for the Semiotics of Law*, 33, 1073–1087. <https://doi.org/10.1007/s11196-020-09773-y>

- Levesque, R. J. R. (2023). Best Interests of the Child. In *Encyclopedia of Adolescence*. Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-319-32132-5_666-2
- Małolepszy, M., & Głuchowski, M. (2023). Judicial LawMaking in the Criminal Decisions of the Polish Supreme Court and the German Federal Court of Justice: A Comparative View. *International Journal for the Semiotics of Law*, 36, 1147–1184. <https://doi.org/10.1007/s11196-023-09969-y>
- Mańko, R. (2022). Judicial DecisionMaking, Ideology and the Political: Towards an Agonistic Theory of Adjudication. *Law and Critique*, 33, 175–194. <https://doi.org/10.1007/s10978-021-09288-w>
- Noll, J. G., & Roitman, M. (2023). Applying Innovative Methods to Advance the Study of Youth At-Risk for Internet-Initiated Victimization. In C. E. Shenk (Ed.), *Innovative Methods in Child Maltreatment Research and Practice, Child Maltreatment Solutions Network*. Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-031-33739-0_3
- Ravarani, G. (2019). Some Reflections on the Legitimacy of the Strasbourg Judge. In G. Selvik et al. (Eds.). *The Art of Judicial Reasoning*. Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-030-02553-3_10
- Sokol, P., Rozenfeldov, L., Lucivjanska, K., & Harasta, J. (2020). IP Addresses in the Context of Digital Evidence in the Criminal and Civil Case Law of the Slovak Republic. *Forensic Science International: Digital Investigation*, 32, 300918. <https://doi.org/10.1016/j.fsidi.2020.300918>
- Sorbie, A. (2021). Children's best interests and parents' views: Challenges from medical law. *Journal of Social Welfare and Family Law*, 43(1), 23–41. <https://doi.org/10.1080/09649069.2021.1876306>

Author information

Yassin Abdalla Abdelkarim – Judge, Luxor Elementary Court, Egyptian Ministry of Justice; LLM Master of Laws, Leeds Law School, Leeds Beckett University

Address: New Casalovy Hotel Street, Akhmim Sohag Street, Madinat Nasser, 82516, Sohag, Egypt; LS1 3HE, City Campus, Leeds, United Kingdom

E-mail: yassinabdelkarim91@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7388-1337>

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – April 8, 2025

Date of approval – April 24, 2025

Date of acceptance – June 20, 2025

Date of online placement – June 25, 2025

Научная статья

УДК 34:004:341.3:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/ifibfo>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.10>

Передача технологий в эпоху военных конфликтов: правовые вызовы для международной торговли и международного гуманитарного права

Ниша Бхаскар

Национальный юридический университет Западной Бенгалии, Калькутта, Индия

Джексон Симанго Магоге

Национальный институт транспорта, Дар-эс-Салам, Танзания

Саид Кудрат Хашими

Майсурский университет, Майсур, Индия

Ключевые слова

военное право,
Гаагские конвенции,
Женевские конвенции,
искусственный интеллект,
международная торговля,
международное
гуманитарное право,
передача технологий,
право,
средства ведения войны,
цифровые технологии

Аннотация

Цель: настоящее исследование направлено на выявление сложных взаимосвязей между международной торговлей и военным правом в контексте передачи технологий, а также на анализ правовых последствий технологических трансферов для международного гуманитарного права с целью прояснения влияния передачи технологий в международной торговле на регулирование средств ведения войны и определения правовых пробелов в существующих международных конвенциях.

Методы: в исследовании применяется комплексный правовой анализ международных документов, включая Женевские конвенции и дополнительные протоколы к ним, Гаагские конвенции, а также современные международные соглашения в области торговли и технологий. Использован сравнительно-правовой метод для изучения национальных законодательств различных государств, а также системный подход к анализу взаимодействия норм международного гуманитарного права и международного торгового права.

Результаты: исследование выявило существенные правовые пробелы в регулировании передачи технологий двойного назначения в военное время. Установлено, что современные технологии, включая искусственный интеллект, автономные системы вооружений

 Корреспондирующий автор

© Бхаскар Н., Магоге Дж. С., Хашими С. К., 2025

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

и кибернетические средства, создают регулятивный вакуум, который подрывает эффективность существующих международных конвенций. Продемонстрирован значительный технологический разрыв между странами Глобального Севера и Юга.

Научная новизна: работа представляет первое комплексное исследование эволюции технологий в контексте международного гуманитарного права с акцентом на необходимость разработки специальных механизмов регулирования. Предложена концептуальная модель интеграции норм передачи технологий в систему международных договоров о разоружении с учетом принципов пропорциональности и различия.

Практическая значимость: исследование предлагает конкретные поправки к статьям Женевских конвенций, включая модификацию статьи 35(2) Дополнительного протокола I для включения новых технологий и расширение требований ст. 36 относительно правовых обзоров технологических трансферов. Разработанные рекомендации могут служить основой для создания международных механизмов мониторинга и повышения прозрачности в сфере передачи военных технологий.

Для цитирования

Бхаскар, Н., Магоге, Дж. С., Хашими, С. К. (2025). Передача технологий в эпоху военных конфликтов: правовые вызовы для международной торговли и международного гуманитарного права. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(2), 222–258. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.10>

Содержание

Введение

1. Международная торговля, передача технологий и военное право
  - 1.1. Международная торговля, UNCITRAL и UNCTAD, война
  - 1.2. Передача технологий
  - 1.3. Военное право
2. Женевские конвенции и дополнительные протоколы
  - 2.1. Международное законодательство
  - 2.2. Женевские конвенции и дополнительные протоколы
  - 2.3. Принцип различия и передача технологий
  - 2.4. Принцип пропорциональности и технологии двойного назначения
  - 2.5. Запрещение оружия, причиняющего ненужные страдания
3. Гагские конвенции
4. Принципы обычного международного гуманитарного права
5. Иные договоры
  - 5.1. Региональные соглашения
  - 5.2. Двусторонние и многосторонние договоры и соглашения
6. Изучение сложных взаимосвязей
  - 6.1. Война и экономика
  - 6.2. Приемлемость передачи технологий

7. Технологический разрыв
  8. Правила ведения войны и передача технологий
    - 8.1. Между Сциллой и Харибдой: выбор Хобсона
    - 8.2. Фрагментация военного права
    - 8.3. Исследование принципов
  9. Торговля, технологии и война
  10. Страны третьего мира и неизвестные истории
    - 10.1. TWAIL, ВТО и регулирование в сфере средств ведения войны
    - 10.2. Международная торговля и международные законы ведения войны
  11. Предложения и рекомендации
    - 11.1. Экономика и развитие человеческого потенциала
    - 11.2. Окружающая среда
    - 11.3. Разработка дополнительных протоколов
    - 11.4. Создание международных механизмов мониторинга
    - 11.5. Содействие прозрачности и обмену информацией
    - 11.6. Укрепление национальных законодательств
    - 11.7. Предлагаемые поправки к статьям Женевских конвенций
- Заключение
- Список литературы

Введение

Борьба за ресурсы всегда оставалась на повестке дня человечества. С момента появления цивилизации именно эта борьба определяла ее развитие. В наше время она является причиной войн, беспорядков и всех разногласий. Независимо от того, идет ли речь о территориях, за которые борются большинство стран, или о таких ресурсах, как вода, минералы или нефть, причиной разногласий являются ресурсы как таковые. В наше время побочные продукты использования этих ресурсов также стали причиной дискуссий, и, как следствие, проводятся конференции и съезды, призванные найти золотую середину в их распространении и использовании (Kaldor, 1986). Одной из самых ресурсоемких задач является производство оружия. Все страны инвестируют значительную часть своего ВВП в военные расходы, и, по иронии, развивающиеся страны тратят на это большую долю, чем развитые (Azam, 2020; Saeed, 2025). Основными факторами этих вложений являются условия в развивающихся странах. Они должны не только контролировать и поддерживать свою внутреннюю безопасность и условия жизни, но и взаимодействовать с развитыми странами и быстро развивающимися технологиями. Кроме того, они в большей степени подвержены влиянию Международного комитета Красного Креста и принципов международного гуманитарного права по сравнению с развитыми странами, учитывая недостаточное понимание международного гуманитарного права военными и оборонными деятелями. Однако с развитием всемирной торговли и укреплением многостороннего сотрудничества в этой сфере количество сделок между развитыми и развивающимися странами увеличилось. Это может объясняться тем, что в марте 2023 г. США заключили

оборонные соглашения со множеством стран, от Тайбэя и Румынии до Японии и Австралии, а также с Грецией, Польшей, Кувейтом и Бахрейном. Таким образом, такая могущественная страна, как США, заключила оборонные соглашения с различными странами во всем мире. Обе крупнейшие развивающиеся страны Востока, Индия и Китай, также подписали оборонные и стратегические соглашения с большинством других стран, при этом Индия является крупнейшим импортером оружия в мире, увеличив свой экспорт на 334 % за последние пять лет (Li, 2008). Эти сделки регулируются в соответствии с проектом Соглашения о передаче технологий и другими международными стандартами, практикой государств и юридическим мнением (Chinkin, 1989). Кроме того, международное гуманитарное право содержит положения о передаче определенных технологий, указанных в его конвенциях, и, таким образом, оно регулирует передачу оборонных и специфических военных технологий. Однако с развитием и размыванием границ из-за преобладания технологий и капитализма в форме получения прибыли оборонные сделки выходят на передний план. В свете этого международное гуманитарное право приобретает большее значение, чем когда-либо. Оно должно охватывать все процессы в том темпе, в котором они происходят. Законодательство должно стать более прагматичным, чем когда-либо. Необходимо понимать последствия сделок, быть полноправным представителем, и если не стороной, то наблюдателем в них (Ratner, 2011). Однако снова возникает вопрос, кто будет представлять международное гуманитарное право и что предполагает такое представительство.

В современном мире международное гуманитарное право известно также под несколькими другими названиями. Его называют военным правом и правом вооруженных конфликтов (Alexander, 2015). Однако оно служит только одной цели – урегулированию в случае неизбежности военного конфликта. Оно регулирует ход конфликта и помогает понять принцип справедливой войны (McKinnon, 2008). Войны называют неизбежными, учитывая непрекращающиеся конфликты между различными странами и народами мира в наше время. После Второй мировой войны, после разрядки напряженности и завершения холодной войны страны сотрудничали, по крайней мере, в области обмена технологиями, развивая эту сферу исключительно в денежном выражении. Это была все та же древняя история, когда Запад отказывался передавать свои технологии восточным странам, а также странам второго и третьего мира исключительно из-за конфликта идеологий. С развитием капиталистической модели и быстрым обменом технологиями, которые можно использовать при ведении войны, решающую роль стало играть международное гуманитарное право. Преимущество Женевских конвенций заключается в том, что их подписали почти все государства, поэтому они должны стать основой, на которой можно осуществлять передачу технологий. Организация Объединенных Наций разработала «Конвенцию о передаче технологий в целях торговли и развития» для придания импульса передаче технологий развивающимся странам (Pandey et al., 2022). В проекте Кодекса о передаче технологий (далее – Проект ПТ) рассматриваются последствия передачи технологий, независимо от того, являются ли они запатентованными или непатентованными и анализируется влияние проекта на ст. 36 Дополнительного протокола I

к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. (McClelland, 2003). Далее в части III Дополнительного протокола I (далее – API) перечисляются методы и средства ведения войны, касающиеся статуса комбатанта и военнопленного (далее – POW) (Goodman, 2013). Дополнительный протокол I рассматривает средства и методы ведения войны, разрешенные международным гуманитарным правом (далее – МГП). Однако в нем не упоминаются параметры производства или передачи технологий, что создает серьезный пробел. В данной статье предпринята попытка проанализировать пробелы и предложить определенные стратегии и эффективные решения. Последние, однако, занимают второстепенную позицию, поскольку выходят за рамки данной статьи. Кроме того, принятая нами методология является чисто доктринальной, то есть требует эмпирического подхода. Таким образом, настоящая работа ограничивается анализом пробелов в отношении передачи технологий для ведения современной войны в соответствии с Женевскими конвенциями и анализирует их в свете международных конвенций, договоров, сделок двустороннего, многостороннего и международного характера (Nedeski, 2022a).

1. Международная торговля, передача технологий и военное право

В этом разделе мы рассмотрим взаимосвязь между международной торговлей и ведением войны, обращая особое внимание на доктрину передачи технологий (далее – ПТ) в контексте производства средств ведения войны. Передача технологий – это процесс, посредством которого правительства, организации или отдельные лица обмениваются знаниями, навыками, технологиями и методами производства (Gottwald et al., 2013). Исторически ПТ способствовала экономическому развитию и индустриализации, позволяя странам преодолевать технологические разрывы и наращивать свой производственный потенциал (Qi & Chu, 2022). Однако в контексте вооруженных конфликтов ПТ часто предполагает распространение военных технологий, включая системы вооружения, средства наблюдения и кибернетические возможности. В эпоху после Второй мировой войны наблюдался значительный рост передачи военных технологий в масштабах всего мира, вызванный геополитическим соперничеством и гонкой вооружений во время холодной войны. В этот период государства активно занимались экспортом и импортом оружия, часто используя передачу технологий в качестве инструмента дипломатии и стратегического влияния. За последние десятилетия характер ПТ значительно изменился в связи с распространением технологий двойного назначения, которые имеют как гражданское, так и военное применение, что усложняет нормативно-правовую базу. Например, беспилотные летательные аппараты, первоначально предназначенные для мониторинга сельского хозяйства или реагирования на стихийные бедствия, были перепрофилированы для военного наблюдения и целенаправленных убийств в зонах конфликтов (Ayamga et al., 2021). Соответственно, в работе Anderson и Waxman подчеркиваются этические и юридические дилеммы, связанные с использованием вооруженных беспилотных летательных аппаратов для целенаправленных убийств. Ученые утверждают, что, хотя теоретически использование беспилотников повышает точность ударов, на практике оно часто приводило к значительным жертвам среди гражданского населения, что вызывает вопросы о соблюдении Женевских конвенций (Winter, 2022). Например, использование беспилотников Соединенными Штатами в Пакистане и Йемене подверглось

критике за нарушение принципов различия и пропорциональности (Gunaratne, 2013), а также за нарушение международного права (Byrne, 2016). Аналогичным образом, достижения в области искусственного интеллекта и робототехники привели к разработке автономных систем вооружения, которые работают без прямого вмешательства человека (Osimen et al., 2024). Это поднимает этические и юридические вопросы об их использовании в военных целях (Rid, 2012). Растущее участие частных компаний в разработке и передаче военных технологий еще больше усугубляет эти проблемы, поскольку эти организации часто действуют за рамками традиционных принципов МГП (Hashimy, 2024).

1.1. Международная торговля, UNCITRAL и UNCTAD, война

Организация Объединенных Наций регулирует международную торговлю и содействует ее развитию посредством двух своих форумов – Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD) и Комиссии ООН по международному торговому праву (UNCITRAL). Наряду с Гаагской конференцией по международному частному праву, ОЭСР, ВТО и другими образованиями, они обеспечивают необходимый импульс развитию международной торговли (Baltag et al., 2023). Однако все они разрабатываются под эгидой стран Запада и западных правовых традиций, и поэтому функционирование этих многосторонних учреждений и договоров носит скорее односторонний характер. Возможности международной торговли наряду с развитием технологий привели к возникновению потребности в рынке. В этой государственной рыночной системе влияние определяется продажей и покупкой оружия. Сторонники теории сдерживания утверждают и рационализируют это положение, а неолибералисты настаивают на необходимости рынка. Реалисты придерживаются местного и Вестфальского права. Как бы мы ни объясняли доминирование торговли, неизменным фактом остается то, что сделки по торговле оружием составляют значительную часть мировой торговли, и западные правовые традиции, закрепленные в международном праве, поддерживают это положение. Кроме того, различие между категориями передачи технологий создало разрыв между производителями оружия и его покупателями, закрепив неизбежное зло, связанное с необходимостью совершения сделок купли-продажи.

1.2. Передача технологий

Передача технологий – это процесс, посредством которого распространяется коммерческая технология. Он имеет форму сделки по передаче технологии, которая может быть или не быть оформлена юридически обязательным контрактом (Van Norman & Eisenkot, 2017). Передача технологий является одной из задач UNCTAD, которая направлена на устранение асимметрии между транснациональными компаниями и странами-импортерами. Кроме того, она также направлена на обеспечение доступности наступательного и оборонного вооружения и средств защиты мира для развивающихся стран. При этом рассматриваются следующие основные вопросы:

- а) подходы к знаниям собственника технологии;
- б) регулирование передачи технологий;
- в) вопросы конкуренции;
- г) действия принимающей страны, связанные с технологиями (Kim et al., 2024).

Конференция ООН по торговле и развитию в сфере передачи технологий 2001 г. (Конвенция UNCTAD по ПТ от 2002 г.) подчеркивает необходимость свободной рыночной передачи технологий с учетом прав интеллектуальной собственности. Это типовой закон, регулирующий передачу технологий¹.

По мере возрастания потребности в оружии, достижения прогресса привносятся в эту сферу. В первую очередь это четыре основные технологии: деление ядра и термоядерный синтез; запуск объектов в космическое пространство и управление их действиями; полупроводники и микроэлектроника; многочисленные технологические применения когерентных световых лучей (лазеров). Все это по-прежнему остается в сфере влияния Запада и развитых стран. Под эгидой органов ООН предпринимаются небольшие и непостоянные шаги по исправлению этой ситуации, некоторые из которых отражаются в узкоспециализированных международных договорах. Так, в ст. 11 Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия говорится о «технологическом сотрудничестве и помощи». Однако раздел 1 ст. 11 регулирует только передачу технологий, относящихся к реализации настоящего протокола. Однако это не ограничивает сферу применения данной Конвенции, и она регулирует различные средства ведения войны, а также их применение, тем самым регулируя методы ведения войны. Кроме того, основная информация относится к наземным минам, минам-ловушкам, противопехотным минам, необнаруживаемым осколкам, поскольку это оружие по-прежнему широко используется, и надлежащая передача технологий должна способствовать распространению этой информации. Передача технологий также имеет решающее значение с точки зрения интеллектуальной собственности (Maskus, 2022). По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, существуют различные типы соглашений о передаче технологий (Muchlinski, 2021):

- а) лицензионные соглашения о передаче технологии;
- б) передача прав интеллектуальной собственности (Stoll, 2022);
- в) соглашения о конфиденциальности;
- г) соглашения о совместных исследованиях;
- д) соглашения о консультациях и спонсорских исследованиях;
- е) соглашения о передаче материалов;
- ж) контракты на исследования;
- з) соглашения о работе малых инновационных предприятий в академической сфере;
- и) соглашения о работе инновационных предприятий при университетах;
- к) соглашения о создании совместных предприятий.

В статье мы рассмотрим также ряд других факторов, которые стимулировали разработку современного оружия:

1. Развитие информационных технологий, в частности кибертехнологий, и, как следствие, разработка автономных транспортных средств и мобильных роботов-навигаторов (Raslan, 2024).

2. Разработка полуавтономного оружия и автономных систем вооружения.

---

¹ UNCTAD. (2001). Transfer of technology. UN. <https://clck.ru/3Mdppn>

3. Разработки в области коммуникационных технологий и, как следствие, ракеты с минимальным рикошетированием, ракеты класса «воздух – воздух», высокомогущное сверхвысокочастотное излучение, оружие дальнего поражения и т. п. Кроме того, с развитием технологий связи 5G повысилась эффективность оружия в неблагоприятных условиях (Gkagkas et al., 2024).

4. Развитие искусственного интеллекта (Soori et al., 2023).

1.3. Военное право

Этимология международного гуманитарного права противоречит понятиям западной правовой традиции, поэтому автор вместо этого использует терминологию военного права (Kiss & Lammers, 2021). То же самое неоднократно обсуждалось учеными в связи с событиями в странах третьего мира. Кроме того, терминология международного гуманитарного права сдерживает устремления суверена, поскольку следует установленным принципам.

2. Женевские конвенции и дополнительные протоколы

В этом разделе мы рассмотрим положения международного права, регулирующие производство средств ведения войны. Также в этом разделе рассматриваются пробелы в существующих международных договорах и инструментах.

2.1. Международное законодательство

Рассмотрим положения международных договоров и норм обычного права, относящиеся к регулированию средств производства. В международном гуманитарном праве имеется множество протоколов, определяющих средства и методы ведения войны. Некоторые из этих конвенций, договоров и деклараций перечислены ниже.

Декларация об отказе от применения во время войны некоторых видов боеприпасов, Санкт-Петербург (Некоторые взрывчатые вещества, снаряды), 1868 г. (Schindler & Toman, 2004a).

Декларация (IV, 1) о запрещении на пятилетний срок запуска снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров, Гаага (Гаагская декларация о воздушных шарах 1899 г.), 1899 г.; Декларация (IV, 2) о запрете удушающих газов, Гаага (Гаагская декларация о газах), 1899 г.; Декларация (IV, 3) о запрете экспансивных пуль, Гаага (Гаагская декларация о пулях дум-дум), 1899 г. (Traven, 2021).

Декларация (XIV) о запрете сброса снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров, Гаага (Гаагская декларация о воздушных шарах 1907 г.), 1907 г. (Schindler & Toman, 2004b).

Конвенция (VIII) о постановке автоматических контактных мин на подводных лодках, Гаага (Гаагская конвенция о морских минах 1907 г.), 1907 г. (Haines, 2014).

Протокол о запрещении применения удушающих, ядовитых или других газов и бактериологических методов ведения войны, Женева (Женевский протокол 1925 г.), 1925 г. (McElroy, 1991).

Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, Лондон (Конвенция о биологическом оружии), 1972 г. (Dando & Pearson, 1997).

Конвенция ООН о запрещении военного или любого другого враждебного использования методов воздействия на окружающую среду (ENMOD) 1976 г. (Jarose, 2024).

Конвенция о запрещении или ограничении применения некоторых видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, Женева (CCW), 1980 г.; Протокол I CCW; протокол II CCW и протокол III CCW (Dunworth, 2020).

Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, Париж², 1993 г. (Tabassi, 2007).

Договор о торговле оружием, 2013 г. (D'Ascanio, 2017; Lustgarten, 2015).

Эти международные договоры и конвенции предусматривают ограничения в виде запретов и норм в отношении определенных видов оружия. Важно понимать, что эти договоры не были ратифицированы большинством государств, которые являются их участниками. Достижения в области применения систем химического оружия выходят за рамки Конвенции по химическому оружию 1993 г. в свете раздела 9 ее статьи II, в котором перечисляются цели, которые не запрещены конвенцией, и в том числе мирные цели (Lak, 2009), которые не были специально определены в конвенции³. Это открывает возможности для разработки химического оружия в защитных, военных и правоохранительных целях. Таким образом, это косвенно позволяет государствам использовать химическое оружие. Кроме того, с развитием технологий и разработкой противобаллистических ракет класса «воздух – воздух» многократно возросли проблемы нанесения удара конкретно по цели в свете принципа различия согласно МГП.

2.2. Женевские конвенции и дополнительные протоколы

Женевские конвенции обеспечивают доступность закона, предусматривая его применение во время военных действий независимо от объявления и признания войны (Daniele, 2024). Конвенции I–IV, а также Протоколы I, II и III обеспечивают применение военного права (Stahn, 2006). В Дополнительном протоколе I рассматриваются, прежде всего, средства и методы ведения войны.

2.3. Принцип различия и передача технологий

Статья 48 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям закрепляет принцип различия, который требует, чтобы стороны в конфликте всегда проводили различие между гражданскими лицами и комбатантами (Melzer, 2008). Однако передача таких технологий, как беспилотные летательные аппараты и автономные системы вооружения, усложняет применение этого принципа. Например, беспилотные летательные аппараты, которые ценятся за точность нанесения удара, используются таким образом, что стирается грань между гражданскими и военными целями.

² Chemical Weapons Convention. (n.d.). OPCW. <https://clck.ru/3Mdq58>

³ Ibid.

Передача Соединенными Штатами вооруженных беспилотников таким союзникам, как Пакистан, привела к значительным жертвам среди гражданского населения в ходе контртеррористических операций, что вызывает вопросы о соблюдении ст. 48 (Boyle, 2013). Соответственно, автономные системы вооружения, которые работают без вмешательства человека, несут риски нарушения принципа различия. Эти системы используют алгоритмы для идентификации и поражения целей, но они не способны принимать решения в зависимости от контекста. Например, в Ливии использование автономных беспилотных летательных аппаратов негосударственными субъектами привело к неизбирательным нападениям на гражданскую инфраструктуру, что нарушило принцип различия (Schmitt, 2008). В Женевских конвенциях прямо не рассматривается вопрос о передаче таких технологий, что создает пробел в законодательстве и подрывает эффективность регулирования.

2.4. Принцип пропорциональности и технологии двойного назначения

Статья 51(5)(b) Дополнительного протокола I запрещает причинение чрезмерного ущерба гражданскому населению по сравнению с ожидаемым военным преимуществом (Beard, 2019). Этот принцип пропорциональности особенно актуален относительно передачи технологий двойного назначения, которые имеют как гражданское, так и военное применение (van den Boogaard, 2023). Например, технологии наблюдения, первоначально разработанные для гражданских целей, были перепрофилированы авторитарными режимами для воздействия на гражданское население. В Йемене оборудование для наблюдения, поставляемое западными странами, использовалось коалицией во главе с саудитами для выявления объектов гражданской инфраструктуры и нанесения по ним ударов, что привело к несоразмерному ущербу гражданскому населению (Pomson, 2023). Передача кибертехнологий также вызывает опасения относительно пропорциональности. Так, вирус Stuxnet, положительно разработанный Соединенными Штатами и Израилем, был использован для саботажа ядерной программы Ирана (Rid, 2012). Хотя целью операции был военный объект, вирус распространился на гражданские системы, причинив непреднамеренный ущерб. Женевские конвенции не содержат четких руководящих принципов в отношении передачи кибертехнологий, что позволяет государствам использовать правовые лазейки в своих целях.

2.5. Запрещение оружия, причиняющего ненужные страдания

Статья 35(2) Дополнительного протокола I запрещает применение оружия, причиняющего чрезмерные увечья или ненужные страдания (Cassese, 2008). Однако передача таких технологий, как кассетные боеприпасы и зажигательное оружие, привела к широкомасштабному ущербу среди гражданского населения. Например, передача Соединенными Штатами кассетных боеприпасов Саудовской Аравии повлекла жертвы среди гражданского населения в Йемене, поскольку это оружие часто не взрывается при ударе, создавая долгосрочные риски для гражданского населения. Женевские конвенции прямо не регулируют передачу такого оружия, что позволяет государствам обходить свои обязательства в рамках МГП. Аналогичным образом, передача автономных систем вооружения вызывает опасения по поводу ненужных страданий. Эти системы, которые действуют без учета человеческого мнения, могут причинять длительные страдания, воздействуя на отдельных людей таким

образом, который нарушает принципы гуманности. Например, использование автономных беспилотных летательных аппаратов для целенаправленных убийств подвергалось критике за причинение ненужного вреда гражданским лицам и нарушение духа ст. 35(2) (Liivoja, 2024). Кроме того, ст. 36 Дополнительного протокола I требует, чтобы государства рассматривали новые виды оружия, средства и методы ведения войны для обеспечения соблюдения МГП. Эта статья обеспечивает потенциальную основу для регулирования передачи технологий, но не содержит механизмов ее соблюдения. Например, страны, разрабатывающие средства ведения кибервойны, теоретически должны проводить юридические проверки для оценки соответствия положениям МГП, однако многие из них этого не делают из-за отсутствия обязательных нормативных актов (McClean, 2002).

Статьи 57 и 58 Дополнительного протокола I предписывают принимать меры предосторожности, чтобы свести к минимуму ущерб гражданскому населению⁴. Передача технологий беспилотных летательных аппаратов с возможностью автономного наведения на цель может нарушить эти обязательства, если не будет строго регламентирована. Например, автономные беспилотные летательные аппараты, используемые в зонах конфликтов, могут привести к жертвам среди гражданского населения из-за ошибочных алгоритмов наведения на цель, что противоречит принципам предосторожности, изложенным в этих статьях (Al Karawi, 2024).

3. Гаагские конвенции

В то время как Женевские конвенции посвящены регулированию ведения войны, Гаагские конвенции 1907 г. разрабатывались параллельно с положениями о средствах ведения войны (Ní Shúilleabháin & Trimmings, 2024). Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. сыграли важную роль в регулировании ведения военных действий, включая положения о передаче военных технологий. Гаагская конвенция VIII 1907 г. об установке автоматических контактных мин на подводных лодках и Гаагская конвенция IX о бомбардировках военно-морскими силами представляют собой самые ранние документы по контролю за распространением и использованием новейших военных технологий. Статья 1 Гаагской конвенции VIII ограничивает применение контактных мин, если они не становятся безвредными через короткий промежуток времени; это служит гарантией, что технология не приведет к неизбирательному уничтожению (Webster, 2011). Аналогичным образом, Гаагская конвенция XIII о нейтральных державах в морской войне запрещает передачу военных кораблей или боеприпасов нейтральными государствами воюющим сторонам (ст. 6 и 8) с целью предотвращения распространения технологий в ходе конфликтов. Эти положения заложили основу для современных договоров о контроле над вооружениями. Они рассматривали этические и правовые последствия передачи военных технологий, предвосхитив более поздние соглашения, такие как Режим контроля за ракетными технологиями и Договор о торговле оружием.

⁴ Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977. (n.d.). <https://clck.ru/3MLAFT>

4. Принципы обычного международного гуманитарного права

Одним из основных принципов МГП является принцип различия, предписывающий различать комбатанта от гражданского лица. Любая доктрина МГП основана на принципе, согласно которому гражданские лица, а также те, кто не участвует в боевых действиях и находится под защитой, не должны подвергаться нападениям. В этом выражается принцип гуманности и неотъемлемое право на жизнь, которое присуще каждому человеку с самого его рождения. Это также делается с целью максимально облегчить повседневную жизнь во время войны. Однако применяемое оружие и системы вооружения приводят к разрушениям, превышающим необходимые, и, таким образом, наносят ущерб гражданским объектам и населению. Сегодня мы инвестируем в исследования и разработки и смогли продвинуться в направлении реализации технологий, которые позволяют идентифицировать человека и атаковать его, тем самым уменьшая вероятность причинения чрезмерных увечий или нанесения вреда гражданскому населению. Однако использование искусственного интеллекта и подобных современных средств ведения войны не принесло пользы. Еще до их появления страны объединились и подписали договоры, запрещающие их использование и производство. Компании начали запрещать использование искусственного интеллекта в своей обычной практике. Это происходит параллельно с тем, что в их производство инвестируется огромное количество денежных средств. В то же время мы не смогли искоренить бедность в мире. Сегодня мы еще только продвигаемся к достижению целей устойчивого развития; не все население планеты имеет доступ к чистой воде и образованию. Таким образом, МГП должно учитывать это в своих правовых положениях и кодифицировать законодательство, касающееся регулирования инвестирования ресурсов в развитие вооружений и средств защиты.

5. Иные договоры

Женевские конвенции дополняет Договор о торговле оружием. Он регулирует поставки оружия, которые способствуют нарушениям прав человека (da Silva & Wood, 2021). Статья 7 ДТО требует от государств-экспортеров оценивать, может ли переданная технология быть использована для совершения военных преступлений (Clapham et al., 2016). Это положение применяется к обычным вооружениям, но его эффективность в борьбе с новыми технологиями двойного назначения остается ограниченной. Ученые утверждают, что включение норм относительно технологий двойного назначения в рамки МГП могло бы усилить юридическую ответственность.

5.1. Региональные соглашения

Европейский союз активно разрабатывает политику и руководящие принципы для регулирования военных конфликтов и ведения боевых действий (Kelemen & McNamara, 2022). Однако до сих пор нет никаких инструментов или документов, которые были бы приняты в форме международного договора (Lupu & Wallace, 2024). В списке компаний, производящих оружие и оказывающих военные услуги, составленном Стокгольмским международным институтом по исследованию проблем мира (SIPRI), лидируют США, однако на втором месте находятся такие страны Европы, как Германия и Италия. Положительным знаком является то, что в 2022 г. доля продаж оружия снизилась, но это снижение слишком незначительно, и сделки по торговле

оружием набирают обороты (Larik, 2023). Кроме того, страны Азии и Тихого океана не обсуждали регулирование сделок по торговле оружием или передаче технологий ни в одном из своих соглашений и переговоров. В этих региональных соглашениях в основном обсуждаются инструменты, устанавливающие стандарты передачи технологий в рамках Соглашения о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (TRIPS). Региональные организации NAFTA (Bethlehem et al., 2009), Андская группа и АСЕАН, а также ЕС подписали документы по принятию стандартов на региональном уровне (Ansari & Babu, 2018). В постановлении Комиссии ЕС от 2014 г. говорится о передаче технологий в рамках поддержки конкуренции и, следовательно, о лицензировании прав на технологию (Anderman & Kallaughner, 2006). Эти инструменты, устанавливающие стандарты, мало обсуждаются, и в развитых странах сохраняется явное нежелание делиться ими с развивающимися и наименее развитыми странами. С большей готовностью обсуждается и согласовывается другая категория документов в области ПТ. Она в большей степени сосредоточена на прямых мерах, направленных на наращивание потенциала, и, можно сказать, соответствует потребностям устойчивого развития. Этот вопрос был рассмотрен региональными организациями АСЕАН, ЭСКОВАС и другими (Strachan, 2020). Таким образом, региональные нормативные акты принимаются и действуют лишь как вспомогательные относительно деятельности UNCTAD.

При этом существуют региональные договоры о разоружении, и в этих договорах не обсуждаются варианты передачи технологий, исходя из ожиданий и предположений, что разоружение может быть достигнуто без ПТ. Однако сам этот подход препятствует эволюции и развитию технологий в развивающихся и наименее развитых странах. Это нарушает баланс сил и ведет к расколу между центром и периферией (Vidigal, 2013). Таким образом, разрыв между развивающимися и развитыми странами сохраняется.

5.2. Двусторонние и многосторонние договоры и соглашения

Международное право регулируется Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 г. (Villiger, 2008). С 2015 по 2018 г. Индия подписала Меморандумы о взаимопонимании и соглашения, связанные с обороной и военной сферой, с 29 другими странами, и большинство из них касаются передачи технологий (Sinha, 2023). В ходе 12-й оборонной выставки в октябре 2022 г. были заключены в общей сложности 451 меморандум о взаимопонимании (Nedeski, 2022b), соглашения о передаче технологий и запуске новых продуктов. Из них 18 соглашений касались передачи технологий. Это очень важно с точки зрения МГП, поскольку Индия также является крупнейшим экспортером военной и оборонной техники, и участие страны в любом военном конфликте нанесет ущерб гуманитарному праву. Однако Индия не только приняла принципы ПТ, но и воплотила их в своих оборонных соглашениях и заявлениях. Организация оборонных исследований и разработок (DRDO) выпустила руководство по политике и процедурам передачи технологий, в котором классифицируются продукты и устанавливаются правила их импорта и экспорта. Кроме того, индийское правительство опубликовало документ «Процедура закупок для оборонной промышленности от 2020 года», в котором разъясняются процедуры и политика, принятые правительством с целью облегчения ведения бизнеса и укрепления концепции Атманирбхарта (самообеспечения), предлагаемой правительством Индии

(Jain & Gill, 2022). Таким образом, импортеры находятся в процессе превращения в экспортеров. Это должно не только обеспечить баланс сил, но и придать импульс развитию и более эффективному продвижению защитных механизмов в свете возросшей конкуренции.

В период с марта 2022 г. по март 2023 г. США подписали 74 двусторонних оборонных соглашения (Chapter Seven, 2025). Япония также подписала ряд соглашений по ПТ и сотрудничает в области обороны с США, Великобританией, Францией, Германией, Италией, Индией, Австралией, Филиппинами, Вьетнамом, Индонезией и Малайзией. Япония в рамках своего оборонного бюджета на 2023 г. предусматривает передачу технологий по статье «Расширение каналов продаж оборонной промышленности и др.» и выступает за трансграничную передачу оборонного оборудования. Кроме того, в стране были приняты «Меры по сотрудничеству в области оборонной техники и технологий» (Szenes, 2023).

Великобритания заключила соглашения о взаимной безопасности с Финляндией и Швецией. Хотя это соглашение не предусматривает передачу технологий, оно открывает возможности для этого. Договор предусматривает оказание Великобританией помощи этим странам в случае нападения. Таким образом, оборонные сделки и военная торговля стали гораздо более доступными, поскольку все существующие договоры и процедуры по их оформлению проходят за закрытыми дверями, и задача МГП в очередной раз усложняется. Эти оборонные сделки и международные договоры не соблюдают принципы МГП и не рассматриваются в контексте методов ведения войны, поскольку они осуществляются во имя национальной и международной безопасности. Однако они находятся в шаге от того, чтобы нанести ущерб миру, и об этом также должно позаботиться МГП. АП и Женевские конвенции запрещают средства и методы ведения войны, которые противоречат принципам МГП, однако указывают лишь на средства и методы, применяемые в ходе военных действий или явно предназначенные для ведения войны. Таким образом, это оружие дает преимущество, и, таким образом, военные сделки и соглашения процветают под предлогом обеспечения национальной безопасности и международного мира. Обязанностью всемирных организаций, таких как ООН, многосторонних организаций, таких как БРИКС, АСЕАН, НАТО, QUAD и других, совместно с МККК и другими органами МГП, должен стать анализ этих соглашений и передачи технологий в свете МГП и связанных с ним протоколов и законов.

6. Изучение сложных взаимосвязей

Передача технологий соотносится с Женевскими конвенциями по нескольким важным аспектам. Во-первых, принципы различия и пропорциональности, которые занимают центральное место в МГП, все труднее применять в контексте передовых военных технологий. Например, использование вооруженных беспилотных летательных аппаратов для целенаправленных убийств поднимает вопросы о соблюдении принципа различия, поскольку эти технологии часто приводят к жертвам среди гражданского населения⁵. Аналогичным образом, развертывание автономных систем вооружения ставит под сомнение принцип пропорциональности, поскольку эти системы

---

⁵ Boyle, M. (2013). The Costs and Consequences of Drone Warfare. *International Affairs*, 89, 1.

действуют без участия человека и могут причинить непропорциональный ущерб гражданскому населению. Во-вторых, передача технологий двойного назначения усложняет применение Женевских конвенций. Государства часто используют правовые лазейки для передачи технологий, которые могут быть использованы как в гражданских, так и в военных целях, что затрудняет привлечение их к ответственности за нарушения МГП. Например, передача технологий слежки авторитарным режимам используется для подавления инакомыслия и нарушения прав человека. Однако эти действия часто выходят за рамки Женевских конвенций⁶. Организация Human Rights Watch (2020) зафиксировала многочисленные случаи, когда технологии двойного назначения использовались для нарушения прав человека. Например, в Йемене технологии наблюдения, поставляемые западными странами, использовались коалицией саудитов для нанесения ударов по гражданской инфраструктуре, что привело к массовым бедствиям и перемещению населения. Эти случаи подчеркивают настоятельную необходимость в более строгих правилах передачи технологий двойного назначения и большей подотчетности государств и частных субъектов, участвующих в их распространении. Наконец, возрастающая роль частных субъектов в разработке и передаче военных технологий создает серьезную проблему для обеспечения соблюдения МГП. Такие компании, как Palantir и Raytheon, играют ключевую роль в развитии технологий наблюдения и вооружения, однако Женевские конвенции не являются для них обязательными. Такое отсутствие подотчетности подрывает эффективность МГП в регулировании современных военных действий и подчеркивает необходимость правовых реформ для решения этих проблем (Wired for War, 2009). Аналогична роль частных субъектов в развитии кибертехнологий; известно, что передача этих технологий негосударственным субъектам создает значительные риски для глобальной безопасности. Ярким примером проблем, связанных с нерегулируемой передачей технологий, является вирус Stuxnet, предположительно разработанный Соединенными Штатами и Израилем. Хотя эта операция напрямую не нарушала Женевские конвенции, она создала опасный прецедент для использования кибертехнологий в вооруженных конфликтах, ставя под сомнение адекватность существующих правовых рамок.

6.1. Война и экономика

Дилемма, касающаяся экономической взаимозависимости и войны, стоит перед странами со времен разрядки напряженности (Copeland, 1996). Таково узкое понимание этих отношений на Западе. Нужно понимать, что государства осознали выгоду как войны, так и торговли и приняли их неизбежность. Это стало возможным благодаря торговле средствами ведения войны. По мере того как страны достигали все большего прогресса в научном и социальном плане, они удовлетворяли потребности экономики, добавляя к ним новые потребности и желания, а не сосредотачиваясь на продукте. Вооружения и средства обороны стали важнейшими проблемами современности, и вместо продвижения к разоружению мы сосредоточились на международных договорах и торговых соглашениях, в которых обсуждается производство средств ведения войны. Кроме того, передача технологий пока не осуществляется, и, следовательно, сдерживание сохраняется.

---

⁶ Human Rights Watch, Yemen: Coalition Bombing Campaigns Cause Civilian Deaths. (2020).

6.2. Приемлемость передачи технологий

Законы об интеллектуальной собственности на международном уровне остаются основным препятствием для сокращения технологического разрыва между развитыми и развивающимися странами. В то время как развитые страны сосредоточились на знаниях и начали осваивать и регулировать новые этапы промышленной революции, экономика развивающихся стран и стран глобального Юга остается зажатой между первичным, вторичным и третичным секторами. Марракешское соглашение, TRIPS другие подобные договоры не только регулируют, но и блокируют технологический обмен. Это отразилось в несоблюдении соглашений о передаче технологий и, как следствие, в сдержанном отношении к их принятию и внедрению.

7. Технологический разрыв

Технологический разрыв между глобальным Севером и Югом породил страх и напряженность, что привело к нарушению баланса сил, тем более что это неравенство касается средств ведения войны как таковых. Это очевидно из двусторонних инвестиционных договоров (ДИД) и многосторонних инвестиционных договоров (МИД), в которых развитые страны часто добиваются благоприятных условий, контролируя передачу технологий, связанных с вооружениями. Например, ст. 3 Американско-индийского ДИД (1997) гарантирует «национальный режим», но допускает исключения по соображениям безопасности в соответствии со ст. 18, ограничивающей обмен технологиями в оборонных секторах. Аналогичным образом, многостороннее соглашение к Энергетической хартии (ЭХ) допускает ограничения на передачу технологий в секторах, которые считаются критически важными для национальной безопасности, что сказывается на возможностях производства вооружений в наименее развитых странах. Вассенаарские договоренности, хотя и не являются международным договором, регулируют экспорт технологий двойного назначения, что непропорционально затрагивает развивающиеся страны. Статья 2 Договора о торговле оружием (ДТО, 2014) дополнительно ограничивает передачу обычных вооружений, ограничивая доступ наименее развитых стран, в то время как развитые страны сохраняют технологическое превосходство. Эти диспропорции усиливают геополитическую напряженность и неравномерный баланс сил.

8. Правила ведения войны и передача технологий

В этом разделе мы рассмотрим проблемы, с которыми сталкивается военное право в международной торговле.

8.1. Между Сциллой и Харибдой: выбор Хобсона

Международное право сталкивается с затруднениями, когда приходится выбирать между регулированием производства средств ведения войны и содействием международной торговле и бизнесу. Эта фундаментальная дилемма со всей очевидностью проявляется в договорах о контроле над вооружениями и правилах передачи технологий, которые в непропорционально большой степени выгодны развитым странам. Режим контроля за ракетными технологиями и Вассенаарские договоренности ограничивают доступ развивающихся стран к передовым военным технологиям, позволяя государствам «Большой пятерки» сохранять свое технологическое

превосходство. Статья 6 Договора о торговле оружием ограничивает поставки вооружений, которые могут нарушать гуманитарное право, однако развитые страны продолжают поставлять оружие стратегическим союзникам, усиливая глобальный дисбаланс сил.

8.2. Фрагментация военного права

Согласно теории справедливой войны, военное право подразделяется на *jus ad bellum* (отрасль международного права, касающаяся законности применения силы) и *jus in bello* (правила ведения войны) (Hampson, 2018). Мы утверждаем, что международное военное право не сможет достичь своей цели, пока не получит возможности осуществлять комплексный контроль за формированием законов и регулированием обоих вышеуказанных аспектов (Peters, 2017). До сих пор развитие военного права было односторонним и искаженным, что усиливало различия между развитыми и развивающимися странами. Право формировать эти законы принадлежит в первую очередь странам «Большой пятерки», в частности Соединенным Штатам, которые по-прежнему не участвуют в ключевых Гаагских конвенциях и Международном уголовном суде, оставаясь при этом крупнейшим в мире производителем оружия (Whittle, 2015). Некоторые из наиболее резких критических замечаний за последние два десятилетия были высказаны странами глобального Юга, особенно странами Африканского континента. Аресты бывшего президента Судана в 2009 и 2010 гг., иск против Кении в 2011 г. и односторонние решения по Демократической Республике Конго в 2016 г. ставят под сомнение непредвзятость Международного уголовного суда.

8.3. Исследование принципов

Ключевые принципы права вооруженных конфликтов используются для оправдания военного вмешательства влиятельных государств. Статья 51 первой части Женевских конвенций, запрещающая неизбирательные нападения, часто применяется предвзято. Принцип пропорциональности используется для манипулирования с помощью риторики «высокоточных ударов», когда жертвы среди гражданского населения рассматриваются как сопутствующий ущерб. Аналогичным образом, оправдание военной необходимостью позволяет крупным государствам обходить юридические ограничения, что можно видеть на примере ударов беспилотников, наносимых без соблюдения международных протоколов.

9. Торговля, технологии и война

Дилемма, с которой сталкивается МГП, связана не с развитием современной системы вооружений, а с продажей и распределением этих систем оружия, их частей и сопутствующих продуктов. Уместно отметить, что основные производители этого оружия по-прежнему присутствуют в странах первого и второго мира, при этом топ-5 производителей находятся в Соединенных Штатах, однако основные покупатели – страны третьего мира или развивающиеся страны. Согласно информационному бюллетеню SIPRI, опубликованному в марте 2022 г. под заголовком «Тенденции в международных поставках оружия в 2021 году», в пятерку крупнейших импортеров за 2017–2021 гг. вошли Индия, Саудовская Аравия, Египет, Австралия и Китай (рис.).

Доля импорта вооружений по странам

Уместно отметить, что все эти страны ведут активную геополитическую деятельность из-за напряженных отношений с соседними государствами. В то время как колониальной империи удалось отколоть от Индии два новых государства, разгром провинций Синьцзян и Аксайчин также привел к конфликту с соседним Китаем. Египту и Саудовской Аравии приходится не только следовать ближневосточной политике, но и противостоять вызовам, с которыми они сталкиваются в силу своего географического положения. Может показаться, что Австралия далека от традиционной политики, однако из-за беженцев и экологического кризиса она присоединилась к Четверке, чтобы укрепить свои позиции в Тихом океане и Океании (Hashimy, 2023; Jayaram, 2024). Было бы юридически некорректно говорить, что в этих странах продолжается вооруженный конфликт немеждународного характера, поскольку он не был объявлен в рамках АРП, однако следует все же упомянуть эти мятежи и сепаратистские движения. Опять же, в пост-неолиберальную эпоху государства работают параллельно на разных фронтах и играют роли как друзей, так и врагов по отношению к другим странам. То, что может показаться мирной пропагандой, на самом деле противоречит МГП, поскольку не только ведет государства к консенсусу в нарушение закона, но и суверенитет подрывает международное право (Mearsheimer, 2022).

Понятие уровня технологической готовности (далее – УТГ), разработанное Национальным управлением по авиации и исследованию космического пространства (NASA), позволяет оценить степень готовности вооружений (Olechowski et al., 2020). Понятие уровня производственной готовности (далее – УПГ) показывает эффективность и простоту его разработки. В настоящее время оружие тестируется на основе показателя УТГ (Ferreira et al., 2021), однако этот подход, предложенный Дж. К. Мэнкинсом и А. Олехвоски с коллегами, вызывает определенные трудности. Основная критика касается использования методологии оценки человеком для определения этих уровней. Кроме того, показатель делится на девять уровней, и восьмой и девятый уровни, которые соответствуют боевым требованиям, предполагают оценку человеком, что сильно отличается от сценария реальной войны. Однако автоматизация этого процесса создала бы дополнительные проблемы. Кроме того, МГП до сих пор не включает УПГ в сферу своей

компетенции при определении средств и методов ведения войны, и показатель также не фигурирует в рамках обычного МГП. Кроме того, эти оценки не соответствуют принципам МГП, касающимся гуманности, различия, пропорциональности и военной необходимости. Таким образом, несмотря на то, что современное оружие появилось и будет развиваться дальше с развитием технологий, государства при закупке вооружения должны принимать во внимание МГП и дополняющие его нормы и законы.

10. Страны третьего мира и неизвестные истории

Далее рассмотрим такие связанные понятия, как военное право и коммерческое право стран глобального Юга.

10.1. TWAIL, ВТО и регулирование в сфере средств ведения войны

В мировом военно-промышленном комплексе сохраняется глубокое структурное неравенство, так как производство и передача военных технологий осуществляются почти исключительно с выгодой для развитых стран (Chimni, 2022). По данным SIPRI, на пять крупнейших экспортеров оружия: Соединенные Штаты, Францию, Россию, Китай и Германию – приходится большая часть продаж оружия, причем только на США – 42 % от общего объема экспорта. Между тем развивающиеся страны по-прежнему сильно зависят от этих поставщиков, не имея возможности самостоятельно производить современное вооружение. Эта асимметрия усиливается благодаря механизмам ВТО, в частности Соглашению по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS) (Upreti, 2022), которое предоставляет преимущества Глобальному Северу, защищая права по патентам и ограничивая распространение важнейших военных технологий (Dent, 2021).

Передача технологий осуществляется в основном двумя способами: с помощью добровольного лицензирования и через прямые иностранные инвестиции (Osano & Koine, 2016). Однако оба механизма в подавляющем большинстве случаев благоприятствуют развитым государствам. По сообщению UNCTAD, более 80 % мировых сборов за лицензирование технологий поступает компаниям в Соединенных Штатах (Van Norman & Eisenkot, 2017), Европе и Японии, что обеспечивает сохранение монополии на дорогостоящие оборонные инновации (Cheng, 2021). С точки зрения TWAIL, это продолжение структур колониальной власти, при которых развивающиеся страны остаются в подчинении в течение всего цикла зависимости. Регулирующий режим ВТО (Ezell & Cory, 2019), вместо того чтобы способствовать равноправному доступу к военным технологиям, закрепляет неоколониальную иерархию, ограничивая возможности Глобального Юга в вопросах безопасности и ведения войны.

10.2. Международная торговля и международные законы ведения войны

Согласно отчету Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI), опубликованному в декабре 2022 г. под названием «100 крупнейших компаний-производителей оружия и военных услуг в 2021 году», продажи вооружений в целом, хотя и выросли по сравнению с базовым показателем 2021 г. (в долларах США), но пострадали из-за сокращения производства

полупроводников в результате пандемии COVID-19. Повлияла также ситуация в сложной цепочке поставок, которой пользовались эти компании. Например, компания General Dynamics, занимающая 5-е место в рейтинге, опирается на цепочку поставок, в которую входят 11 тысяч компаний. Таким образом, эта тенденция выгодна крупным трейдерам и экономически оправдана, чтобы обойти юридические барьеры различных уровней. Война за ресурсы также мешает их росту, поскольку поставки алюминия (Hashimy & Benjamin, 2023), меди, цинка и титана были ограничены из-за различных импортно-экспортных санкций со стороны Европейского союза (ЕС) и ряда других стран (Nadkarni et al., 2024). Одной из главных проблем, с которой сталкивается правительство, особенно в США, являются приобретения и слияния этих гигантских компаний. Законы о конкуренции ограничивают подобные пагубные слияния или поглощения, однако зависимость большого числа поставщиков от одной крупной компании представляет собой проблему, еще ждущую своего решения (Spulber, 2023). В МГП больше ничего не говорится об этих проблемах, поскольку они относятся к сфере действия местного законодательства. МГП не может предусмотреть многие аспекты в этой области, что открывает лазейки для производителей и разработчиков оружия (Dunworth, 2020).

11. Предложения и рекомендации

Авторы статьи предлагают создать международную организацию наравне с Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности, в которой должны быть одинаково представлены все страны мира, независимо от их членства в ООН. Кроме того, каждая из этих стран должна иметь не только по одному голосу, а размер их денежного вклада в организацию не должен влиять на их представительство. Страны-члены должны выносить решения и обосновывать эффективность оборонных сделок, а также слияний и поглощений оборонных компаний с учетом существующего положения вещей, глобальной, социальной, экономической и экологической ситуации, а затем анализировать их через призму МГП. Если сделка удовлетворяет всем этим критериям, она будет санкционирована к исполнению. Кроме того, исполнение будет разрешено только в соответствии с геополитическим сценарием стран, подписавших их, и его влиянием на страны, которые будут затронуты этим сценарием. Основным недостатком такого соглашения заключается в том, что оно никоим образом не будет сдерживать и препятствовать заключению оборонных сделок, а также в том, что развитые страны по-прежнему будут находиться в верхнем эшелоне в отношении существующих сделок, которым они могут препятствовать по своему желанию в любой момент. Кроме того, покупатели могут формировать лобби и препятствовать сделкам других потенциальных покупателей, и, таким образом, организация будет бесполезна. Однако отказываться от создания организации на основе этих опасений было бы недальновидно.

Решение проблем с объектами двойного назначения требует комплексного подхода, включая правовые реформы, этический надзор и международное сотрудничество. В рекомендациях ниже мы предлагаем конкретные меры по повышению применимости Женевских конвенций к передаче современных технологий.

11.1. Экономика и развитие человеческого потенциала

Как указывалось выше, каждая страна выделяет значительную часть своего бюджета на военные нужды. Хотя развитые страны выделяют меньшую часть своего бюджета по сравнению с развивающимися странами, объем инвестиций по-прежнему высок. Мы верим в теорию сдерживания и понимаем важность закупок оружия в наш век неопределенности. Однако, чего мы, как специалисты по МГП, не можем понять, так это безудержного и чрезмерного производства и закупок оружия. МГП стремится регулировать неизбежное – военные конфликты. С другой стороны, такие закупки и производства могут не только нарушить баланс сил, но и подорвать инвестиции в другие секторы.

11.2. Окружающая среда

Напалмовая бомба, реактив «эйджент орандж», межконтинентальные баллистические ракеты, роботы-убийцы, наземные радары воздушного наблюдения и многое другое – это явления в области вооружений, вызывающие ожесточенные споры (Johnson & Johnson, 2023). В то время как фактор военной необходимости и концепция справедливой войны способствуют их поддержке и эффективности, защитники окружающей среды понимают серьезные, долгосрочные и широко распространенные угрозы, которые они создают или могут создать для окружающей среды.

«В рамках программы Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей среды (UNEP) было установлено, что за последние 60 лет по меньшей мере 40 процентов всех внутренних конфликтов были связаны с эксплуатацией природных ресурсов, будь то ценные ресурсы, такие как древесина, алмазы, золото и нефть, или дефицитные ресурсы, такие как плодородные земли и вода. Также было показано, что вероятность возобновления конфликтов, связанных с природными ресурсами, в два раза выше».

11.3. Разработка дополнительных протоколов

Государствам следует обсудить и принять дополнительные протоколы к Женевским конвенциям, касающиеся непосредственно передачи технологий, в частности, объектов двойного назначения и новейших военных технологий. Эти протоколы должны определять обязанности государств и негосударственных субъектов в предотвращении распространения технологий, которые могут быть использованы в нарушение МГП. Например, дополнительный протокол мог бы прямо запретить передачу автономного оружия, управляемого искусственным интеллектом, если только не будут созданы строгие механизмы контроля со стороны человека.

11.4. Создание международных механизмов мониторинга

Необходимо создать международный регулирующий орган для надзора и мониторинга передачи технологий оружия массового уничтожения. Этот орган мог бы действовать под эгидой Организации Объединенных Наций и сочетаться с существующими режимами экспортного контроля, такими как Вассенаарские договоренности. Например, отслеживать экспорт технологий двойного назначения можно с помощью централизованной глобальной базы данных, предотвращая несанкционированную передачу технологий в зоны конфликтов для обеспечения соблюдения МГП.

11.5. Содействие прозрачности и обмену информацией

Государства и частные организации, участвующие в разработке и передаче технологий, должны придерживаться принципа прозрачности и осуществлять обмен информацией о конечном использовании технологий двойного назначения. Например, для предотвращения нарушений прав человека можно обязать технологические компании раскрывать подробную оценку рисков при продаже технологий наблюдения иностранным государствам.

11.6. Укрепление национальных законодательств

Государствам следует принять внутренние законы, регулирующие экспорт технологий двойного назначения, и обеспечить их соблюдение. Национальная нормативно-правовая база должна включать обязательную оценку воздействия этих законов на права человека и меры по соблюдению требований Международного гуманитарного права. Например, правительства могли бы принять законодательство, требующее лицензирования продажи систем наведения на цель на основе искусственного интеллекта, гарантируя, что их использование соответствует гуманитарному праву.

11.7. Предлагаемые поправки к статьям Женевских конвенций

Мы предлагаем следующие меры. Внесение поправок в ст. 35(2) Дополнительного протокола I, непосредственно включив новые технологии, такие как оружие на основе искусственного интеллекта и средства кибервойны, в число запрещенных средств ведения войны, если они приводят к непропорциональным страданиям или неизбирательному ущербу (Bothe, 2017). Внесение поправок в ст. 36 Дополнительного протокола I, обязывающих государства проводить юридические проверки передачи технологий для обеспечения соблюдения МГП, с расширенными требованиями к проверке не только традиционных вооружений, но и искусственного интеллекта, киберинструментов (Melzer, 2008) и систем наблюдения (Copeland et al., 2023). Ввести новую статью о регулировании передачи технологий. Было бы целесообразно ввести новое положение, прямо запрещающее передачу технологий двойного назначения негосударственным субъектам, участвующим в вооруженном конфликте, если только такая передача не соответствует строгим гуманитарным рекомендациям.

Заключение

Международный вооруженный конфликт может иметь разрушительные последствия для суверенных сторон, участвующих в нем. Суверенные государства, образовавшиеся после Вестфальского процесса, должны уделять внимание не только государственной безопасности, но и безопасности отдельных лиц. Это может быть реализовано только с помощью надлежащих норм и предписаний, как и предусматривает МГП. Суверенные государства должны придерживаться МГП и его принципов. Будущее вооружений как в вооруженных силах, так и в сфере обороны должно рассматриваться через призму МГП, чтобы обеспечить лучшее глобальное будущее и мирное сосуществование. Женевские конвенции, хотя и являются основополагающими для МГП, не приспособлены для решения проблем, связанных с передачей технологий в современных условиях ведения войны. Принципы проведения различия, пропорциональности и запрещения причинения ненужных страданий все труднее

применять в контексте передовых военных технологий. Отсутствие четких руководящих принципов в отношении передачи таких технологий, как вооруженные беспилотные летательные аппараты, автономное оружие и кибернетические инструменты, создало нормативный вакуум, который подрывает эффективность Конвенций. Решение этих проблем потребует значительных правовых реформ, включая переговоры по дополнительному протоколу к Женевским конвенциям, посвященному четкому регулированию передачи технологий.

Список литературы

- Al Karawi, Z. K. M. (2024). The Hague conventions: cornerstone of modern international law. *Russian Law Journal*, 12(1), 2027–2033.
- Alexander, A. (2015). A Short History of International Humanitarian Law. *European Journal of International Law*, 26(1), 109–138. <https://doi.org/10.1093/ejil/chv002>
- Anderman, S., & Kallaughner, J. (2006). *Technology Transfer and The New EU Competition Rules: Intellectual Property Licensing After Modernisation* (Oxford, 2006; online edn, Oxford Academic, 31 Oct. 2023). <https://doi.org/10.1093/oso/9780199282142.001.0001>
- Ansari, S., & Babu, R. R. (2018). 5. North American Free Trade Agreement (NAFTA). *Yearbook of International Environmental Law*, 29, 390–397. <https://doi.org/10.1093/yiel/yvz032>
- Ayamga, M., Akaba, S., & Nyaaba, A. A. (2021). Multifaceted applicability of drones: A review. *Technological Forecasting and Social Change*, 167, 120677. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120677>
- Azam, M. (2020). Does military spending stifle economic growth? The empirical evidence from non-OECD countries. *Heliyon*, 6(12), e05853. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e05853>
- Baltag, C., Joshi, R., & Duggal, K. (2023). Recent Trends in Investment Arbitration on the Right to Regulate, Environment, Health and Corporate Social Responsibility: Too Much or Too Little? *ICSID Review – Foreign Investment Law Journal*, 38(2), 381–421. <https://doi.org/10.1093/icsidreview/siac031>
- Beard, J. (2019). The Principle of Proportionality in an Era of High Technology. In W. S. Williams, & C. M. Ford (Eds.), *Complex Battlespaces: The Law of Armed Conflict and the Dynamics of Modern Warfare* (pp. 261–288). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190915360.003.0009>
- Bethlehem, D., McRae, D., Neufeld, R., & Van Damme, I. (Eds.). (2009). *The Oxford Handbook of International Trade Law*. Oxford Academic. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199231928.013.0001>
- Bothe, M. (2017). The International Committee of the Red Cross and the Additional Protocols of 1977. In R. Geiß, A. Zimmermann, & S. Haumer (Eds.), *Humanizing the Laws of War: The Red Cross and the Development of International Humanitarian Law* (pp. 57–80). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316759967.004>
- Boyle, M. J. (2013). The costs and consequences of drone warfare. *International Affairs*, 89(1), 1–29. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12002>
- Byrne, M. (2016). Consent and the use of force: An examination of ‘intervention by invitation’ as a basis for US drone strikes in Pakistan, Somalia and Yemen. *Journal on the Use of Force and International Law*, 3(1), 97–125. <https://doi.org/10.1080/20531702.2015.1135658>
- Cassese, A. (2008). Weapons Causing Unnecessary Suffering: Are They Prohibited? In A. Cassese, P. Gaeta, & S. Zappalà (Eds.), *The Human Dimension of International Law: Selected Papers of Antonio Cassese* (pp. 192–217). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199232918.003.0009>
- Chapter Seven: Latin America and the Caribbean: Regional trends in 2024 380; Regional defence policy and economics 382; Arms procurement and defence-industrial trends 392; Armed forces data section 393. (2025). *The Military Balance*, 125(1), 380–439. <https://doi.org/10.1080/04597222.2025.2445479>
- Cheng, T. K. (2021). Technology Transfers in Developing Countries. In T. K. Cheng (Ed.), *The Patent-Competition Interface in Developing Countries* (pp. 54–81). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780192857354.003.0003>
- Chimni, B. S. (2022). The international law of jurisdiction: A TWAIL perspective. *Leiden Journal of International Law*, 35(1), 29–54. <https://doi.org/10.1017/S0922156521000534>
- Chinkin, C. M. (1989). The Challenge of Soft Law: Development and Change in International Law. *The International and Comparative Law Quarterly*, 38(4), 850–866. <https://doi.org/10.1093/iclqaj/38.4.850>
- Clapham, A., Casey-Maslen, S., Giacca, G., & Parker, S. (2016). *The Arms Trade Treaty: A Commentary*. Oxford University Press.

- Copeland, D. C. (1996). Economic Interdependence and War: A Theory of Trade Expectations. *International Security*, 20(4), 5–41. <https://doi.org/10.2307/2539041>
- Copeland, D., Liivoja, R., & Sanders, L. (2023). The Utility of Weapons Reviews in Addressing Concerns Raised by Autonomous Weapon Systems. *Journal of Conflict and Security Law*, 28(2), 285–316. <https://doi.org/10.1093/jcsl/krac035>
- Ezell, St., & Cory, N. (2019). *The Way Forward for Intellectual Property Internationally*. ITIF.
- da Silva, C., & Wood, B. (Eds.). (2021). *The Arms Trade Treaty: Weapons and International Law*. Intersentia. <https://doi.org/10.1017/9781839701603>
- Dando, M. R., & Pearson, G. S. (1997). The Fourth Review Conference of the Biological and Toxin Weapons Convention: Issues, Outcomes, and Unfinished Business. *Politics and the Life Sciences*, 16(1), 105–126. <https://doi.org/10.1017/S0730938400020311>
- Daniele, L. (2024). Incidental harm of the civilian in international humanitarian law and its Contra Legem antonyms in recent discourses on the laws of war. *Journal of Conflict and Security Law*, 29(1), 21–54. <https://doi.org/10.1093/jcsl/krae004>
- D’Ascanio, M. (2017). The Arms Trade Treaty: A Commentary Andrew Clapham, Stuart Casey-Maslen, Gilles Giacca and Sarah Parker. *International Review of the Red Cross*, 99(904), 459–462. <https://doi.org/10.1017/S1816383118000073>
- Dent, C. (2021). Patents over military equipment: Shifting uses for shifting modes of governance. *Griffith Law Review*, 30(2), 295–312. <https://doi.org/10.1080/10383441.2021.1925410>
- Dunworth, T. (Ed.). (2020). Humanitarian Disarmament Rising: The Vietnam War and the Campaigns against Indiscriminate Weapons. In *Humanitarian Disarmament: An Historical Enquiry* (pp. 80–111). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108644105.004>
- Ferreira, C. V., Biesek, F. L., & Scalice, R. K. (2021). Product innovation management model based on manufacturing readiness level (MRL), design for manufacturing and assembly (DFMA) and technology readiness level (TRL). *Journal of the Brazilian Society of Mechanical Sciences and Engineering*, 43, 360. <https://doi.org/10.1007/s40430-021-03080-8>
- Gkagkas, G., Vergados, D. J., Michalas, A., & Dossis, M. (2024). The Advantage of the 5G Network for Enhancing the Internet of Things and the Evolution of the 6G Network. *Sensors*, 24(8), 2455. <https://doi.org/10.3390/s24082455>
- Goodman, R. (2013). The Power to Kill or Capture Enemy Combatants. *European Journal of International Law*, 24(3), 819–853. <https://doi.org/10.1093/ejil/cht048>
- Gottwald, J., Buch, L. F., & Leal Filho, W. (2013). Technology Transfer. In S. O. Idowu, N. Capaldi, L. Zu, & A. D. Gupta (Eds.), *Encyclopedia of Corporate Social Responsibility* (pp. 2503–2511). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-642-28036-8_673
- Gunaratne, P. R. (2013). US Drone Strikes and their Impact on International Security in a Post 9/11 World. *Journal of the Royal Asiatic Society of Sri Lanka*, 58(2), 73–93.
- Haines, S. (2014). 1907 Hague Convention VIII Relative to the Laying of Automatic Submarine Contact Mines. *International Law Studies*, 90, 412–445.
- Hampson, F. J. (2018). Law of War/Law of Armed Conflict/International Humanitarian Law. In M. J. Bowman, & D. Kritsiotis (Eds.), *Conceptual and Contextual Perspectives on the Modern Law of Treaties* (pp. 538–577). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316179031.019>
- Hashimy, S. Q. (2023). The Agonising Narrative of Environmental Dilapidation in the tussle of Armed Conflict; From the Lens of International Humanitarian Laws. *Journal of Global Ecology and Environment*, 17(2), 45–59. <https://doi.org/10.56557/jogee/2023/v17i28145>
- Hashimy, S. Q. (2024). Justice for Victims of Atrocity Crimes: The ICC’s Pursuit in the Prosecution of War Crimes in Afghanistan. *Eastern Africa Journal on International Humanitarian Law*, 3(1), 49–111. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4352525>
- Hashimy, S. Q., & Benjamin, M. S. (2023). Exploring the Complexities of the Russia-Ukraine Conflict: A Close Look from the Lens of International Law and Global Responses. *The Indian Journal of Politics*, 57(3–4), 91–125.
- Jain, V., & Gill, S. (2022). Atmanirbhar Bharat: India’s Quest for Self-reliance in Post-Covid-19 World. *Journal of Polity and Society*, 14(2), 109–123.
- Jarose, J. (2024). A Sleeping Giant? The ENMOD Convention as a Limit on Intentional Environmental Harm in Armed Conflict and Beyond. *American Journal of International Law*, 118(3), 468–511. <https://doi.org/10.1017/ajil.2024.15>
- Jayaram, D. (2024). Shifting discourses of climate security in India: Domestic and international dimensions. *Third World Quarterly*, 45(14), 2108–2126. <https://doi.org/10.1080/01436597.2024.2314003>

- Johnson, J., & Johnson, J. (2023). *AI and the Bomb: Nuclear Strategy and Risk in the Digital Age*. Oxford University Press.
- Kaldor, M. (1986). The Weapons Succession Process. *World Politics*, 38(4), 577–595. <https://doi.org/10.2307/2010167>
- Kelemen, R. D., & McNamara, K. R. (2022). State-building and the European Union: Markets, War, and Europe's Uneven Political Development. *Comparative Political Studies*, 55(6), 963–991. <https://doi.org/10.1177/00104140211047393>
- Kim, H., Park, B. I., Al-Tabbaa, O., & Khan, Z. (2024). Knowledge transfer and protection in international joint ventures: An integrative review. *International Business Review*, 33(5), 102300. <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2024.102300>
- Kiss, A.-C., & Lammers, J. G. (Eds.). (2021). *Hague Yearbook of International Law / Annuaire de La Haye de Droit International* (Vol. 13 (2000)). Brill.
- Lak, M. W. J. (2009). Note on the Chemical Weapons Convention's Second Review Conference, Held at The Hague on 7–18 April 2008. *Journal of Conflict and Security Law*, 14(2), 353–381. <https://doi.org/10.1093/jcs/krp022>
- Larik, J. (2023). EU law and the governance of Global Spaces: Ambitions, constraints and legal creativity. *Journal of European Integration*, 45(8), 1125–1142. <https://doi.org/10.1080/07036337.2023.2270670>
- Li, L. (2008). India's Security Concept and Its China Policy in the Post-Cold War Era. *The Chinese Journal of International Politics*, 2(2), 229–261. <https://doi.org/10.1093/cjip/pon009>
- Liivoja, R. (2024). Protecting Warfighters from Superfluous Injury and Unnecessary Suffering. In M. Killingsworth & T. McCormack (Eds.), *Civility, Barbarism and the Evolution of International Humanitarian Law: Who do the Laws of War Protect?* (pp. 177–199). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108764049.010>
- Lupu, Y., & Wallace, G. P. R. (2024). The Laws of War and Public Support for Foreign Combatants. *International Organization*, 78(4), 823–852. <https://doi.org/10.1017/S0020818324000274>
- Lustgarten, L. (2015). The arms trade treaty: achievements, failings, future. *International & Comparative Law Quarterly*, 64(3), 569–600. <https://doi.org/10.1017/S0020589315000202>
- Maskus, K. E. (2022). The International Intellectual Property System from an Economist's Perspective. In H. Grosse Ruse-Khan, & A. Metzger (Eds.), *Intellectual Property Ordering beyond Borders* (pp. 3–27). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009071338.003>
- McClellan, D. (2002). The Hague Convention on International Child Abduction. By Paul R. Beaumont and Peter E. McEleavy [Oxford: Oxford University Press, 1999, ISBN 0–19–826064–4. xxv + 332 pp £65]. *International & Comparative Law Quarterly*, 51(1), 188–189. <https://doi.org/10.1093/iclq/51.1.188>
- McClelland, J. (2003). The review of weapons in accordance with Article 36 of Additional Protocol I. *International Review of the Red Cross*, 85(850), 397–415. <https://doi.org/10.1017/S0035336100115229> doi не найден
- McElroy, R. J. (1991). The Geneva Protocol of 1925. In M. Krepon, & D. Caldwell (Eds.), *The Politics of Arms Control Treaty Ratification* (pp. 125–166). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1007/978-1-137-04534-8_4
- McKinnon, C. (Ed.). (2008). *Issues in Political Theory*. Oxford University Press.
- Mearsheimer, J. J. (2022). The Causes and Consequences of the Ukraine War. *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development*, 21, 12–27.
- Melzer, N. (2008). The Principle of Distinction under International Humanitarian Law. In N. Melzer (Ed.), *Targeted Killing in International Law* (pp. 300–366). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199533169.003.0011>
- Muchlinski, P. T. (2021). Intellectual Property and Technology Transfer. In P. T. Muchlinski (Ed.), *Multinational Enterprises and the Law* (3rd Ed., pp. 469–508). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/law/9780198824138.003.0012>
- Nadkarni, V., D'Anieri, P., Kerr, S., Sharafutdinova, G., Pu, X., Ollapally, D. M., Velasco Junior, P., Moore, C., & Divsallar, A. (2024). Forum: The Russia – Ukraine War and Reactions from the Global South. *The Chinese Journal of International Politics*, 17(4), 449–489. <https://doi.org/10.1093/cjip/poae021>
- Nedeski, N. (Ed.). (2022a). The Distinction between Bilateral and Multilateral Legal Relations in the International Law of Obligations. In *Shared Obligations in International Law* (pp. 54–96). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108893985.003>
- Nedeski, N. (Ed.). (2022b). The Distinction between Bilateral and Multilateral Legal Relations in the International Law of Obligations. In *Shared Obligations in International Law* (pp. 54–96). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108893985.003>
- Ní Shúilleabháin, M., & Trimmings, K. (2024). The Hague Convention on the Recognition of Divorces and Legal Separations 1970: An effective mechanism for regulating divorce as between the UK and the EU post-Brexit? *International Journal of Law, Policy and the Family*, 38(1), ebae019. <https://doi.org/10.1093/lawfam/ebae019>

- Olechowski, A. L., Eppinger, S. D., Joglekar, N., & Tomaschek, K. (2020). Technology readiness levels: Shortcomings and improvement opportunities. *Systems Engineering*, 23(4), 395–408. <https://doi.org/10.1002/sys.21533>
- Osano, H. M., & Koine, P. W. (2016). Role of foreign direct investment on technology transfer and economic growth in Kenya: A case of the energy sector. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 5(1), 31. <https://doi.org/10.1186/s13731-016-0059-3>
- Osimen, G. U., Newo, O., & Fulani, O. M. (2024). Artificial intelligence and arms control in modern warfare. *Cogent Social Sciences*, 10(1), 2407514. <https://doi.org/10.1080/23311886.2024.2407514>
- Pandey, N., de Coninck, H., & Sagar, A. D. (2022). Beyond technology transfer: Innovation cooperation to advance sustainable development in developing countries. *WIREs Energy and Environment*, 11(2), e422. <https://doi.org/10.1002/wene.422>
- Peters, A. (2017). The refinement of international law: From fragmentation to regime interaction and politicization. *International Journal of Constitutional Law*, 15(3), 671–704. <https://doi.org/10.1093/icon/mox056>
- Pomson, O. (2023). 'Objects'? The Legal Status of Computer Data under International Humanitarian Law. *Journal of Conflict and Security Law*, 28(2), 349–387. <https://doi.org/10.1093/jcsl/krad002>
- Qi, Y., & Chu, X. (2022). Development of the digital economy, transformation of the economic structure and leaping of the middle-income trap. *China Political Economy*, 5(1), 14–39. <https://doi.org/10.1108/CPE-09-2022-0012>
- Raslan, R. A. A. (2024). Climbing up the Ladder: Technology Transfer-Related Policies in the Context of the Belt and Road Initiative. *Utrecht Law Review*, 20(1), 19–43. <https://doi.org/10.36633/ulr.922>
- Ratner, S. R. (2011). Law Promotion Beyond Law Talk: The Red Cross, Persuasion, and the Laws of War. *European Journal of International Law*, 22(2), 459–506. <https://doi.org/10.1093/ejil/chr025>
- Rid, T. (2012). Cyber War Will Not Take Place. *Journal of Strategic Studies*, 35(1), 5–32. <https://doi.org/10.1080/01402390.2011.608939>
- Saeed, L. (2025). The Impact of Military Expenditures on Economic Growth: A New Instrumental Variables Approach. *Defence and Peace Economics*, 36(1), 86–101. <https://doi.org/10.1080/10242694.2023.2259651>
- Schindler, D., & Toman, J. (2004a). No. 9 Declaration Renouncing the Use, in Time of War, of Explosive Projectiles under 400 Grammes Weight. In *The Laws of Armed Conflicts* (pp. 91–93). Brill. https://doi.org/10.1163/9789047405238_012
- Schindler, D., & Toman, J. (2004b). No. 25 Declaration (XIV) Prohibiting the Discharge of Projectiles and Explosives from Balloons. In *The Laws of Armed Conflicts* (pp. 309–313). Brill. https://doi.org/10.1163/9789047405238_029
- Schmitt, M. N. (2008). The Principle of Distinction and Weapon Systems on the Contemporary Battlefield. *Connections: The Quarterly Journal*, 7(1), 46–56. <https://doi.org/10.11610/connections.07.1.03>
- Sinha, S. (2023). India's Military Modernisation: Role and Impact of France. *Journal of Asian Security and International Affairs*, 10(3), 325–341. <https://doi.org/10.1177/23477970231207256>
- Soori, M., Arezoo, B., & Dastres, R. (2023). Artificial intelligence, machine learning and deep learning in advanced robotics, a review. *Cognitive Robotics*, 3, 54–70. <https://doi.org/10.1016/j.cogr.2023.04.001>
- Spulber, D. F. (2023). Antitrust and Innovation Competition. *Journal of Antitrust Enforcement*, 11(1), 5–50. <https://doi.org/10.1093/jaenfo/jnac013>
- Stahn, C. (2006). 'Jus ad bellum', 'jus in bello'... 'jus post bellum'? –Rethinking the Conception of the Law of Armed Force. *European Journal of International Law*, 17(5), 921–943. <https://doi.org/10.1093/ejil/chl037>
- Stoll, P.-T. (2022). Hybrid International Intellectual Property Protection: Coherence, Governance and Balance. In H. Grosse Ruse-Khan, & A. Metzger (Eds.), *Intellectual Property Ordering beyond Borders* (pp. 96–118). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009071338.006>
- Strachan, H. (2020). Michael Howard and the dimensions of military history. *War in History*, 27(4), 536–551. <https://doi.org/10.1177/0968344520915028>
- Szenes, Z. (2023). Reinforcing deterrence: Assessing NATO's 2022 Strategic Concept. *Defense & Security Analysis*, 39(4), 539–560. <https://doi.org/10.1080/14751798.2023.2270230>
- Tabassi, L. (2007). The Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction (Chemical Weapons Convention). In G. Ulfstein (Ed.), *Making Treaties Work: Human Rights, Environment and Arms Control* (pp. 273–300). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511494345.013>
- Traven, D. (Ed.). (2021). Humanizing Hell: The Hague Peace Conferences and the Second World War, 1899–1945. In *Law and Sentiment in International Politics: Ethics, Emotions, and the Evolution of the Laws of War* (pp. 193–237). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108954280.009>
- Upreti, P. N. (2022). A TWAIL critique of intellectual property and related disputes in investor-state dispute settlement. *The Journal of World Intellectual Property*, 25(1), 220–237. <https://doi.org/10.1111/jwip.12217>

- van den Boogaard, J. (Ed.). (2023). The Concept of Proportionality in International Humanitarian Law. In *Proportionality in International Humanitarian Law: Refocusing the Balance in Practice* (pp. 51–87). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108954648.007>
- Van Norman, G. A., & Eisenkot, R. (2017). Technology Transfer: From the Research Bench to Commercialization: Part 2: The Commercialization Process. *JACC: Basic to Translational Science*, 2(2), 197–208. <https://doi.org/10.1016/j.jacbts.2017.03.004>
- Vidigal, G. (2013). From Bilateral to Multilateral Law-making: Legislation, Practice, Evolution and the Future of Inter Se Agreements in the WTO. *European Journal of International Law*, 24(4), 1027–1053. <https://doi.org/10.1093/ejil/cht064>
- Villiger, M. E. (2008). *Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties*. Brill. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004168046.i-1058>
- Webster, A. (2011). Hague Conventions (1899, 1907). In *The Encyclopedia of War*. John Wiley & Sons, Ltd. <https://doi.org/10.1002/9781444338232.wbeow271>
- Whittle, D. (2015). The Limits of Legality and the United Nations Security Council: Applying the Extra-Legal Measures Model to Chapter VII Action. *European Journal of International Law*, 26(3), 671–698. <https://doi.org/10.1093/ejil/chv042>
- Winter, E. (2022). The Compatibility of Autonomous Weapons with the Principles of International Humanitarian Law. *Journal of Conflict and Security Law*, 27(1), 1–20. <https://doi.org/10.1093/jcsl/krac001>
- Wired for War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century, P.W. Singer (New York: Penguin, 2009), 512 pp., \$30 cloth. (2009). *Ethics & International Affairs*, 23(3), 312–313. https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.2009.00222_4.x

Сведения об авторах

Бхаскар Ниша – магистр права, научный сотрудник, Национальный юридический университет Западной Бенгалии

Адрес: Индия, Западная Бенгалия, Калькутта 700098, Солт Лейк, сектор III, блок 12 LB

E-mail: nishabhaskar414@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-9128-1526>

Магоге Джексон Симанго – магистр права в области корпоративного и коммерческого права, ассистент преподавателя, факультет гуманитарных и общественных наук, Национальный институт транспорта

Адрес: Танзания г. Дар-эс-Салам, P.O. Box 705, Убунго, Мабибо

E-mail: simangojackson@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8096-6929>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=8FERpVoAAAAJ>

Хашими Саид Кудрат – PhD, магистр права в области международного права, научный сотрудник в области права, факультет правоведения, Майсурский университет

Адрес: Индия, 570005, г. Майсур, Манасаганготри

E-mail: sayedqudrathashim@law.uni-mysore.ac.in

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9835-0575>

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку концепции, методологии, валидацию, формальный анализ, проведение исследования, подбор источников, написание и редактирование текста, руководство и управление проектом.

Конфликт интересов

Авторы сообщают об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.87 / Международное право

Специальность ВАК: 5.1.5 / Международно-правовые науки

История статьи

Дата поступления – 13 февраля 2025 г.

Дата одобрения после рецензирования – 2 марта 2025 г.

Дата принятия к опубликованию – 20 июня 2025 г.

Дата онлайн-размещения – 25 июня 2025 г.

Research article

UDC 34:004:341.3:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/ifibfo>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.10>

Technology Transfer in the Era of Military Conflict: Legal Challenges for International Trade and International Humanitarian Law

Nisha Bhaskar ✉

West Bengal National University of Juridical Sciences, Kolkata, India

Jackson Simango Magoge

National Institute of Transport, Dar es Salaam, Tanzania

Sayed Qudrat Hashimy

University of Mysore, Mysore, India

Keywords

artificial intelligence,
digital technologies,
Geneva Conventions,
Hague Conventions,
international humanitarian law,
international trade,
law,
military law,
technology transfer,
warfare means

Abstract

Objective: to identify the complex relations between international trade and military law in the context of technology transfer; to analyze the legal implications of technology transfers for international humanitarian law in order to clarify the impact of technology transfer in international trade on the warfare means regulation and identify legal gaps in existing international conventions.

Methods: the study uses a comprehensive legal analysis of international documents, including the Geneva Conventions and their Additional Protocols, the Hague Conventions, and modern international agreements in the field of trade and technology. The authors used comparative legal method to study the national legislations of various states and a systematic approach to analyze the interaction of international humanitarian law and international trade law.

Results: the study revealed significant legal gaps in regulating the transfer of dual-use technologies during wartime. It was established that modern technologies, including artificial intelligence, autonomous weapons

✉ Corresponding author

© Bhaskar N., Magoge J. S., Hashimy S. Q., 2025

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

systems and cybernetic means, create a regulatory vacuum that undermines the effectiveness of existing international conventions. A significant technological gap between the Global North and South was demonstrated.

Scientific novelty: the work is the first comprehensive study of technology evolution in the context of international humanitarian law, with an emphasis on the need to develop special regulatory mechanisms. The authors present a conceptual model for the integration of technology transfer norms into the system of international disarmament treaties, taking into account the principles of proportionality and distinction.

Practical significance: the study proposes specific amendments to the articles of the Geneva Conventions, including the modification of Article 35(2) of Additional Protocol I to include new technologies and extend the requirements of Article 36 regarding legal reviews of technological transfers. The recommendations developed can serve as a basis for creating international monitoring mechanisms and increasing transparency in the field of military technology transfer.

For citation

Bhaskar, N., Magoge, J. S., & Hashimy, S. Q. (2025). Technology Transfer in the Era of Military Conflict: Legal Challenges for International Trade and International Humanitarian Law. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(2), 222–258. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.10>

References

- Al Karawi, Z. K. M. (2024). The Hague conventions: cornerstone of modern international law. *Russian Law Journal*, 12(1), 2027–2033.
- Alexander, A. (2015). A Short History of International Humanitarian Law. *European Journal of International Law*, 26(1), 109–138. <https://doi.org/10.1093/ejil/chv002>
- Anderman, S., & Kallaughner, J. (2006). *Technology Transfer and The New Eu Competition Rules: Intellectual Property Licensing After Modernisation* (Oxford, 2006; online edn, Oxford Academic, 31 Oct. 2023). <https://doi.org/10.1093/oso/9780199282142.001.0001>
- Ansari, S., & Babu, R. R. (2018). 5. North American Free Trade Agreement (NAFTA). *Yearbook of International Environmental Law*, 29, 390–397. <https://doi.org/10.1093/yiel/yvz032>
- Ayamga, M., Akaba, S., & Nyaaba, A. A. (2021). Multifaceted applicability of drones: A review. *Technological Forecasting and Social Change*, 167, 120677. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120677>
- Azam, M. (2020). Does military spending stifle economic growth? The empirical evidence from non-OECD countries. *Heliyon*, 6(12), e05853. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e05853>
- Baltag, C., Joshi, R., & Duggal, K. (2023). Recent Trends in Investment Arbitration on the Right to Regulate, Environment, Health and Corporate Social Responsibility: Too Much or Too Little? *ICSID Review – Foreign Investment Law Journal*, 38(2), 381–421. <https://doi.org/10.1093/icsidreview/siac031>
- Beard, J. (2019). The Principle of Proportionality in an Era of High Technology. In W. S. Williams, & C. M. Ford (Eds.), *Complex Battlespaces: The Law of Armed Conflict and the Dynamics of Modern Warfare* (pp. 261–288). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190915360.003.0009>
- Bethlehem, D., McRae, D., Neufeld, R., & Van Damme, I. (Eds.). (2009). *The Oxford Handbook of International Trade Law*. Oxford Academic. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199231928.013.0001>
- Bothe, M. (2017). The International Committee of the Red Cross and the Additional Protocols of 1977. In R. Geiß, A. Zimmermann, & S. Haumer (Eds.), *Humanizing the Laws of War: The Red Cross and the Development of International Humanitarian Law* (pp. 57–80). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316759967.004>

- Boyle, M. J. (2013). The costs and consequences of drone warfare. *International Affairs*, 89(1), 1–29. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12002>
- Byrne, M. (2016). Consent and the use of force: An examination of ‘intervention by invitation’ as a basis for US drone strikes in Pakistan, Somalia and Yemen. *Journal on the Use of Force and International Law*, 3(1), 97–125. <https://doi.org/10.1080/20531702.2015.1135658>
- Cassese, A. (2008). Weapons Causing Unnecessary Suffering: Are They Prohibited? In A. Cassese, P. Gaeta, & S. Zappalà (Eds.), *The Human Dimension of International Law: Selected Papers of Antonio Cassese* (pp. 192–217). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199232918.003.0009>
- Chapter Seven: Latin America and the Caribbean: Regional trends in 2024 380; Regional defence policy and economics 382; Arms procurement and defence-industrial trends 392; Armed forces data section 393. (2025). *The Military Balance*, 125(1), 380–439. <https://doi.org/10.1080/04597222.2025.2445479>
- Cheng, T. K. (2021). Technology Transfers in Developing Countries. In T. K. Cheng (Ed.), *The Patent-Competition Interface in Developing Countries* (pp. 54–81). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780192857354.003.0003>
- Chimni, B. S. (2022). The international law of jurisdiction: A TWAIL perspective. *Leiden Journal of International Law*, 35(1), 29–54. <https://doi.org/10.1017/S0922156521000534>
- Chinkin, C. M. (1989). The Challenge of Soft Law: Development and Change in International Law. *The International and Comparative Law Quarterly*, 38(4), 850–866. <https://doi.org/10.1093/iclqaj/38.4.850>
- Clapham, A., Casey-Maslen, S., Giacca, G., & Parker, S. (2016). *The Arms Trade Treaty: A Commentary*. Oxford University Press.
- Copeland, D. C. (1996). Economic Interdependence and War: A Theory of Trade Expectations. *International Security*, 20(4), 5–41. <https://doi.org/10.2307/2539041>
- Copeland, D., Liivoja, R., & Sanders, L. (2023). The Utility of Weapons Reviews in Addressing Concerns Raised by Autonomous Weapon Systems. *Journal of Conflict and Security Law*, 28(2), 285–316. <https://doi.org/10.1093/jcsl/krac035>
- Ezell, St., & Cory, N. (2019). *The Way Forward for Intellectual Property Internationally*. ITIF.
- da Silva, C., & Wood, B. (Eds.). (2021). *The Arms Trade Treaty: Weapons and International Law*. Intersentia. <https://doi.org/10.1017/9781839701603>
- Dando, M. R., & Pearson, G. S. (1997). The Fourth Review Conference of the Biological and Toxin Weapons Convention: Issues, Outcomes, and Unfinished Business. *Politics and the Life Sciences*, 16(1), 105–126. <https://doi.org/10.1017/S0730938400020311>
- Daniele, L. (2024). Incidental harm of the civilian in international humanitarian law and its Contra Legem antonyms in recent discourses on the laws of war. *Journal of Conflict and Security Law*, 29(1), 21–54. <https://doi.org/10.1093/jcsl/krae004>
- D’Ascanio, M. (2017). The Arms Trade Treaty: A Commentary Andrew Clapham, Stuart Casey-Maslen, Gilles Giacca and Sarah Parker. *International Review of the Red Cross*, 99(904), 459–462. <https://doi.org/10.1017/S1816383118000073>
- Dent, C. (2021). Patents over military equipment: Shifting uses for shifting modes of governance. *Griffith Law Review*, 30(2), 295–312. <https://doi.org/10.1080/10383441.2021.1925410>
- Dunworth, T. (Ed.). (2020). Humanitarian Disarmament Rising: The Vietnam War and the Campaigns against Indiscriminate Weapons. In *Humanitarian Disarmament: An Historical Enquiry* (pp. 80–111). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108644105.004>
- Ferreira, C. V., Biesek, F. L., & Scalice, R. K. (2021). Product innovation management model based on manufacturing readiness level (MRL), design for manufacturing and assembly (DFMA) and technology readiness level (TRL). *Journal of the Brazilian Society of Mechanical Sciences and Engineering*, 43, 360. <https://doi.org/10.1007/s40430-021-03080-8>
- Gkagkas, G., Vergados, D. J., Michalas, A., & Dossis, M. (2024). The Advantage of the 5G Network for Enhancing the Internet of Things and the Evolution of the 6G Network. *Sensors*, 24(8), 2455. <https://doi.org/10.3390/s24082455>
- Goodman, R. (2013). The Power to Kill or Capture Enemy Combatants. *European Journal of International Law*, 24(3), 819–853. <https://doi.org/10.1093/ejil/cht048>
- Gottwald, J., Buch, L. F., & Leal Filho, W. (2013). Technology Transfer. In S. O. Idowu, N. Capaldi, L. Zu, & A. D. Gupta (Eds.), *Encyclopedia of Corporate Social Responsibility* (pp. 2503–2511). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-642-28036-8_673
- Gunaratne, P. R. (2013). US Drone Strikes and their Impact on International Security in a Post 9/11 World. *Journal of the Royal Asiatic Society of Sri Lanka*, 58(2), 73–93.

- Haines, S. (2014). 1907 Hague Convention VIII Relative to the Laying of Automatic Submarine Contact Mines. *International Law Studies*, 90, 412–445.
- Hampson, F. J. (2018). Law of War/Law of Armed Conflict/International Humanitarian Law. In M. J. Bowman, & D. Kritsiotis (Eds.), *Conceptual and Contextual Perspectives on the Modern Law of Treaties* (pp. 538–577). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316179031.019>
- Hashimy, S. Q. (2023). The Agonising Narrative of Environmental Dilapidation in the tussle of Armed Conflict; From the Lens of International Humanitarian Laws. *Journal of Global Ecology and Environment*, 17(2), 45–59. <https://doi.org/10.56557/jogee/2023/v17i28145>
- Hashimy, S. Q. (2024). Justice for Victims of Atrocity Crimes: The ICC's Pursuit in the Prosecution of War Crimes in Afghanistan. *Eastern Africa Journal on International Humanitarian Law*, 3(1), 49–111. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4352525>
- Hashimy, S. Q., & Benjamin, M. S. (2023). Exploring the Complexities of the Russia-Ukraine Conflict: A Close Look from the Lens of International Law and Global Responses. *The Indian Journal of Politics*, 57(3–4), 91–125.
- Jain, V., & Gill, S. (2022). Atmanirbhar Bharat: India's Quest for Self-reliance in Post-Covid-19 World. *Journal of Polity and Society*, 14(2), 109–123.
- Jarose, J. (2024). A Sleeping Giant? The ENMOD Convention as a Limit on Intentional Environmental Harm in Armed Conflict and Beyond. *American Journal of International Law*, 118(3), 468–511. <https://doi.org/10.1017/ajil.2024.15>
- Jayaram, D. (2024). Shifting discourses of climate security in India: Domestic and international dimensions. *Third World Quarterly*, 45(14), 2108–2126. <https://doi.org/10.1080/01436597.2024.2314003>
- Johnson, J., & Johnson, J. (2023). *AI and the Bomb: Nuclear Strategy and Risk in the Digital Age*. Oxford University Press.
- Kaldor, M. (1986). The Weapons Succession Process. *World Politics*, 38(4), 577–595. <https://doi.org/10.2307/2010167>
- Kelemen, R. D., & McNamara, K. R. (2022). State-building and the European Union: Markets, War, and Europe's Uneven Political Development. *Comparative Political Studies*, 55(6), 963–991. <https://doi.org/10.1177/00104140211047393>
- Kim, H., Park, B. I., Al-Tabbaa, O., & Khan, Z. (2024). Knowledge transfer and protection in international joint ventures: An integrative review. *International Business Review*, 33(5), 102300. <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2024.102300>
- Kiss, A.-C., & Lammers, J. G. (Eds.). (2021). *Hague Yearbook of International Law / Annuaire de La Haye de Droit International* (Vol. 13 (2000)). Brill.
- Lak, M. W. J. (2009). Note on the Chemical Weapons Convention's Second Review Conference, Held at The Hague on 7–18 April 2008. *Journal of Conflict and Security Law*, 14(2), 353–381. <https://doi.org/10.1093/jcsl/krp022>
- Larik, J. (2023). EU law and the governance of Global Spaces: Ambitions, constraints and legal creativity. *Journal of European Integration*, 45(8), 1125–1142. <https://doi.org/10.1080/07036337.2023.2270670>
- Li, L. (2008). India's Security Concept and Its China Policy in the Post-Cold War Era. *The Chinese Journal of International Politics*, 2(2), 229–261. <https://doi.org/10.1093/cjip/pon009>
- Liivoja, R. (2024). Protecting Warfighters from Superfluous Injury and Unnecessary Suffering. In M. Killingsworth & T. McCormack (Eds.), *Civility, Barbarism and the Evolution of International Humanitarian Law: Who do the Laws of War Protect?* (pp. 177–199). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108764049.010>
- Lupu, Y., & Wallace, G. P. R. (2024). The Laws of War and Public Support for Foreign Combatants. *International Organization*, 78(4), 823–852. <https://doi.org/10.1017/S0020818324000274>
- Lustgarten, L. (2015). The arms trade treaty: achievements, failings, future. *International & Comparative Law Quarterly*, 64(3), 569–600. <https://doi.org/10.1017/S0020589315000202>
- Maskus, K. E. (2022). The International Intellectual Property System from an Economist's Perspective. In H. Grosse Ruse-Khan, & A. Metzger (Eds.), *Intellectual Property Ordering beyond Borders* (pp. 3–27). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009071338.003>
- McClelland, D. (2002). The Hague Convention on International Child Abduction. By Paul R. Beaumont and Peter E. McEleavy [Oxford: Oxford University Press, 1999, ISBN 0–19–826064–4. xxv + 332 pp £65]. *International & Comparative Law Quarterly*, 51(1), 188–189. <https://doi.org/10.1093/iclq/51.1.188>
- McClelland, J. (2003). The review of weapons in accordance with Article 36 of Additional Protocol I. *International Review of the Red Cross*, 85(850), 397–415. <https://doi.org/10.1017/S0035336100115229> doi не найден
- McElroy, R. J. (1991). The Geneva Protocol of 1925. In M. Krepon, & D. Caldwell (Eds.), *The Politics of Arms Control Treaty Ratification* (pp. 125–166). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1007/978-1-137-04534-8_4
- McKinnon, C. (Ed.). (2008). *Issues in Political Theory*. Oxford University Press.

- Mearsheimer, J. J. (2022). The Causes and Consequences of the Ukraine War. *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development*, 21, 12–27.
- Melzer, N. (2008). The Principle of Distinction under International Humanitarian Law. In N. Melzer (Ed.), *Targeted Killing in International Law* (pp. 300–366). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199533169.003.0011>
- Muchlinski, P. T. (2021). Intellectual Property and Technology Transfer. In P. T. Muchlinski (Ed.), *Multinational Enterprises and the Law* (3rd Ed., pp. 469–508). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/law/9780198824138.003.0012>
- Nadkarni, V., D'Anieri, P., Kerr, S., Sharafutdinova, G., Pu, X., Ollapally, D. M., Velasco Junior, P., Moore, C., & Divsallar, A. (2024). Forum: The Russia – Ukraine War and Reactions from the Global South. *The Chinese Journal of International Politics*, 17(4), 449–489. <https://doi.org/10.1093/cjip/poae021>
- Nedeski, N. (Ed.). (2022a). The Distinction between Bilateral and Multilateral Legal Relations in the International Law of Obligations. In *Shared Obligations in International Law* (pp. 54–96). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108893985.003>
- Nedeski, N. (Ed.). (2022b). The Distinction between Bilateral and Multilateral Legal Relations in the International Law of Obligations. In *Shared Obligations in International Law* (pp. 54–96). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108893985.003>
- Ní Shúilleabháin, M., & Trimmings, K. (2024). The Hague Convention on the Recognition of Divorces and Legal Separations 1970: An effective mechanism for regulating divorce as between the UK and the EU post-Brexit? *International Journal of Law, Policy and the Family*, 38(1), ebae019. <https://doi.org/10.1093/lawfam/ebae019>
- Olechowski, A. L., Eppinger, S. D., Joglekar, N., & Tomaschek, K. (2020). Technology readiness levels: Shortcomings and improvement opportunities. *Systems Engineering*, 23(4), 395–408. <https://doi.org/10.1002/sys.21533>
- Osano, H. M., & Koine, P. W. (2016). Role of foreign direct investment on technology transfer and economic growth in Kenya: A case of the energy sector. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 5(1), 31. <https://doi.org/10.1186/s13731-016-0059-3>
- Osimen, G. U., Newo, O., & Fulani, O. M. (2024). Artificial intelligence and arms control in modern warfare. *Cogent Social Sciences*, 10(1), 2407514. <https://doi.org/10.1080/23311886.2024.2407514>
- Pandey, N., de Coninck, H., & Sagar, A. D. (2022). Beyond technology transfer: Innovation cooperation to advance sustainable development in developing countries. *WIREs Energy and Environment*, 11(2), e422. <https://doi.org/10.1002/wene.422>
- Peters, A. (2017). The refinement of international law: From fragmentation to regime interaction and politicization. *International Journal of Constitutional Law*, 15(3), 671–704. <https://doi.org/10.1093/icon/mox056>
- Pomson, O. (2023). 'Objects'? The Legal Status of Computer Data under International Humanitarian Law. *Journal of Conflict and Security Law*, 28(2), 349–387. <https://doi.org/10.1093/jcsl/krad002>
- Qi, Y., & Chu, X. (2022). Development of the digital economy, transformation of the economic structure and leaping of the middle-income trap. *China Political Economy*, 5(1), 14–39. <https://doi.org/10.1108/CPE-09-2022-0012>
- Raslan, R. A. A. (2024). Climbing up the Ladder: Technology Transfer-Related Policies in the Context of the Belt and Road Initiative. *Utrecht Law Review*, 20(1), 19–43. <https://doi.org/10.36633/ulr.922>
- Ratner, S. R. (2011). Law Promotion Beyond Law Talk: The Red Cross, Persuasion, and the Laws of War. *European Journal of International Law*, 22(2), 459–506. <https://doi.org/10.1093/ejil/chr025>
- Rid, T. (2012). Cyber War Will Not Take Place. *Journal of Strategic Studies*, 35(1), 5–32. <https://doi.org/10.1080/01402390.2011.608939>
- Saeed, L. (2025). The Impact of Military Expenditures on Economic Growth: A New Instrumental Variables Approach. *Defence and Peace Economics*, 36(1), 86–101. <https://doi.org/10.1080/10242694.2023.2259651>
- Schindler, D., & Toman, J. (2004a). No. 9 Declaration Renouncing the Use, in Time of War, of Explosive Projectiles under 400 Grammes Weight. In *The Laws of Armed Conflicts* (pp. 91–93). Brill. https://doi.org/10.1163/9789047405238_012
- Schindler, D., & Toman, J. (2004b). No. 25 Declaration (XIV) Prohibiting the Discharge of Projectiles and Explosives from Balloons. In *The Laws of Armed Conflicts* (pp. 309–313). Brill. https://doi.org/10.1163/9789047405238_029
- Schmitt, M. N. (2008). The Principle of Distinction and Weapon Systems on the Contemporary Battlefield. *Connections: The Quarterly Journal*, 7(1), 46–56. <https://doi.org/10.11610/connections.07.1.03>
- Sinha, S. (2023). India's Military Modernisation: Role and Impact of France. *Journal of Asian Security and International Affairs*, 10(3), 325–341. <https://doi.org/10.1177/23477970231207256>
- Soori, M., Arezoo, B., & Dastres, R. (2023). Artificial intelligence, machine learning and deep learning in advanced robotics, a review. *Cognitive Robotics*, 3, 54–70. <https://doi.org/10.1016/j.cogr.2023.04.001>

- Spulber, D. F. (2023). Antitrust and Innovation Competition. *Journal of Antitrust Enforcement*, 11(1), 5–50. <https://doi.org/10.1093/jaenfo/jnac013>
- Stahn, C. (2006). 'Jus ad bellum', 'jus in bello'... 'jus post bellum'? –Rethinking the Conception of the Law of Armed Force. *European Journal of International Law*, 17(5), 921–943. <https://doi.org/10.1093/ejil/chl037>
- Stoll, P.-T. (2022). Hybrid International Intellectual Property Protection: Coherence, Governance and Balance. In H. Grosse Ruse-Khan, & A. Metzger (Eds.), *Intellectual Property Ordering beyond Borders* (pp. 96–118). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009071338.006>
- Strachan, H. (2020). Michael Howard and the dimensions of military history. *War in History*, 27(4), 536–551. <https://doi.org/10.1177/0968344520915028>
- Szenes, Z. (2023). Reinforcing deterrence: Assessing NATO's 2022 Strategic Concept. *Defense & Security Analysis*, 39(4), 539–560. <https://doi.org/10.1080/14751798.2023.2270230>
- Tabassi, L. (2007). The Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction (Chemical Weapons Convention). In G. Ulfstein (Ed.), *Making Treaties Work: Human Rights, Environment and Arms Control* (pp. 273–300). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511494345.013>
- Traven, D. (Ed.). (2021). Humanizing Hell: The Hague Peace Conferences and the Second World War, 1899–1945. In *Law and Sentiment in International Politics: Ethics, Emotions, and the Evolution of the Laws of War* (pp. 193–237). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108954280.009>
- Upreti, P. N. (2022). A TWAIL critique of intellectual property and related disputes in investor-state dispute settlement. *The Journal of World Intellectual Property*, 25(1), 220–237. <https://doi.org/10.1111/jwip.12217>
- van den Boogaard, J. (Ed.). (2023). The Concept of Proportionality in International Humanitarian Law. In *Proportionality in International Humanitarian Law: Refocusing the Balance in Practice* (pp. 51–87). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108954648.007>
- Van Norman, G. A., & Eisenkot, R. (2017). Technology Transfer: From the Research Bench to Commercialization: Part 2: The Commercialization Process. *JACC: Basic to Translational Science*, 2(2), 197–208. <https://doi.org/10.1016/j.jacbts.2017.03.004>
- Vidigal, G. (2013). From Bilateral to Multilateral Law-making: Legislation, Practice, Evolution and the Future of Inter Se Agreements in the WTO. *European Journal of International Law*, 24(4), 1027–1053. <https://doi.org/10.1093/ejil/cht064>
- Villiger, M. E. (2008). *Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties*. Brill. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004168046.i-1058>
- Webster, A. (2011). Hague Conventions (1899, 1907). In *The Encyclopedia of War*. John Wiley & Sons, Ltd. <https://doi.org/10.1002/9781444338232.wbeow271>
- Whittle, D. (2015). The Limits of Legality and the United Nations Security Council: Applying the Extra-Legal Measures Model to Chapter VII Action. *European Journal of International Law*, 26(3), 671–698. <https://doi.org/10.1093/ejil/chv042>
- Winter, E. (2022). The Compatibility of Autonomous Weapons with the Principles of International Humanitarian Law. *Journal of Conflict and Security Law*, 27(1), 1–20. <https://doi.org/10.1093/jcsl/krac001>
- Wired for War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century, P.W. Singer (New York: Penguin, 2009), 512 pp., \$30 cloth. (2009). *Ethics & International Affairs*, 23(3), 312–313. https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.2009.00222_4.x

Authors information

Nisha Bhaskar – LLM, Researcher, The West Bengal National University of Juridical Sciences

Address: 12 LB Block, Sector III, Salt Lake, Kolkata 700098, West Bengal, India

E-mail: nishabhaskar414@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-9128-1526>

Jackson Simango Magoge – LLM (Corporate and Commercial Law), Assistant Lecturer, Department of Humanities and Social Sciences, National Institute of Transport

Address: Mabibo, Ubungu, P.O. Box 705, Dar es Salaam, Tanzania

E-mail: simangojackson@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8096-6929>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=8FERpVoAAAAJ>

Sayed Qudrat Hashimy – PhD Scholar, LLM (International Law), Research Scholar (Law), Department of Studies in Law, University of Mysore

Address: Manasagangotri, Mysore 570005, India

E-mail: sayedqudrathashim@law.uni-mysore.ac.in

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9835-0575>

Authors' contributions

The authors have contributed equally into the concept and methodology elaboration, validation, formal analysis, research, selection of sources, text writing and editing, project guidance and management.

Conflict of interest

The authors declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – February 13, 2025

Date of approval – March 2, 2025

Date of acceptance – June 20, 2025

Date of online placement – June 25, 2025

Научная статья

УДК 34:004:347.1:004.7

EDN: <https://elibrary.ru/kxekjy>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.11>

Регулирование платежей третьей стороной: анализ рисков и правовых механизмов в Китае

Ли Цзинрун ✉

Университет финансов и экономики в Ланьчжоу, Ланьчжоу, Китай

Шауйя Джигир

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Ключевые слова

безопасность,
законодательство,
платежи третьей стороной,
платежная платформа,
право,
регулирование,
риск,
цифровая экономика,
цифровые технологии,
электронная коммерция

Аннотация

Цель: выявить основные риски и проблемы в сфере платежей третьей стороной в Китае, проанализировать действующее законодательство о регулировании данного сектора и предложить научно обоснованные направления повышения эффективности регулирования подобных платежных систем.

Методы: исследование проводилось с применением комплекса общенаучных методов, включающих анализ, индукцию и синтез. Осуществлен всесторонний анализ текущего состояния развития и нормативного правового регулирования платежей третьей стороной в Китае с целью выработки практических рекомендаций для внедрения эффективных механизмов регулирования данной сферы. Применялся сравнительно-правовой анализ существующих нормативных актов и международного опыта регулирования финансовых технологий.

Результаты: установлено, что платежи третьей стороной стали неотъемлемой составляющей электронной коммерции, эффективно решая проблемы высоких транзакционных издержек и дефицита кредитных ресурсов в китайской электронной коммерции. Проведенный анализ показал, что платежная индустрия сталкивается с серьезными вызовами, включая недостаточность регулирования, финансовые и технологические риски. Выявлена конкурентная структура рынка по модели «2 + 1 + N» с доминированием крупных платежных платформ. Разработаны практические рекомендации по совершенствованию правовых механизмов для обеспечения стабильности и безопасности функционирования сектора сторонних платежей, включая создание единого регулятора и усиление надзора за депонированными средствами.

✉ Корреспондирующий автор

© Цзинрун Л., Джигир Ш., 2025

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Научная новизна: исследование дополняет научную базу в области регулирования финансовых технологий, систематизируя основные риски индустрии сторонних платежей и анализируя современную нормативную правовую базу с учетом последних изменений в отрасли, что позволяет сформировать комплексное понимание правовых вызовов в данной сфере. Впервые предложена интегрированная модель оценки рисков для платежных систем третьих сторон.

Практическая значимость: представленные в работе выводы имеют прикладное значение для повышения эффективности регулирования, что актуально как для поставщиков платежных услуг третьих сторон, так и для финансовых регуляторов при разработке политики в области финансовых технологий и цифровых платежей. Результаты могут быть использованы при совершенствовании законодательной базы и создании специализированных органов финансового надзора.

Для цитирования

Цзинрун, Л., Джигир, Ш. (2025). Регулирование платежей третьей стороной: анализ рисков и правовых механизмов в Китае. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(2), 259–274. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.11>

Содержание

Введение

1. Состояние разработки и нормативная база платежей третьей стороной
  - 1.1. Текущее состояние разработки платежей третьей стороной
  - 1.2. Нормативная база платежей третьей стороной
2. Риски, связанные с платежами третьей стороной
  - 2.1. Неадекватное регулирование
  - 2.2. Финансовый риск
  - 2.3. Технологический риск
3. Рекомендации по повышению эффективности регулирования платежей третьей стороной
  - 3.1. Создание всеобъемлющей правовой базы
  - 3.2. Надзор за денежными средствами
  - 3.3. Техническое обеспечение

Заключение

Список литературы

Введение

Платеж третьей стороной – это платежная услуга, предоставляемая небанковскими учреждениями для перевода денежных средств, оплаты и взаиморасчетов через Интернет или мобильные устройства (Liu et al., 2020; Thakor, 2020; Fan et al., 2023). С развитием финансовых технологий и ростом электронной коммерции такие платежи значительно распространились и стали важным компонентом финансовой системы. В Китае конкурентную ситуацию в платежной индустрии можно охарактеризовать

как «2 + 1 + N»: почти 60 % транзакций приходится на Alipay и WeChat Pay; UnionPay предоставляет ключевые клиринговые и расчетные услуги; еще ряд лицензированных платежных компаний конкурируют за долю рынка в этой сфере. Доля пользователей онлайн-платежей по сравнению со всеми пользователями Интернета в Китае в 2022 г. остается стабильной и составляет примерно 85 %.

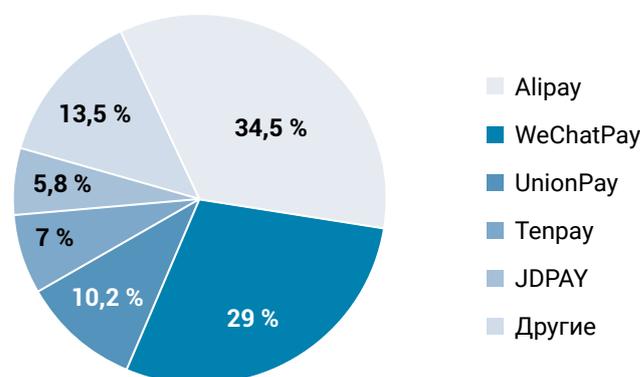
Платежи третьей стороной выгодны как для экономики, так и для общества. В настоящее время расширение этой сферы является важным аспектом электронной коммерции, поскольку позволяет эффективно решать проблемы высоких затрат и нехватки кредитных средств в электронной коммерции (Tang et al., 2021; Zhao & Sun, 2012; Qiu, 2025). Платежи третьей стороной приобретают все большее значение в платежной системе, а потенциальные риски, связанные с новыми технологиями и бизнес-моделями, выдвигают более высокие требования к регулированию. В данной работе исследуются потенциальные риски, связанные с платежами третьей стороной, путем анализа соответствующей нормативной базы и предлагаются возможные решения для повышения эффективности регулирования в этой сфере.

1. Состояние разработки и нормативная база платежей третьей стороной

1.1. Текущее состояние разработки платежей третьей стороной

Понятие платежа третьей стороной не имеет стандартного определения. В случае Китая предпосылкой для внедрения таких платежей является экспоненциальное развитие электронной коммерции. Электронные платежи являются важным инструментом в этом секторе. Появление сторонних платежных сервисов соответствует развитию электронной коммерции, а также является одной из специфических форм инноваций в области онлайн-платежей. Так, система Alipay позиционировалась как платежный инструмент для защищенных транзакций, призванный решить проблему доверия, которая препятствовала развитию площадки электронной коммерции Alibaba (Ye et al., 2023; Du, 2025); сейчас это одна из крупнейших платежных платформ в мире. Она работает на крупных онлайн-порталах и использует банковские кредиты в качестве кредитной гарантии (Yao et al., 2018; Lee & Shin, 2018). В данном контексте платежи третьей стороной – это платежная услуга, предоставляемая небанковским учреждением с целью перевода, оплаты и взаиморасчета денежных средств через Интернет или мобильные устройства. Платежи третьей стороной включают в себя онлайн- и офлайн-платежи. Онлайн-оплата обычно используется для транзакций в рамках электронной коммерции, когда пользователи совершают платеж через стороннюю платежную платформу; офлайн-оплата в основном наблюдается в физических магазинах, где пользователи совершают транзакцию с помощью мобильных устройств. На рис. 1 показана доля Китая на рынке сторонних платежей в 2023 г.¹

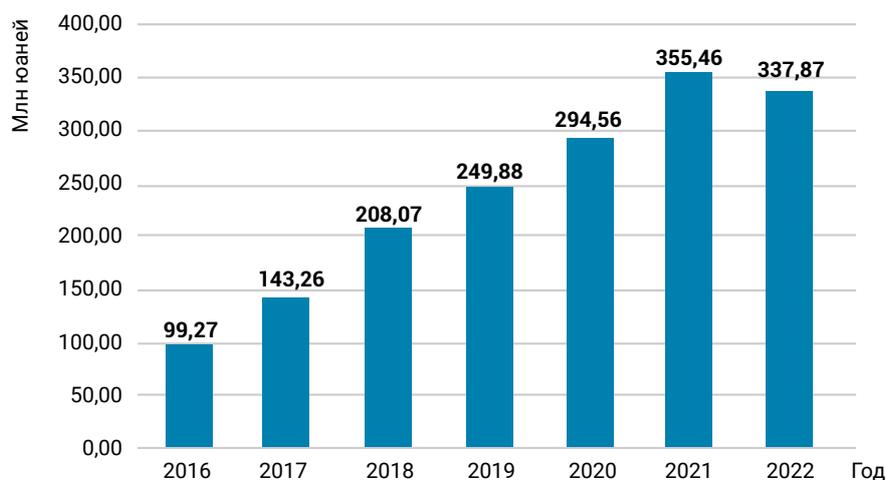
¹ Market share of leading third-party online payment providers in China in 3rd quarter of 2023. Statista. <https://clck.ru/3MEJeK>

Рис. 1. Доля Китая на рынке сторонних платежей

Данные о доле сторонних платежных систем на рынке, представленные на рис. 1, показывают, что Alipay, WeChat Pay и UnionPay вошли в тройку лидеров с долями рынка 34,5; 29 и 10,2 % соответственно, а общая доля этих трех компаний достигла 73,7 %, что свидетельствует о высокой степени концентрации на рынке.

На рис. 2 представлены данные об объемах платежей третьей стороной, которые выросли с 99,27 трлн юаней в 2016 г. до 337,87 трлн юаней в 2022 г. Прогнозируется, что масштабы таких транзакций в Китае сохранят тенденцию к росту и, как ожидается, к 2028 г. достигнут 644 трлн юаней².

Рис. 2. Объемы платежей третьей стороной в Китае

1.2. Нормативная база платежей третьей стороной

В связи с растущей значимостью сторонних платежей в платежной системе и потенциальными угрозами, связанными с ними, они должны регулироваться нормативно-правовой базой. Соответствующая нормативно-правовая база Китая находится в стадии становления, при этом развивается от мягкого регулирования к строгому.

² Там же.

До 2010 г. в Китае не было определенной регулирующей организации и четкой нормативной базы для таких платежей, а вся эта сфера была относительно неорганизованной, с высоким уровнем рисков. Центральный банк страны – Народный банк Китая (далее – НБК) – в 2010 г. обнародовал документ «Административные меры в отношении платежных услуг, предоставляемых нефинансовыми учреждениями». В нем говорится, что НБК контролирует все аспекты операций сторонних платежных учреждений, включая выдачу лицензий, контроль за непрерывной и стабильной работой учреждений, управление рисками и их ликвидацию. Это четко указывает на то, что Китай применяет институциональную модель регулирования в сфере сторонних платежных учреждений. Принятие этого документа положило начало законодательству о платежах третьей стороной (Liu Zhaolu, 2018; Chen & Wang, 2024).

По мере развития этого сектора Китай уделяет особое внимание регулированию сторонних платежей. Произошло последовательное введение ряда законодательных и нормативных актов, включая усиление требований к допуску платежных учреждений на рынок, надзор за безопасностью средств и надзор за борьбой против отмывания денег. С 2010 по 2023 г. Народный банк Китая (People's Bank of China, PBOC), Комиссия по регулированию банковской деятельности Китая (China Banking Regulatory Commission, CBRC), Государственное валютное управление (State Administration of Foreign Exchange, SAFE) и другие финансовые регуляторы выпустили множество соответствующих нормативных и законодательных актов, призванных обеспечить стабильную и четкую работу сектора платежей третьей стороной. В таблице приведены основные нормативные акты и законодательство Китая, касающиеся этой сферы.

Основные нормативные акты и законодательство Китая, касающиеся платежей третьей стороной

Нормативный акт	Дата принятия	Основное содержание
Административные меры в отношении платежных услуг, предоставляемых нефинансовыми учреждениями	14 июня 2010 г.	Установлено, что сторонние платежные учреждения должны подавать заявления в Центральный банк о выдаче лицензии на оказание платежных услуг. Сторонние платежные учреждения обязаны соответствовать требованиям, предъявляемым к регистрации, что повышает порог входа и проясняет вопрос о распределении средств, резервируемых клиентом
Меры по надзору и управлению в области борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма со стороны финансовых учреждений	1 августа 2012 г.	Подчеркивается, что сторонние платежные учреждения должны создать специальный отдел по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, отвечающий за меры по борьбе с отмыванием денег. Сторонние платежные учреждения обязаны проверять подлинность идентификационных данных пользователей
Меры по хранению резервов клиентов платежных учреждений	7 июня 2012 г.	Разъясняется порядок хранения и использования передаваемых средств, и строго запрещается их нецелевая передача сторонними платежными учреждениями
Заявление Комиссии по банковскому регулированию Китая о результатах проверки нормативных документов	09 апреля 2014 г.	Документ предусматривает, что понятие платежей третьими сторонами применимо к онлайн-платежам небанковских платежных учреждений. Также в нем содержатся четкие правила управления счетами, проверки личности и защиты информации, ограничения на транзакции и контроль рисков, надзор и управление, а также штрафные санкции
Уведомление Государственного валютного управления о пилотном проекте платежных учреждений по трансграничным валютным платежам	29 января 2015 г.	Установлено, что платежные учреждения, осуществляющие трансграничную платежную деятельность, подлежат надзору и администрированию со стороны SAFE

Окончание табл.

Нормативный акт	Дата принятия	Основное содержание
Административные меры в отношении онлайн-платежей небанковских платежных учреждений	1 июля 2016 г.	Установлено, что платежные учреждения должны следовать принципу, согласно которому они в основном обслуживают развитие электронной коммерции и предоставляют услуги небольших, быстрых и удобных микроплатежей. Они должны предлагать услуги онлайн-платежей на основе банковских счетов клиентов или определенных платежных счетов, также создавать резервные фонды для обеспечения рисков и обеспечивать системы компенсаций для защиты прав клиентов
Уведомление Главного управления Народного банка Китая по вопросам, касающимся централизованного депонирования средств клиентов платежных учреждений	13 января 2017 г.	Документ предусматривает, что доля резервных средств клиентов должна определяться Народным банком Китая в зависимости от вида деятельности платежного учреждения и при необходимости корректироваться для целей управления. Резервные средства клиентов должны размещаться на депозитных счетах без начисления процентов
Уведомление Главного управления Народного банка Китая по вопросам, касающимся полностью централизованного депонирования средств клиентов платежных учреждений	29 июня 2018 г.	Указано, что платежные учреждения увеличивают коэффициент централизованного депонирования резервных средств клиентов и требуют 100%-ного централизованного депонирования до 14 января 2019 г.
Уведомление Главного управления Народного банка Китая по вопросам, касающимся централизованного депонирования средств клиентов платежных учреждений	20 ноября 2018 г.	Документ требует, чтобы платежные учреждения аннулировали оставшиеся счета резервных фондов в коммерческих банках до 14 января 2019 г. и открыли «централизованные депозитарные счета для резервирования» в филиале Народного банка Китая по месту нахождения юридического лица
Положение о надзоре и администрировании небанковских платежных учреждений	9 декабря 2023 г.	Первый административный документ в секторе платежных услуг Китая, который повышает уровень надзора за небанковскими платежами и направлен на всестороннее усиление надзора за небанковскими платежными учреждениями

С 2010 г. в связи со стремительным развитием электронной коммерции и мобильных платежей Центральный банк Китая принял соответствующие нормативные акты. Также было выдано большое количество лицензий для стимулирования развития индустрии небанковских платежей, а небанковские платежные учреждения официально включены в нормативную базу. Количество пользователей таких платежных организаций продолжает расти из-за удобства предлагаемых ими услуг. В результате на этих платформах концентрируется все больший объем информации о клиентах, однако небанковские платежные учреждения имеют серьезные уязвимости в сфере управления такой информацией в отличие от хорошо регулируемых традиционных банков. Регулирующие органы постепенно усиливают этот аспект надзора для защиты информационной безопасности клиентов. Центральный банк прекратил выдачу новых лицензий после 2015 г. и в то же время ввел более строгие правила, регулирующие развитие отрасли, уделяя особое внимание сохранности средств клиентов и личной информации (Junwen et al., 2019).

Спустя более десяти лет развития в Китае создана платежно-клиринговая система на основе структуры Центрального банка с совместным участием коммерческих банков, клиринговых агентств и небанковских платежных учреждений, которая стала широко доступной и эффективной. Внедрена институциональная модель регулирования в сфере платежей третьей стороной. Однако с развитием интернет-финансов границы между финансовыми и нефинансовыми институтами постепенно размываются, и становятся очевидными недостатки институциональной

модели регулирования. В 2023 г. Государственный совет издал «Положение о надзоре и администрировании небанковских платежных учреждений», которое стало первым административным документом в платежной индустрии Китая. Документ в основном посвящен следующим четырем аспектам: (а) уточнение определения небанковских платежных учреждений и лицензирования их деятельности; (б) совершенствование регулирования платежных услуг; (в) защита законных прав и интересов пользователей и (г) разъяснение надзорных функций и юридической ответственности. Документ четко определяет права и обязанности всех участников сферы платежных услуг и позволяет надзорным органам выполнять свои административные функции в соответствии с нормативной базой³.

2. Риски, связанные с платежами третьей стороной

2.1. Неадекватное регулирование

Сектор платежей третьей стороной регулируется Народным банком Китая. Однако, поскольку банк выпускает ведомственные нормативные акты, правовой статус такого регулирования остается низким, его эффективность – ограниченной. Это приводит к недостаточности надзорных мер и появлению лазеек в законодательстве. В системе регулирования существует проблема общего надзора со стороны нескольких департаментов, что приводит к плохой координации между регулируемыми органами и нечеткости их обязанностей. Кроме того, эффективное регулирование индустрии сторонних платежей затруднено из-за отсутствия единых стандартов и норм надзора (Ding, 2021).

Во-вторых, нельзя отрицать быстрое развитие сектора сторонних платежей по сравнению с традиционной системой законов и нормативных актов финансовой отрасли. Целевых специальных законов и нормативных актов по-прежнему мало, и они отстают от развития новой отрасли. Хотя в Китае и были приняты «Административные меры», предусматривающие конкретные положения о доступе и надзоре в этой сфере, пока не удастся соответствовать стремительному развитию интернет-технологий и широкомасштабному использованию сторонних платежей. Это привело к возникновению целого ряда проблем, связанных с рисками. Своевременное предотвращение юридических проблем, возникающих в индустрии сторонних платежей, оказалось невозможным, и в сфере надзора по-прежнему существует большое количество пробелов (Liu Jin, 2018). В то же время существуют также некоторые пробелы и недостатки в правилах регулирования в области трансграничных платежей, предотвращения рисков, защиты информации пользователей, что затрудняет полноценную защиту прав и интересов пользователей. Это особенно заметно в сфере трансграничных платежей, где отмечается слабость нормативных актов и трудности с их применением, а также легко возникают отток капитала и лазейки в системе безопасности.

---

³ Regulation on the Supervision and Administration of Non-Banking Payment Institutions. Order No. 768 of the State Council of the People's Republic of China. (2023, September 12). Chinalawinfo. <https://clck.ru/3MEJfF>

2.2. Финансовый риск

Первой проблемой в данной категории является риск амортизационного фонда. Под амортизационными фондами понимаются неиспользуемые свободные средства в обществе. Являющаяся посредником между покупателями и продавцами, сторонняя платежная платформа не владеет денежными средствами на протяжении всего процесса транзакции; однако масштаб транзакций непрерывно растет, и объем средств, размещаемых на такой платформе, становится очень большим (Ding, 2021). Так, Alipay – крупнейшая сторонняя платежная платформа Китая – содержит большое количество средств, которые еще не переведены на счет контрагента, и эти средства временно заблокированы в системе Alipay. Спекулянты могут использовать приток больших сумм для злонамеренного манипулирования рынком и вызывать аномальную волатильность рынка. В то же время приток больших сумм может оказывать давление на рынок и влиять на его стабильность.

Вторая проблема относится к обналачиванию. Из-за виртуальной природы сети некоторые пользователи могут злонамеренно осуществлять поддельные транзакции для вывода наличных средств. Это приводит к компрометации личной информации пользователей и наносит ущерб их частной собственности (Xiong, 2023).

2.3. Технологический риск

С быстрым развитием технологий все более серьезную проблему начинают представлять хакерские атаки, утечка данных и другие проблемы безопасности. Если компании, осуществляющие онлайн-платежи, не принимают надлежащих технических мер защиты, они могут столкнуться с серьезными нарушениями безопасности и такими последствиями, как утечка информации о пользователях и кража денежных средств. Кроме того, для компаний, производящих онлайн-платежи, технологическая модернизация также может представлять проблему. Например, появление новых технологий потребует от компаний вложения значительных средств в модернизацию и трансформацию, а технологические сбои могут привести к проблемам. Конкурентоспособность сектора сторонних платежных платформ основана на финансовых технологиях, поэтому операционные риски в этом секторе также зависят от функционирования финансовых технологий (Xu et al., 2020; Yao & Li, 2022; Huang et al., 2024).

3. Рекомендации по повышению эффективности регулирования платежей третьей стороной

3.1. Создание всеобъемлющей правовой базы

Необходимо постоянно совершенствовать законы и нормативные акты, касающиеся платежей третьими лицами, разъяснять ответственность всех сторон и обеспечивать юридические гарантии безопасного и стабильного развития платежного рынка. Мы также считаем целесообразным создать единый орган по регулированию платежей третьей стороной, который будет осуществлять особый надзор за этой областью, обеспечивать соблюдение требований сторонними платежными учреждениями и наказывать за нарушения. Своевременное обновление законов и нормативных актов, касающихся платежей третьей стороной, должно обеспечить соблюдение соответствующего законодательства (Ding, 2021).

3.2. Надзор за денежными средствами

Регулирующие органы должны нести ответственность за надзор за сторонними платежными учреждениями в отношении клиринга, хранения и управления рисками в процессе их деятельности. Необходимо создать систему сетевой защиты между депонированными средствами и операционными фондами, а также установить специализированный надзор за рядом финансовых учреждений, чтобы предотвратить незаконное присвоение средств (Zhang, 2018; Zhu, 2024). Усиление управления резервными фондами потребует уточнения юридической принадлежности привлеченных средств и производных от них. Необходимо также строго контролировать сферы и направления инвестирования привлеченных средств, пресекать отмывание денег и стремиться к созданию и совершенствованию соответствующей системы правового надзора.

Использование средств должно осуществляться в строгом соответствии с процедурами банковского аудита, направленными на улучшение управления депонированными средствами. Кроме того, сторонние платежные учреждения обязаны хранить средства пользователей на отдельных счетах от их собственных средств и проводить регулярные проверки и составлять отчеты для обеспечения сохранности средств и бесперебойной работы клиринга. В то же время регулирующие органы также должны проводить анализ и давать рекомендации сторонним платежным учреждениям по управлению рисками и планам действий в чрезвычайных ситуациях, чтобы гарантировать своевременное устранение рисков при их возникновении, с тем чтобы обеспечить стабильность и безопасность рынка.

3.3. Техническое обеспечение

Технические системы сторонних платежных учреждений проходят контроль и аудит, чтобы гарантировать стабильность, надежность, безопасность и эффективность их систем. В то же время регулирование предусматривает использование технологии шифрования для защиты пользовательской информации, чтобы исключить ее неправильное использование или незаконный доступ (Xu et al., 2020; Yao & Li, 2022).

Платежи третьей стороной играют важную роль в электронной торговле, поэтому правительству следует усилить надзор и создать соответствующую систему регулирования для защиты прав и интересов потребителей. Регулирующие органы должны усилить разработку и корректировку мер регулирования, усовершенствовать систему регулирования и унифицировать порядок функционирования рынка. Сторонние платежные платформы должны неуклонно укреплять систему внутреннего контроля рисков, активно внедрять новые технологии. Необходимо приложить все усилия для создания безопасной и надежной сетевой среды, тем самым эффективно гарантируя сохранность денежных средств. Только при условии обеспечения безопасности, стабильности и соответствия требованиям сторонние платежные системы смогут продолжать свое здоровое, стабильное и всестороннее развитие и играть важную роль в экосистеме электронной коммерции.

Заключение

Платежи третьей стороной оказали заметное положительное влияние на экономическое и социальное развитие. Они стали неотъемлемой частью электронной коммерции, эффективно решая проблемы высоких затрат и дефицита кредитных

средств. Быстрое развитие систем таких платежей создает серьезные проблемы с регулированием. Это новшество в сфере финансов неизбежно повлекло за собой множество проблем, связанных с платежными рисками. Поэтому необходимо проводить серьезную работу по обобщению, анализу и изучению текущего состояния развития и регулирования платежей третьей стороной в Китае, которая могла бы дать практические основания для внедрения эффективного регулирования. Регулирование этой сферы должно быть научным, строгим и эффективным. Создание нормативной базы требует рассмотрения всех аспектов, соблюдения нормативных требований для обеспечения стандартизации и создания основы для стабильного развития отрасли. При этом важна ориентация на будущее, чтобы оставить пространство для инноваций и способствовать прогрессу отрасли. Следует также уделять большое внимание контролю рисков и созданию надежной системы их предотвращения. Немаловажное значение имеют защита устойчивости инновационной деятельности и поощрение разумных инноваций и в то же время защита законных прав и интересов плательщиков и потребителей. Исходя из соображений безопасности, стабильности и соответствия установленным требованиям, в настоящее время актуальной является задача содействия стандартизованному и упорядоченному развитию сектора платежей третьей стороной, что имеет решающее значение для тщательного контроля рисков и обеспечения стабильности платежного сектора.

Список литературы

- Chen, W., & Wang, X. (2024). Can mobile payment innovation contribute to low-carbon sustainable economic development? Spatial econometric analysis based on Chinese city-level data. *Cities*, 155, 105425. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105425>
- Ding, Jie (2021). Legal Issues of Third-Party Payment in the Context of Internet Finance. *Dispute Settlement*, 7(4), 169–178. <https://doi.org/10.12677/DS.2021.74022>
- Du, S. (2025). More to give in marriage? County-level sex ratios and marriage payments in China. *Social Science Research*, 127, 103141. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2025.103141>
- Fan, X., Zhao, W., Zhang, T., & Yan, E. (2023). Mobile payment, third-party payment platform entry and information sharing in supply chains. *Annals of Operations Research*, 329, 353–372. <https://doi.org/10.1007/s10479-020-03749-8>
- Huang, Z., Wang, L., & Yu, W. (2024). Financial development, electronic payments, and residents' consumption: Evidence from rural China. *Finance Research Letters*, 71, 106455. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2024.106455>
- Junwen, Zh., Jianwei, D., & Ming, G. (2019). Objectives and institutional arrangements of third-party payment supervision – International comparison and policy recommendations. *Financial Regulation Analysis*. 03.006. <https://doi.org/DOI:10.13490/j.cnki.frr.2019.03.006>
- Lee, I., & Shin, Y. J. (2018). Fintech: Ecosystem, business models, investment decisions, and challenges. *Business Horizons*, 61(1), 35–46. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2017.09.003>
- Liu, Zhaolu. (2018). *China's third-party electronic payment model*, 33. 029. Northeast Agricultural University.
- Liu, J., Li, X., & Wang, S. (2020). What have we learnt from 10 years of fintech research? A scientometric analysis. *Technological Forecasting and Social Change*, 155, 120022. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120022>
- Liu, Jin. (2018). *The Regulatory Model of Non-Bank Payment Institutions in China and International Comparison*. Research report. Institute for Fintech research Tsinghua university.
- Qiu, W. (2025). Does Mobile Payment Adoption Increase Household Portfolio Diversification? Evidence from China. *Finance Research Letters*, 75, 106911. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2025.106911>
- Tang, Y. M., Chau, K. Y., Hong, L., Ip, Y. K., & Yan, W. (2021). Financial innovation in digital payment with WeChat towards electronic business success. *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*, 16(5), 1844–1861. <https://doi.org/10.3390/jtaer16050103>
- Thakor, A. V. (2020). Fintech and banking: What do we know? *Journal of Financial Intermediation*, 41, 100833. <https://doi.org/10.1016/j.jfi.2019.100833>

- Xiong, Cen. (2023). China's third-party payment risk and control suggestions, *E-commerce*, 6.
- Xu, R., Mi, C., Mierzwiak, R., & Meng, R. (2020). Complex network construction of Internet finance risk. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 540, 122930. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2019.122930>
- Yao, M., Di, H., Zheng, X., & Xu, X. (2018). Impact of payment technology innovations on the traditional financial industry: A focus on China. *Technological Forecasting and Social Change*, 135, 199–207. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.12.023>
- Yao, Y., & Li, J. (2022). Operational risk assessment of third-party payment platforms: a case study of China. *Financial Innovation*, 8, 19. <https://doi.org/10.1186/s40854-022-00332-x>
- Ye, W., Chen, W., & Fortunati, L. (2023). Mobile payment in China: A study from a sociological perspective. *Journal of Communication Inquiry*, 47(3), 222–248. <https://doi.org/10.1177/01968599211052965>
- Zhang, Z. (2018). Law and economic growth in China: a case study of the stock market. *Asian Journal of Law and Society*, 5(2), 333–357. <https://doi.org/10.1017/als.2018.17>
- Zhao, X., & Sun, Y. (2012). A study of third-party online payment: Risk control and supervision analysis. *WHICEB 2012 PROCEEDINGS*. 95.
- Zhu, Jing. (2024). Research on Legal Supervision Issues of Third-Party Payment. *E-commerce Letters*, 13(1), 44–49. <https://doi.org/10.12677/ecl.2024.131006>

Сведения об авторах

Цзинрун Ли – бакалавр, факультет международного образования, Университет финансов и экономики в Ланьчжоу

Адрес: Китай, 730101, г. Ланьчжоу, авеню Вей Ле, д. 4

E-mail: Lee18334799908@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-2916-8917>

Джигир Шауйя – аспирант, ассистент преподавателя, Высшая инженерно-экономическая школа, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Адрес: Россия, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29

E-mail: shauya.ts@edu.spbstu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3610-0460>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57236746000>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/HLG-6496-2023>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=ilwN9hAAAAAJ>

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку концепции, методологии, валидацию, формальный анализ, проведение исследования, подбор источников, написание и редактирование текста, руководство и управление проектом.

Конфликт интересов

Авторы сообщают об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.07.45 / Право и научно-технический прогресс

Специальность ВАК: 5.1.3 / Частно-правовые (цивилистические) науки

История статьи

Дата поступления – 13 октября 2024 г.

Дата одобрения после рецензирования – 4 ноября 2024 г.

Дата принятия к опубликованию – 20 июня 2025 г.

Дата онлайн-размещения – 25 июня 2025 г.

Research article

UDC 34:004:347.1:004.7

EDN: <https://elibrary.ru/kxekjy>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.11>

Third-Party Payment Regulation: Analysis of Risks and Legal Mechanisms in China

Li Jingrong

Lanzhou University of Finance and Economics, Lanzhou, China

Shawuya Jigeer

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

Keywords

digital economy,
digital technologies,
e-commerce,
law,
legislation,
payment platform,
regulation,
risk,
safety,
third-party payments

Abstract

Objective: to identify the main risks and problems in the field of third-party payments in China; to analyze the current legislation on the regulation of this sector; and to propose scientifically sound ways to improve the effectiveness of regulation of such payment systems.

Methods: the study used a set of general scientific methods, including analysis, induction and synthesis. The authors comprehensively analyzed the current state and legal regulation of third-party payments in China in order to develop practical recommendations for the introduction of effective regulatory mechanisms in this area. A comparative-legal analysis of existing regulations and international experience in regulating financial technologies was performed.

Results: it was found that third-party payments have become an integral part of e-commerce, effectively solving the problems of high transaction costs and shortage of credit resources in Chinese e-commerce. The analysis showed that the payment industry is facing serious challenges, including insufficient regulation, financial and technological risks. The authors revealed a market competitive structure according to the “2+1+N” model with the dominance of large payment platforms. Practical recommendations were developed to improve legal mechanisms ensuring the stability and security of the third-party payments sector, including the creation of a single regulator and increased supervision of deposited funds.

 Corresponding author

© Jingrong L., Jigeer Sh., 2025

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Scientific novelty: the study complements the scientific base in the field of financial technology regulation, systematizing the main risks of the third-party payments sector and analyzing the modern regulatory framework. It takes into account the latest changes in the industry, which allows the authors to form a comprehensive understanding of the legal challenges in this area. For the first time, an integrated risk assessment model for third-party payment systems was proposed.

Practical significance: the findings have practical implications for improving regulatory efficiency, which is relevant both for third-party payment service providers and for financial regulators when developing policies in the field of financial technology and digital payments. The results can be used to improve the legislative framework and create specialized financial supervisory authorities.

For citation

Jingrong, Li, & Jigeer, Sh. (2025). Third-Party Payment Regulation: Analysis of Risks and Legal Mechanisms in China. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(2), 259–274. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.11>

References

- Chen, W., & Wang, X. (2024). Can mobile payment innovation contribute to low-carbon sustainable economic development? Spatial econometric analysis based on Chinese city-level data. *Cities*, 155, 105425. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105425>
- Ding, Jie (2021). Legal Issues of Third-Party Payment in the Context of Internet Finance. *Dispute Settlement*, 7(4), 169–178. <https://doi.org/10.12677/DS.2021.74022>
- Du, S. (2025). More to give in marriage? County-level sex ratios and marriage payments in China. *Social Science Research*, 127, 103141. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2025.103141>
- Fan, X., Zhao, W., Zhang, T., & Yan, E. (2023). Mobile payment, third-party payment platform entry and information sharing in supply chains. *Annals of Operations Research*, 329, 353–372. <https://doi.org/10.1007/s10479-020-03749-8>
- Huang, Z., Wang, L., & Yu, W. (2024). Financial development, electronic payments, and residents' consumption: Evidence from rural China. *Finance Research Letters*, 71, 106455. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2024.106455>
- Junwen, Zh., Jianwei, D., & Ming, G. (2019). Objectives and institutional arrangements of third-party payment supervision – International comparison and policy recommendations. *Financial Regulation Analysis*. 03.006. <https://doi.org/DOI:10.13490/j.cnki.frr.2019.03.006>
- Lee, I., & Shin, Y. J. (2018). Fintech: Ecosystem, business models, investment decisions, and challenges. *Business Horizons*, 61(1), 35–46. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2017.09.003>
- Liu Zhaolu. (2018). *China's third-party electronic payment model*, 33. 029. Northeast Agricultural University.
- Liu, J., Li, X., & Wang, S. (2020). What have we learnt from 10 years of fintech research? A scientometric analysis. *Technological Forecasting and Social Change*, 155, 120022. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120022>
- Liu, Jin. (2018). *The Regulatory Model of Non-Bank Payment Institutions in China and International Comparison*. Research report. Institute for Fintech research Tsinghua university.
- Qiu, W. (2025). Does Mobile Payment Adoption Increase Household Portfolio Diversification? Evidence from China. *Finance Research Letters*, 75, 106911. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2025.106911>
- Tang, Y. M., Chau, K. Y., Hong, L., Ip, Y. K., & Yan, W. (2021). Financial innovation in digital payment with WeChat towards electronic business success. *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*, 16(5), 1844–1861. <https://doi.org/10.3390/jtaer16050103>
- Thakor, A. V. (2020). Fintech and banking: What do we know? *Journal of Financial Intermediation*, 41, 100833. <https://doi.org/10.1016/j.jfi.2019.100833>
- Xiong, Cen. (2023). China's third-party payment risk and control suggestions, *E-commerce*, 6.

- Xu, R., Mi, C., Mierzwiak, R., & Meng, R. (2020). Complex network construction of Internet finance risk. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 540, 122930. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2019.122930>
- Yao, M., Di, H., Zheng, X., & Xu, X. (2018). Impact of payment technology innovations on the traditional financial industry: A focus on China. *Technological Forecasting and Social Change*, 135, 199–207. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.12.023>
- Yao, Y., & Li, J. (2022). Operational risk assessment of third-party payment platforms: a case study of China. *Financial Innovation*, 8, 19. <https://doi.org/10.1186/s40854-022-00332-x>
- Ye, W., Chen, W., & Fortunati, L. (2023). Mobile payment in China: A study from a sociological perspective. *Journal of Communication Inquiry*, 47(3), 222–248. <https://doi.org/10.1177/01968599211052965>
- Zhang, Z. (2018). Law and economic growth in China: a case study of the stock market. *Asian Journal of Law and Society*, 5(2), 333–357. <https://doi.org/10.1017/als.2018.17>
- Zhao, X., & Sun, Y. (2012). A study of third-party online payment: Risk control and supervision analysis. *WHICEB 2012 PROCEEDINGS*. 95.
- Zhu, Jing. (2024). Research on Legal Supervision Issues of Third-Party Payment. *E-commerce Letters*, 13(1), 44–49. <https://doi.org/10.12677/ecl.2024.131006>

Authors information

Li Jingrong – Bachelor student, Faculty of International Education, Lanzhou University of Finance and Economics

Address: 4 Wei Le Avenue, 730101, Lanzhou, China

E-mail: Lee18334799908@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-2916-8917>

Shawuya Jigeer – PhD student, Assistant, Graduate School of Industrial Economics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Address: Polytechnicheskaya St, 29, 195251, Saint Petersburg, Russia

E-mail: shauya.ts@edu.spbstu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3610-0460>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57236746000>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/HLG-6496-2023>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=ilwN9hAAAAAJ>

Authors' contributions

The authors have contributed equally into the concept and methodology elaboration, validation, formal analysis, research, selection of sources, text writing and editing, project guidance and management.

Conflict of interest

The authors declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – October 13, 2024

Date of approval – November 4, 2024

Date of acceptance – June 20, 2025

Date of online placement – June 25, 2025

Научная статья

УДК 34:004:346.6:004.7

EDN: <https://elibrary.ru/lqycmn>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.12>

Псевдонимизация персональных данных пользователей криптоактивов: проблемы правового регулирования в Индонезии

И Команг Оки Маюна ✉

Университет Бравиджая, Маланг, Индонезия

Река Девантара

Университет Бравиджая, Маланг, Индонезия

Патриция Одри Руслиджанто

Университет Бравиджая, Маланг, Индонезия

Ключевые слова

законодательство,
защита персональных
данных,
криптоактивы,
криптовалюта,
персональные данные,
право,
псевдонимизация,
технология блокчейн,
торговля криптоактивами,
цифровые технологии

Аннотация

Цель: анализ возможности обеспечения правовой защиты псевдонимизированных персональных данных пользователей криптоактивов в правовой системе Индонезии.

Методы: в работе применяется комплексный правовой анализ, основанный на изучении действующих нормативных правовых актов Индонезии в сфере защиты персональных данных. Исследование реализовано с использованием законодательного, концептуального и сравнительного методологических подходов, включающих анализ положений индонезийского Закона о защите персональных данных, Общего регламента Европейского союза по защите персональных данных и британского Закона о защите данных.

Результаты: установлено, что псевдонимизация данных пользователей криптоактивов в Индонезии осуществима с правовой точки зрения, однако существующее законодательство содержит существенные пробелы. Действующий Закон о защите персональных данных Индонезии не признает псевдонимизированные данные в качестве отдельной категории персональных данных, подлежащих правовой защите. Выявлена проблематичность реализации правила контроля переводов физическими трейдерами криптоактивов, поскольку дополнительная информация для реидентификации псевдонимизированных данных не хранится отдельно, что увеличивает риски нарушения конфиденциальности.

✉ Корреспондирующий автор

© Маюна И К. О., Девантара Р., Руслиджанто П. О., 2025

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Научная новизна: проведен комплексный анализ правовых механизмов защиты псевдонимизированных данных в контексте криптовалютных операций. Предложена концептуальная модель совершенствования национального законодательства о защите персональных данных путем включения псевдонимизированных данных в качестве отдельной категории защищаемой информации. Разработаны рекомендации по установлению критериев законной реидентификации псевдонимизированных данных для обеспечения правовой определенности в сфере защиты пользователей криптоактивов.

Практическая значимость: результаты исследования могут служить теоретико-методологической основой для реформирования индонезийского Закона о защите персональных данных и создания эффективного правового механизма защиты пользователей криптоактивов. Предложенные изменения в ст. 4 указанного Закона позволят включить псевдонимизированные данные в перечень защищаемых категорий персональных данных, что обеспечит правовую определенность для участников криптовалютного рынка и повысит уровень защиты их персональных данных в условиях цифровой экономики.

Для цитирования

Маюна, И. К. О., Девантара, Р., Руслиджанто, П. О. (2025). Псевдонимизация персональных данных пользователей криптоактивов: проблемы правового регулирования в Индонезии. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(2), 275–303. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.12>

Содержание

Введение

1. Концепция защиты персональных данных
  - 1.1. Защита персональных данных
  - 1.2. Значение данных о псевдонимизации
  - 1.3. Значение анонимизированных данных
  - 1.4. Значение агрегированных данных
2. Взаимосвязь между защитой псевдонимизированных данных пользователей криптоактивов и торговлей криптоактивами
3. Регулирование псевдонимизации и реидентификации данных
  - 3.1. Закон Индонезии о защите персональных данных
  - 3.2. Общий регламент ЕС по защите персональных данных
  - 3.3. Закон о защите данных 2018 г.
4. Проблемы защиты псевдонимизированных данных пользователей криптоактивов в Индонезии

Заключение

Список литературы

Введение

В настоящее время мы являемся свидетелями эволюции платежных систем: изначально они опирались на физические деньги, а теперь переходят на электронные. Недавно мир был потрясен появлением криптовалюты, которая используется в качестве способа оплаты в торговых транзакциях (Jati & Zulfikar, 2021). Однако не все страны, включая Индонезию, признают криптовалюту законным платежным средством. Криптовалюта в Индонезии не может использоваться в качестве законного платежного средства, поскольку, согласно ст. 2 Закона о валюте № 7 от 2011 г., официальной валютой Индонезии является рупия (Setiawan et al., 2023). Однако криптовалюта в Индонезии была признана инвестиционным инструментом, как поясняется в ст. 1 Постановления министра торговли № 99 от 2018 г., касающегося торговли фьючерсами на криптоактивы. Поэтому в Индонезии криптовалюта называется криптоактивом (Ulya & Pambudi, 2024).

Транзакции с криптоактивами тесно связаны с обработкой данных в целях псевдонимизации. Когда инвесторы переводят криптоактивы на цифровой кошелек либо в виде активов, либо в виде конвертации в фиатные деньги, транзакция регистрируется в системе блокчейна с использованием адреса кошелька псевдонимизации или публичного адреса. С другой стороны, эти транзакции также регистрируются физическими трейдерами криптоактивов в рамках реализации правила контроля переводов, как предусмотрено п. 1 ст. 38 Регламента № 13 от 2022 г. Агентства по надзору за торговлей товарными фьючерсами, содержащего поправки к соответствующему Регламенту № 8 от 2021 г.

В результате обработка данных псевдонимизации осуществляется физическими трейдерами криптоактивов. Однако дополнительная информация, которая может быть использована для реидентификации, не хранится отдельно от данных псевдонимизации, что увеличивает риск утечки данных. Псевдонимизированные данные остаются связанными с личностью субъекта данных. Более того, исследования показали, что данные, хранящиеся в блокчейнах, могут быть прослежены до физических лиц (субъектов скрытых персональных данных), если они обрабатываются с использованием адекватных технических методов, что потенциально позволяет установить личность субъекта, которому принадлежат псевдонимизированные данные.

К сожалению, Закон о защите персональных данных не признает данные о псевдонимизации в качестве типа данных, подлежащих защите. Поэтому необходимо регулировать данные о псевдонимизации как одну из категорий данных, защищаемых Законом о защите персональных данных, чтобы обеспечить правовые гарантии для инвесторов в криптоактивы.

1. Концепция защиты персональных данных

1.1. Защита персональных данных

Изучение защиты персональных данных требует определения понятия данных. На латыни это *datum* – частица информации. Сбор данных приводит к формированию информации. В контексте персональных данных в разных странах используются разные термины – «персональная информация» или «персональные данные». Однако, по существу, оба термина имеют почти одинаковое значение. Помимо этих терминологических различий, существуют также различия в интерпретации самого понятия

персональных данных¹. В Индонезии используется термин «персональные данные» на основании п. 1 ст. 1 Закона о защите персональных данных²: «Персональные данные – это информация о физическом лице, которая идентифицирует или может идентифицировать это лицо как отдельно, так и в сочетании с другой информацией, прямо или косвенно, через электронные или неэлектронные системы».

Положения Закона о защите персональных данных определяют персональные данные как информацию, которая может быть идентифицирована с помощью электронных или неэлектронных средств. Напротив, в Общем регламенте ЕС по защите персональных данных это различие не оговаривается.

Защита персональных данных включает в себя, по крайней мере, две ключевые концепции: обеспечение физической сохранности персональных данных и установление правовых норм, обеспечивающих гарантии конфиденциальности при использовании данных о субъекте данных. По сути, защита данных тесно связана с обеспечением права на неприкосновенность частной жизни (Yetno, 2021). Алан Вестин также подчеркивал, что конфиденциальность данных – это право отдельных лиц, групп или учреждений самостоятельно определять, когда, как и в каком объеме информация о них будет передаваться или собираться другими лицами³.

На концептуальном уровне выработка всеобъемлющего или стандартного определения конфиденциальности является сложной задачей, поскольку это понятие до сих пор остается предметом постоянных дискуссий среди экспертов. Конфиденциальность означает право человека контролировать сбор, использование, раскрытие и хранение личной информации (Jose, 2023). Концепция неприкосновенности частной жизни была впервые введена Сэмюэлем Уорреном и Луисом Брандейсом, которые заявили, что необходимо защищать такое фундаментальное право человека, как «право на неприкосновенность частной жизни», дав ему следующее определение: «Неприкосновенность частной жизни – это право наслаждаться жизнью и быть оставленным в покое; развитие права в этом направлении было неизбежным и требовало юридического признания» (Anand et al., 2020).

Исходя из этого объяснения, право на неприкосновенность частной жизни включает в себя право наслаждаться жизнью, быть оставленным в покое и добиваться правовой защиты своей частной жизни. Большой словарь индонезийского языка определяет неприкосновенность частной жизни как личную свободу. Уоррен и Брандейс также подчеркивают, что неприкосновенность частной жизни – это право наслаждаться жизнью и быть оставленным в покое, гарантия того, что каждый имеет право сохранять приватность (Dewi, 2017). Таким образом, право на неприкосновенность частной жизни является фундаментальным правом каждого человека на сохранение конфиденциальности и безопасности (Anggen Suari & Sarjana, 2023). Конфиденциальность каждого человека должна быть защищена, но она нарушается, когда личная информация становится достоянием

---

¹ Djafar, W., Sumigar, B. R. F., & Setianti, B. L. (2016). *Perlindungan Data Pribadi Usulan Pelembagaan Kebijakan Dari Perspektif Hak Asasi Manusia*. Lembaga Studi dan Advokasi Masyarakat.

² Undang – Undang Nomor 27 Tahun 2022 tentang Perlindungan Data Pribadi. Pasal 1 angka 1. (2022). *Lembaran Negara Republik Indonesia, 196, Tambahan Lembaran Negara Republik Indonesia, 6820*.

³ Rollenhagen, L. (2020, September 8). Alan Westin is the father of modern data privacy law. Osano. <https://clck.ru/3MEF5G>

общественности. Таким образом, защита конфиденциальности имеет важное значение. Однако многие эксперты считают, что сложно определить и ограничить понятие конфиденциальности из-за его широкого охвата. В результате во многих странах концепция конфиденциальности совмещена с защитой персональных данных. Это согласуется с современной теорией конфиденциальности, которую Алан Вестин впервые развил в своей книге «Конфиденциальность и свобода», где он пишет следующее: «Конфиденциальность – это право отдельных лиц, групп или учреждений самостоятельно определять, когда, как и в каком объеме информация о них будет передаваться другим» (Pelteret & Ophoff, 2016).

Таким образом, конфиденциальность – это право отдельных лиц, групп или учреждений определять, будут ли данные о них переданы другим сторонам. Эксперты в области права доработали это определение в ответ на развитие информационно-коммуникационных технологий, благодаря которым можно получить доступ к данным о частной жизни человека, а также обрабатывать, собирать и манипулировать данными. В результате один из видов права на неприкосновенность частной жизни получил название «конфиденциальность персональных данных».

Конституция Республики Индонезия от 1945 г. регулирует вопросы защиты прав человека. После внесения в нее поправок регулирование прав граждан стало более всеобъемлющим, так как ранее они рассматривались лишь в общих и кратких формулировках. Поправки 1945 года касались гарантий защиты и соблюдения прав граждан, одним из которых является право на неприкосновенность частной жизни (Asrun, 2016). Защита права на неприкосновенность частной жизни в Конституции Индонезии от 1945 г. не регламентирована в явном виде. Тем не менее защита права на неприкосновенность частной жизни подразумевается п. 1 ст. 28G Конституции, в которой говорится: «Каждый человек имеет право защищать себя, свою семью, честь, достоинство и имущество, которым он владеет, имеет право на чувство безопасности и защищенности от угрозы или страха какого-либо действия или бездействия, затрагивающих права человека»⁴.

Исходя из приведенного выше положения, право на неприкосновенность частной жизни косвенно регулируется этой статьей. Ее интерпретация согласуется с концепциями неприкосновенности частной жизни, рассмотренными ранее, которые включают право на честь, достоинство и собственность, а также право на чувство безопасности и защиту от угроз. Кроме того, гарантии неприкосновенности частной жизни также регулируются п. 1 ст. 29 и ст. 30 Закона № 39 от 1999 г. о правах человека. Однако индонезийские законы и нормативные акты не определяют право на неприкосновенность частной жизни (Rohmansyah et al., 2023).

Право на неприкосновенность частной жизни связано с персональными данными, где они являются одним из элементов, охраняемых законом. Таким образом, каждый имеет право на сохранение конфиденциальности своих персональных данных (конфиденциальность и безопасность) (Priskarini et al., 2019). Европейский суд по правам человека также заявил, что защита персональных данных имеет основополагающее значение. Уважение права человека на неприкосновенность частной жизни регулируется ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (Sinaga & Putri, 2020). Это также соответствует положениям п. 1 ст. 28G

---

⁴ Undang – Undang Dasar Negara Republik Indonesia Tahun. (1945). Pasal 28G ayat (1).

Конституции Республики Индонезия от 1945 г., которая защищает персональные данные в рамках права на неприкосновенность частной жизни. Хотя в п. 1 ст. 28G Конституции прямо не упоминается право на неприкосновенность частной жизни, это положение подразумевает гарантию права на неприкосновенность частной жизни (Soraja, 2021).

Кроме того, в комментарии к ст. 26 Закона об электронной информации и сделках (Electronic Information and Transactions, ITE) № 19 от 2016 г. разъясняется, что защита персональных данных является одним из аспектов прав личности (права на неприкосновенность частной жизни) (Priliasari, 2023). Таким образом, защита персональных данных является частью права каждого человека на неприкосновенность частной жизни. Пункт 2 ст. 1 Закона о защите персональных данных гласит: «Защита персональных данных – это комплекс мер по защите персональных данных во время их обработки с целью обеспечения конституционных прав субъектов персональных данных»⁵.

Исходя из этой интерпретации, право на защиту персональных данных является конституционным правом граждан Индонезии, и государство обязано его защищать. Таким образом, защита персональных данных является частью права на неприкосновенность частной жизни, которое неявно защищено пунктом (1) статьи 28G Конституции Республики Индонезия от 1945 г. Персональные данные – это неотъемлемая часть права на конфиденциальность, поскольку их защита является неотъемлемым аспектом права на неприкосновенность частной жизни, гарантированного Конституцией Республики Индонезия от 1945 г.

1.2. Значение данных о псевдонимизации

Большой словарь индонезийского языка определяет псевдоним как имя, используемое для сокрытия подлинной личности. Псевдонимизация данных подразумевает замену идентифицирующих характеристик псевдонимами или другими словами или модификацию данных таким образом, чтобы субъект данных не мог быть идентифицирован напрямую. Присвоение псевдонима может быть связано только с конфиденциальными идентификационными данными (дополнительными данными).

При этом особое внимание уделяется методам, с помощью которых можно заменить, удалить или изменить информацию, идентифицирующую личность, сохраняя эту информацию отдельно. Данные, подвергшиеся псевдонимизации, по-прежнему классифицируются как персональные данные и подпадают под действие Закона о защите данных.

Псевдонимизация начинается с исходных данных, которые затем скрываются, в результате чего создается два набора данных: псевдонимизированные данные и дополнительная информация. Оба набора данных могут быть использованы для восстановления исходных данных. Это означает, что псевдонимизированные данные могут быть связаны с исходными данными субъекта данных с использованием дополнительной информации. Таким образом, псевдонимизация данных строится на принципах защиты данных.

---

⁵ Undang – Undang Nomor 27, Pasal 1 angka 2. (2022), tentang Perlindungan Data Pribadi, Lembaran Negara Republik Indonesia Tahun, 196, Tambahan Lembaran Negara Republik Indonesia, 6820.

Пункт 5 ст. 4 Общего регламента ЕС по защите персональных данных определяет псевдонимизацию следующим образом: «Псевдонимизация – это процесс обработки персональных данных таким образом, что персональные данные больше не могут быть отнесены к конкретному субъекту данных без использования дополнительной информации, при условии что такая дополнительная информация хранится отдельно и используются технические и организационные меры для обеспечения того, чтобы персональные данные не могли быть отнесены к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу»⁶.

Как объяснялось выше, персональные данные под псевдонимами подпадают под действие Общего регламента ЕС по защите персональных данных. Это определение четко описывает процедуру и подчеркивает, что данные, проходящие процесс псевдонимизации, классифицируются как персональные данные. Данные, используемые в этом процессе, по-прежнему связаны с физическим лицом, которое может быть идентифицировано, что соответствует определению персональных данных. Процесс псевдонимизации предотвращает только прямую идентификацию субъекта данных псевдонимизации (Mourby et al., 2018).

Как описано в п. 5 ст. 4 Общего регламента по защите данных, псевдонимизация – это такая обработка персональных данных, чтобы они не могли быть связаны с конкретным субъектом данных без использования дополнительной информации. Такая дополнительная информация должна храниться отдельно и с соблюдением технических и организационных мер, гарантирующих, что персональные данные не будут связаны с идентифицируемым лицом. Здесь проводится четкое различие между анонимизированными и псевдонимизированными данными. В первом случае принципы защиты данных неприменимы, поскольку субъект не идентифицирован или не может быть идентифицирован. Напротив, вторая категория должна соответствовать принципам защиты данных, поскольку они принадлежат идентифицируемому физическому лицу (Bolognini & Bistolfi, 2017). Это также разъясняется в п. 26 Общего регламента по защите данных, который гласит: «Принципы защиты данных должны применяться к любой информации, касающейся идентифицированного или поддающегося идентификации физического лица; персональные данные, подвергшиеся псевдонимизации, которые могут быть отнесены к физическому лицу с использованием дополнительной информации, следует рассматривать как информацию об идентифицируемом физическом лице...» (Finck & Pallas, 2020).

Таким образом, несмотря на то, что данные псевдонимизации могут быть соотношены с исходными данными их владельца, все субъекты, обрабатывающие и контролируемые персональные данные, должны обеспечить, чтобы любая дополнительная информация, используемая для реидентификации, хранилась отдельно. Это гарантирует, что другие стороны не смогут получить к ней доступ или использовать ее без разрешения для реидентификации исходных данных субъекта, прошедших процесс псевдонимизации (Huang & Zheng, 2023). Таким образом, реидентификацию можно предотвратить, обеспечив, чтобы неавторизованные стороны не получили доступ к дополнительным данным или информации, которую можно использовать для идентификации псевдонимизированных данных (Kohlmayer et al., 2019).

---

⁶ General Data Protection Regulation (EU GDPR). (2018, May 23). [GDPR-Text.com](https://www.gdpr-text.com). <https://goo.su/Ke5Byw>

Псевдонимизация представляет собой новый подход к контролю за распространением данных для обеспечения конфиденциальности владельца данных путем применения псевдонимов, которые скрывают взаимосвязь между данными и их владельцем. Цель состоит в осуществлении контроля над потоком информации, передаваемой отдельным лицам, для предотвращения их неправомерного использования. Кроме того, псевдонимизация также позволяет ограничить нежелательное раскрытие данных неавторизованными сторонами. Одним из методов ее реализации является шифрование. Данные, которые подвергаются процессу шифрования, преобразуются в специальные коды, которые генерируют открытый ключ (Suryawijaya, 2023). Псевдонимизация может решить проблемы конфиденциальности (защиты персональных данных), неразглашения и целостности. Область применения псевдонима охватывает данные или информацию, относящиеся к владельцу и псевдониму. Информация о псевдонимах должна быть известна только владельцу или уполномоченной стороне, поскольку с ее помощью можно раскрыть личность субъекта данных (Kumar Rai, 2016).

1.3. Значение анонимизированных данных

Анонимизация – это замена, изменение или удаление отдельных данных или информации таким образом, чтобы их невозможно было реидентифицировать. Следовательно, псевдонимизация отличается от анонимизации тем, что информация, обрабатываемая с помощью псевдонимизации, не удаляется полностью или маскируется, а лишь заменяется псевдонимом, что позволяет реидентифицировать ее с помощью дополнительной информации, хранящейся отдельно. Напротив, при анонимизации не только удаляются имена, но и, как правило, маскируется или полностью удаляется персональная информация, что делает невозможным идентификацию субъекта данных (Hintze & El Emam, 2018).

Псевдонимизация и анонимизация – это два разных понятия, но их часто путают в контексте защиты персональных данных. Из данных, которые подвергаются процессу анонимизации, удаляется любая информация, которая могла бы служить идентификатором субъекта данных. Другими словами, анонимные данные навсегда отключают персональные данные от конкретного идентифицированного или поддающегося идентификации лица. Между тем псевдонимизация не удаляет из данных всю идентифицирующую информацию, а лишь уменьшает связь набора данных с реальной личностью человека (Štarchoň & Pikulík, 2019). Рабочая группа ЕС по ст. 29 также разъяснила, что «псевдонимизация не является методом анонимизации, поскольку псевдонимизация только уменьшает связь набора данных с исходными данными о личности субъекта данных»⁷. Таким образом, данные будут считаться анонимными, если данные, которые подверглись деидентификации, не могут быть изменены или связаны с субъектом, которому они принадлежат (Mourby et al., 2018).

⁷ EU. (1995, October 24). Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24 October 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data. <https://clck.ru/3MEFan>

Анонимизация предназначена для предотвращения реидентификации данных или лиц, прошедших процедуру анонимизации. Поэтому анонимные данные не подпадают под действие принципов защиты данных. Это также объясняется в п. 26 Общего регламента, где говорится: «Таким образом, принципы защиты данных не должны применяться к анонимной информации, а именно к информации, которая не относится к идентифицированному или поддающемуся идентификации физическому лицу, или к персональным данным, обезличенным таким образом, что субъект данных не может быть идентифицирован или более не поддается идентификации»⁸.

Итак, анонимные данные не подпадают под принципы защиты персональных данных, поскольку они не могут быть привязаны к конкретному идентифицированному или поддающемуся идентификации лицу. Напротив, данные о псевдонимизации подпадают под действие принципов защиты персональных данных, поскольку они могут быть связаны с идентифицированным или поддающимся идентификации физическим лицом. Таким образом, Общий регламент по защите данных обязывает операторов персональных данных выделять дополнительную информацию, которая может быть использована для реидентификации данных о псевдонимизации. Кроме того, контролер данных также обязан рассмотреть все возможные средства или методы, которые определенные лица могли бы использовать для реидентификации данных псевдонимизации.

1.4. Значение агрегированных данных

Агрегированные данные – это данные, полученные в процессе агрегирования (группировки данных). Агрегирование представляет собой сбор и представление необработанных данных в обобщенной форме для статистического анализа. Агрегированные данные также называются статистическими данными и обычно отображаются в виде таблиц, диаграмм или графиков (Sinulingga, 2022). Таким образом, агрегированные данные не подпадают под защиту персональных данных, поскольку не могут реидентифицировать личность человека. Это также объясняется в п. 26 Общего регламента, в котором говорится: «Настоящее положение не касается обработки такой анонимной информации, в том числе в статистических или исследовательских целях»⁹.

Таким образом, исходя из приведенного выше объяснения, из трех типов данных, а именно псевдонимизированных, анонимизированных и агрегированных данных, только первые подпадают под действие принципов защиты персональных данных. Это связано с тем, что псевдонимизированные данные могут быть идентифицированы как исходные данные владельца, при этом дополнительная информация хранится отдельно.

---

⁸ Recital 26 General Data Protection Regulation. (2022).

⁹ Там же.

2. Взаимосвязь между защитой псевдонимизированных данных пользователей криптоактивов и торговлей криптоактивами

Криптовалюта – это валюта, не централизованная банками; она создается с использованием технологии компьютерного шифрования, записанной на блокчейн-платформе. Пользователи используют криптовалюту для хранения средств и совершения транзакций, хотя не все страны легализовали криптовалюту в качестве платежного средства в торговых операциях. Например, в соответствии со ст. 2 Закона № 7 от 2011 г. в Индонезии законным платежным средством является рупия (Setiawan et al., 2023). Таким образом, в Индонезии криптовалюта не является легальной валютой и ее нельзя использовать в качестве платежного средства. Об этом также прямо заявил Банк Индонезии. Кроме того, запрет на использование криптоактивов в качестве платежного средства четко регламентирован Постановлением Банка Индонезии № 20 от 2018 г., касающимся электронных денег (Chang, 2019).

С другой стороны, криптовалюта может использоваться в Индонезии в качестве инвестиционного инструмента, о чем говорилось выше (Ulya & Pambudi, 2024). Криптоактивы можно определить как частные активы, использующие систему блокчейна для обеспечения цифровой ценности или договорных прав. Эти активы могут передаваться, храниться или продаваться в электронном виде. В других странах криптоактивы обычно называют криптовалютой, и она может использоваться в качестве виртуальной валюты при совершении сделок купли-продажи (Pudjastuti & Westra, 2021). Однако в Индонезии криптоактивы могут использоваться только в качестве инвестиционных инструментов.

Криптоактивы – это цифровые валютные системы, защищенные с помощью криптографических методов (Faozi & Segara Gustanto, 2022). Криптография – это шифрование, которое преобразует текст в знаки или символы. Криптовалюта основана на технологии блокчейн (Ausop & Aulia, 2018). Таким образом, криптовалюта – это цифровая валюта, которая содержит цифровые данные, связанные с транзакциями пользователей с криптоактивами в системе блокчейн. Криптовалюта неотделима от блокчейна, поскольку последний функционирует как система хранения данных, необходимых тем, кто инвестирует в криптоактивы.

В компьютерных системах существует три типа сетей, один из которых – распределенная сеть. Распределенные системы не подчиняются никакому центральному органу; каждый узел системы является частью сети и напрямую связан с другими узлами (Suryawijaya, 2023).

Блокчейн реализует распределенную систему, поэтому все узлы сети имеют одинаковые права и обязанности по хранению информации и связаны между собой (Handoko et al., 2024). Системы, основанные на блокчейне, обеспечивают более высокий уровень прозрачности по сравнению с существующими системами бухгалтерского учета. Благодаря этому изменения видны всем в сети и транзакции не могут быть изменены или удалены после их ввода в блокчейн. Блокчейн обеспечивает прозрачность для всех участников сети, позволяя им видеть транзакции в системе (Nanda Sari & Gelar, 2024).

Кроме того, блокчейн также реализует децентрализованную систему, которая направлена на устранение участия посредников (третьих лиц), тем самым повышая прозрачность и доверие к системе (Abdul Karim & Hadinata, 2023). Децентрализованный блокчейн, по сути, позволяет каждому подключиться к сети, чтобы иметь доступ к системе (Suryawijaya, 2023). Более того, данные, которые были введены в блокчейн, не могут быть изменены или удалены. Данные в блоках также могут быть прослежены до предыдущих блоков. Транзакции, совершенные в прошлом, нельзя изменить, поэтому их можно легко отследить. Однако безопасность в блокчейн-системах не абсолютна. Это объясняется тем, что такая система прозрачна и децентрализована, поэтому каждый участник может видеть транзакции в сети (Jamwal et al., 2024). Блокчейну по-прежнему посвящено множество исследований, поскольку считается, что безопасность этой технологии еще не идеальна в аспекте защиты данных пользователей, как заявили ученые из Института открытых данных (Utomo, 2022).

Многие пользователи считают, что такая прозрачность не является проблемой для конфиденциальности из-за псевдонимизации, поскольку только пользователи с закрытым ключом могут переписать открытый ключ. При этом в соответствии с концепцией защиты персональных данных контролер должен быть в состоянии гарантировать, что хранящиеся данные остаются конфиденциальными и доступными и что только уполномоченные лица могут получить к ним доступ. Однако на самом деле система противоречит принципам конфиденциальности и доступности, поскольку блокчейн прозрачен и каждый может видеть данные, введенные в него (Tatar et al., 2020). Несмотря на то, что данные в блокчейне псевдонимизированы, исследования показали, что их можно соотнести с конкретными пользователями (скрытыми субъектами персональных данных) с помощью сопоставления данных в сети блокчейн с данными за ее пределами или путем анализа контекста транзакций, которые происходят в блокчейне с использованием сетевого анализа. Более того, реальная личность пользователя также может быть раскрыта при использовании информации вне сети. Кроме того, если дополнительные данные не хранятся отдельно от открытого ключа, они могут раскрыть реальную личность пользователя. Например, в одном из исследований было показано, что возможно идентифицировать владельцев криптоактивов, отслеживая псевдонимизированные адреса кошельков и данные транзакций в блокчейне (Tatar et al., 2020).

Таким образом, криптоактивы тесно связаны с обработкой данных в целях псевдонимизации. В механизме торговых транзакций криптоактивы тесно связаны с процессом псевдонимизации данных. Когда инвесторы осуществляют транзакции (обмен или перевод) криптоактивов, из криптоактивов в фиатные деньги или наоборот, или из одного криптоактива в другой, транзакция вводится в систему блокчейна в виде публичного адреса или адреса кошелька. В результате каждый пользователь блокчейна может видеть транзакции, совершенные инвесторами с криптоактивами, даже если они не знают личность пользователя, создавшего транзакцию, поскольку публичный адрес или адрес кошелька, введенный в блокчейн-систему, псевдонимизированы. Кроме того, трейдер сохраняет транзакцию в виде финансовой записи, о которой сообщает в Агентство по надзору за торговлей товарными фьючерсами (Commodity Futures Trading Regulatory Agency, CoFTRA). Это делается для того, чтобы предотвратить использование транзакций с криптоактивами для совершения преступных действий, таких как отмывание денег.

Таким образом, физическая торговля криптоактивами неотделима от обработки персональных данных при псевдонимизации, особенно в том, что касается защиты данных при псевдонимизации. Это связано с тем, что транзакции по торговле криптоактивами включают псевдонимизированные адреса кошельков, записанные в системе блокчейна. Кроме того, трейдеры обязаны применять принцип «Знай своего клиента» (KYC), что предполагает сбор персональных данных клиентов в рамках программ по борьбе с отмыванием денег и усилий по предотвращению финансирования терроризма и распространения оружия массового уничтожения. Таким образом, действия по сбору персональных данных трейдерами криптоактивов могут привести к получению «дополнительной информации», которая может быть использована для реидентификации данных псевдонимизации пользователей криптоактивов (Atikah, 2023).

Кроме того, продавцы физических криптоактивов собирают адреса псевдонимных кошельков в рамках правила контроля переводов. Этот нормативный акт требует от поставщиков услуг виртуальных активов (трейдеров криптоактивами) собирать, хранить и передавать определенную информацию об отправке и получении активов в каждой проводимой транзакции, включая те, которые пересекают границы юрисдикции (Maulana, 2024). Это соответствует правилам торговли криптоактивами в сети, когда публичный адрес пользователя или адрес кошелька записывается в блокчейне и на платформе, где осуществляются транзакции по торговле криптоактивами. Это повышает риск того, что публичный адрес клиента криптоактивов или адрес кошелька будет реидентифицирован с помощью дополнительной информации, полученной и собранной трейдером криптоактивов в рамках реализации принципа «знай своего клиента» (Alfin et al., 2024).

Итак, персональные данные обрабатываются в псевдонимизированной форме физическими трейдерами криптоактивов. Однако реализация правила контроля переводов не учитывает принцип защиты персональных данных в форме псевдонимизации, когда «дополнительная информация», которая может быть использована для реидентификации, должна храниться отдельно. Таким образом, торговля криптоактивами тесно связана с защитой данных инвесторов. Следовательно, нормативные акты должны гарантировать защиту обработки данных о псевдонимизации инвесторов в процессе транзакции с криптоактивами.

3. Регулирование псевдонимизации и реидентификации данных

3.1. Закон Индонезии о защите персональных данных

Защита персональных данных является конституционным правом граждан Индонезии. Это также подтверждается п. 2 ст. 1 Закона о защите персональных данных, в котором говорится, что защита персональных данных – это всеобщие усилия по защите персональных данных при их обработке для обеспечения конституционных прав субъектов персональных данных. Персональные данные, о которых идет речь, относятся к данным о физических лицах, которые идентифицируются или могут быть идентифицированы отдельно или в сочетании с другой информацией, прямо или косвенно, с помощью электронных или неэлектронных систем. Основываясь на разъяснении п. 1 ст. 1 Закона о защите персональных данных, в данной работе мы попытались обобщить значение данных для псевдонимизации. Псевдонимизация данных подразумевает изменение или замену

идентифицирующих характеристик данных на псевдоним таким образом, что это не позволяет идентифицировать субъекта данных напрямую без помощи дополнительной информации, хранящейся отдельно.

К сожалению, Закон о защите персональных данных не регулирует использование псевдонимов в качестве одного из видов данных, которые подлежат защите. Это видно из положений п. 1 ст. 4 указанного закона, который разделяет персональные данные на два типа: конкретные и общие. Конкретные персональные данные включают в себя данные о состоянии здоровья, судимости, детях, личных финансах; биометрические, генетические и другие данные, предусмотренные законодательством. Общие персональные данные включают полное имя, пол, национальность, вероисповедание, семейное положение и/или персональные данные, объединенные для идентификации личности (Adhiwisaksana & Allagan, 2023). Однако оба этих типа не включают данные о псевдонимизации в качестве части персональных данных, которые подлежат защите.

Несмотря на то, что подп. f п. 3 ст. 4 Закона о защите персональных данных включает «персональные данные, объединенные для идентификации личности», разъяснение к подп. f п. 3 ст. 4 указанного закона включает только номера сотовых телефонов и IP-адреса. Под термином «персональные данные, объединенные для идентификации личности» подразумевается, что данные используются для идентификации или установления связи с индивидуальным владельцем персональных данных. Таким образом, они принципиально отличаются от данных для псевдонимизации, которые не предназначены для идентификации или установления связи с физическими лицами. Напротив, данные псевдонимизации предназначены для сокрытия личности субъекта данных, что делает невозможной его реидентификацию без использования дополнительной информации, которая хранится отдельно.

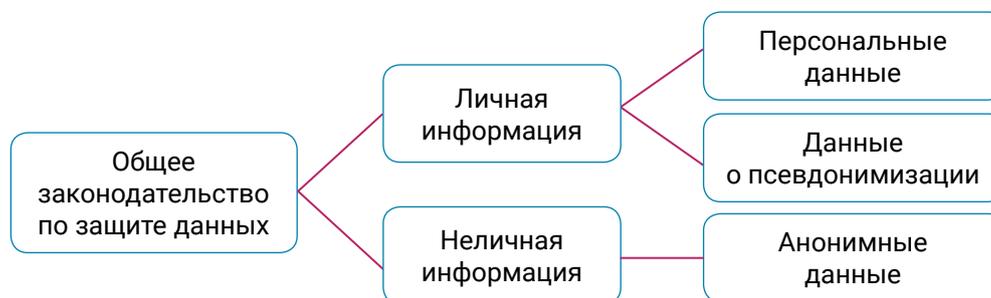
Более того, Закон о защите персональных данных не регулирует критерии реидентификации, которые необходимы для псевдонимизации данных. Этот закон также не регулирует требования к обработке данных о псевдонимизации, которые были реидентифицированы и считаются действительными. Он не рассматривает данные о псевдонимизации как данные, на которые распространяются принципы защиты данных. Таким образом, Закон о защите персональных данных не регулирует реидентификацию и обработку реидентифицированных персональных данных, что может привести к нарушениям прав в области персональных данных.

3.2. Общий регламент ЕС по защите персональных данных

Общий регламент Европейского союза по защите данных (далее – GDPR) включает в себя положения о деидентификации, одно из которых касается псевдонимизации. Регламент вводит концепцию псевдонимизации, что способствовало популяризации идеи псевдонимизации данных, которая относится к сфере персональных и анонимных данных. Определение информации о псевдонимизации подчеркивает, что хранение и защита дополнительной информации должны осуществляться отдельно. Это положение разъясняется в п. 5 ст. 4 GDPR (Joo & Kwon, 2023).

В п. 1 ст. 4 GDPR персональные данные определяются как «любая информация, относящаяся к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу («субъекту данных»); идентифицируемое физическое лицо – это лицо, которое может быть идентифицировано прямо или косвенно, в частности, путем ссылки на идентификатор, такой как имя, идентификационный номер, данные о местоположении,

онлайн-идентификатор или на один или несколько факторов, специфичных для физической, физиологической, генетической, ментальной, экономической, культурной или социальной идентичности данного физического лица» (Imakura et al., 2023). Ниже на рисунке представлены персональные данные, на которые распространяются принципы защиты данных в соответствии с GDPR (Joo & Kwon, 2023):

Персональные данные, отвечающие принципам защиты данных

Источник: (Joo & Kwon, 2023).

Общий регламент ЕС защищает данные о псевдонимизации, которые не считаются анонимными, поскольку они могут быть идентифицированы или реидентифицированы с использованием дополнительной информации, которая должна храниться отдельно (Limniotis, 2021). Регламент устанавливает принципы защиты данных для псевдонимизации, как описано в п. 26 GDPR: «Принципы защиты данных должны применяться к любой информации, касающейся идентифицированного или поддающегося идентификации физического лица; персональные данные, подвергшиеся псевдонимизации, которые могут быть отнесены к физическому лицу с использованием дополнительной информации, следует рассматривать как информацию о физическом лице, позволяющую установить его личность»¹⁰. Европейский союз включает данные о псевдонимизации в сферу персональных данных, поэтому они защищены законом (Wahyuningtyas, 2024).

Однако Регламент не содержит принципов защиты анонимных данных, как поясняется в п. 26 GDPR: «Таким образом, принципы защиты данных не должны применяться к анонимной информации, а именно к информации, которая не относится к идентифицированному или поддающемуся идентификации физическому лицу, или к персональным данным, обезличенным таким образом, что субъект данных не может быть идентифицирован или более не поддается идентификации»¹¹. Это связано с тем, что, по сути, анонимные данные предназначены для предотвращения реидентификации, а значит, данные, прошедшие процесс анонимизации, не могут быть связаны или реидентифицированы с конкретным человеком (Dat & An, 2024).

Таким образом, ст. 29 GDPR обязывает контролеров данных выделять дополнительную информацию, которая может быть использована для привязки персональных данных, подвергшихся псевдонимизации. Кроме того, контролер должен также учитывать все средства или методы, которые могут быть использованы для реидентификации псевдонимизированных данных. Такой порядок представляет

¹⁰ Recital 26 General Data Protection Regulation. (2022).

¹¹ Там же.

собой форму правовой защиты в случае обработки данных с псевдонимизацией (Finck & Pallas, 2020). К сожалению, Общий регламент ЕС по защите данных не содержит дополнительных положений, касающихся критериев реидентификации данных с псевдонимизацией, которые считаются действительными. С другой стороны, он обязывает страны-участницы устанавливать правовые нормы, применимые к нарушениям положений Регламента, как предусмотрено п. 1 ст. 84 GDPR.

3.3. Закон о защите данных 2018 г.

Общий регламент ЕС по защите данных (GDPR) распространяется на страны Европейского союза и требует включения его положений в соответствующие национальные законы о защите персональных данных. Таким образом, Регламент обязывает страны-участницы установить правовые нормы, применимые к нарушениям его положений, как предусмотрено п. 1 ст. 84 GDPR. Кроме того, страны-участницы должны также поощрять разработку этических кодексов, которые могут способствовать внедрению Регламента; это относится, в частности, к псевдонимизации данных, как указано в подп. d п. 2 ст. 40 GDPR. В связи с этим в Великобритании были приняты нормы защиты данных, а именно Закон о защите данных 2018 г., который регулирует реидентификацию данных с псевдонимизацией. Пункт 2 ст. 171 Закона о защите данных Великобритании от 2018 г. определяет деидентификацию и реидентификацию следующим образом:

«(a) персональные данные считаются «деидентифицированными», если они были обработаны таким образом, что их нельзя отнести к конкретному субъекту данных без использования дополнительных данных;

(b) лицо «реидентифицирует» информацию, если оно предпринимает шаги, в результате которых информация перестает быть деидентифицированной по смыслу подпункта (a)»¹².

Лицо, которое реидентифицирует обезличенную (псевдонимизированную) информацию, составляющую персональные данные, без согласия контролера, ответственного контролера или надзорного органа, нарушает правила обработки персональных данных, как установлено п. 1 ст. 171 Закона о защите данных от 2018 г. Таким образом, положения пп. 1 и 2 ст. 171 Закона о защите данных от 2018 г. относятся к псевдонимизации, как указано в п. 5 ст. 4 GDPR. Реидентификация псевдонимизированных данных является нарушением правил обработки персональных данных.

Однако Закон о защите данных 2018 г. предусматривает критерии для реидентификации, которые считаются действительными. Один из них отвечает общественным интересам, включая цели предотвращения или раскрытия преступлений, когда это требуется или разрешено законом или постановлением суда, а также в общественных интересах, как предусмотрено п. 3 ст. 171 указанного закона. Кроме того, идентификация считается действительной, если она основана на разумной уверенности или предназначена для специальных целей, таких как академические исследования, как предусмотрено п. 4 ст. 171. Данный закон также регулирует нарушения, связанные с обработкой реидентифицированных персональных данных, если выясняется, что такая обработка осуществлялась без разрешения ответственной стороны, а реидентификация нарушает положения п. 1 ст. 171.

¹² Data Protection Act. (2018), Article 171 Paragraph (2).

Закон о защите данных 2018 г. также содержит критерии для обработки реидентифицированных персональных данных, которые считаются законными, а именно в общественных интересах, включая цели предотвращения или раскрытия преступлений, требуемые или разрешенные законом или постановлением суда, и в иных общественных интересах, как регулируется п. 6 ст. 171 указанного закона. Кроме того, обработка реидентифицированных персональных данных считается законной, если она основана на разумных основаниях и для конкретных целей, таких как академические исследования, как это предусмотрено в п. 7 ст. 171. Однако п. 7 ст. 171 не включает «проверку эффективности» в качестве одного из критериев, тогда как в п. 4 ст. 171 проверка эффективности включена в критерии реидентификации, которые считаются действительными.

4. Проблемы защиты псевдонимизированных данных пользователей криптоактивов в Индонезии

Право на неприкосновенность частной жизни – это право каждого человека жить без вмешательства в его частную жизнь, будь то со стороны других людей или государства. Таким образом, государство несет ответственность и обязано регулировать и признавать эти права. Неприкосновенность частной жизни, как неотъемлемое право человека, может быть разделена на несколько видов, одним из которых является конфиденциальность информации. Информация, считающаяся частной, может быть представлена в различных формах в зависимости от ее предполагаемого использования. Симсон Гарфинкель делит ее на пять типов: личная информация, приватная информация, информация для удостоверения личности, псевдонимная или анонимная информация, агрегированная информация (Syailendra et al., 2024).

Право на неприкосновенность частной жизни косвенно регулируется п. 1 ст. 28G Конституции Республики Индонезия 1945 г. Защита персональных данных тесно связана с правом на неприкосновенность частной жизни, поскольку представляет собой один из видов этого права. Таким образом, защита персональных данных является частью прав человека, как это предусмотрено в п. 1 ст. 28G Конституции Республики Индонезия 1945 г. (Priskarini et al., 2019). Поэтому Индонезия приняла Закон о защите персональных данных как форму защиты прав человека, в частности права на неприкосновенность частной жизни.

К сожалению, Закон о защите персональных данных не может в полной мере обеспечить правовую защиту в отношении обработки данных, связанных с псевдонимизацией, особенно для пользователей криптоактивов. Это связано с тем, что указанный закон не регулирует данные, связанные с псевдонимизацией, как один из видов данных, которые подлежат защите. Таким образом, Закон о защите персональных данных, в частности ст. 4, которая регулирует типы персональных данных, пока не предусматривает регулирование «данных о псевдонимизации» как защищенного типа данных. Несмотря на то, что в подп. f п. 3 ст. 4 говорится о «совокупности персональных данных для идентификации лица», комментарий к нему упоминает только номера мобильных телефонов и IP-адреса. Кроме того, данные псевдонимизации предназначены не для идентификации, а для сокрытия личности субъекта, что делает невозможной прямую идентификацию без использования дополнительной информации, хранящейся отдельно.

Таким образом, Закон о защите персональных данных не может полностью гарантировать защиту персональных данных пользователей криптоактивов путем

обработки персональных данных в виде псевдонимизации. Транзакции с криптоактивами тесно связаны с обработкой персональных данных в форме псевдонимизации, поскольку транзакции (обмен или передача) криптоактивов, будь то из криптоактивов в фиатные деньги или наоборот, а также из одного криптоактива в другой, будут записываться в блокчейн-системе как публичный адрес под псевдонимом или адрес кошелька.

Кроме того, транзакция также записывается или сохраняется трейдером криптоактивов в виде имен отправителей и пользователей, адресов кошельков отправителя и получателя, а также адресов отправителя и пользователя в рамках правила контроля переводов. Это согласуется с правилами торговли криптоактивами в сети, когда публичный адрес пользователя/адрес кошелька записывается в блокчейн-системе и на платформе, которую пользователи используют для торговых транзакций.

Такая обработка информации представляет риск, поскольку публичный адрес клиента криптоактивов или адрес кошелька может быть реидентифицирован с использованием дополнительной информации, полученной и собранной трейдером криптоактивов в рамках реализации принципа «знай своего клиента» (Alfin et al., 2024). Таким образом, сбор персональных данных в виде данных псевдонимизации осуществляется вместе со сбором дополнительной информации, которая может быть использована для реидентификации данных псевдонимизации пользователей криптоактивов (Atikah, 2023).

Защита персональных данных в электронных системах должна осуществляться при соблюдении прав владельцев персональных данных на неприкосновенность частной жизни, поскольку персональные данные являются конфиденциальными. Таким образом, организаторы электронных систем, в данном случае физические торговцы криптоактивами, должны защищать электронную информацию, собранную в рамках применения правила контроля переводов или принципа «знай своего клиента» (Utomo, 2020). К сожалению, Закон о защите персональных данных не может гарантировать защиту при обработке персональных данных в форме псевдонимизации, поскольку, по сути, он не регулирует псевдонимизацию данных как один из видов данных, подлежащих защите. Это создает проблему для защиты данных псевдонимизации для пользователей криптоактивов, поскольку законодательство не предусматривает механизмов правовой защиты для обработки персональных данных в рамках псевдонимизации данных.

Следовательно, чтобы обеспечить правовую защиту пользователей криптоактивов, необходимо изменить Закон о защите персональных данных в части регулирования типов данных, которые подлежат защите. Это согласуется с теорией превентивной правовой защиты, выдвинутой Филипусом М. Хаджоном (Philipus M. Hadjon), которая предполагает установление правил, способных защитить каждого гражданина (Tirtakoesoemah & Arafat, 2019). Необходимо установить правила, регулирующие использование псевдонимов в качестве одного из видов данных, в отношении которых указанный закон гарантирует правовую защиту, предоставляемую государством пользователям криптоактивов при обработке персональных данных в форме псевдонимизации.

Это положение поможет обеспечить правовую определенность в отношении правовой защиты пользователей криптоактивов за счет обработки персональных данных в виде псевдонимизации, выполняемой физическими лицами, торгующими криптоактивами. В настоящее время пользователи криптоактивов не получают

правовой защиты в этой сфере, поскольку применяется правило контроля переводов. Кроме того, дополнительная информация, которая используется для идентификации данных псевдонимизации, не хранится отдельно, что делает ее уязвимой для использования сторонами, не уполномоченными на незаконную реидентификацию данных псевдонимизации (Ayunda, 2022).

По сообщению на веб-сайте Министерства торговли Республики Индонезия, число пользователей криптоактивов в стране выросло до 21,27 млн человек в период с февраля 2021 г. по сентябрь 2024 г. Новостные СМИ сообщали о предполагаемой утечке личной информации 13 млн пользователей Binance, включая имена, электронные письма, номера телефонов и адреса проживания. В настоящее время информация об утечке данных о псевдонимизации в Индонезии не подтверждена. Однако разглашение персональных данных в виде имен, адресов электронной почты и телефонных номеров может стать существенной причиной утечки данных о псевдонимизации. Эти данные могут быть использованы в качестве дополнительной информации для реидентификации лиц, которым принадлежат псевдонимизированные данные.

Кроме того, реидентификация псевдонимизированных данных также может привести к взлому личных адресов пользователей криптоактивов (компрометация закрытого ключа). Это означает несанкционированный доступ определенного лица к закрытому ключу пользователя криптоактивов. Расследование показало, что произошло 19 случаев компрометации секретного ключа, приведших к финансовым потерям в размере 641,54 млн долларов в 2022 г. и 231,00 млн долларов в 2023 г. (Multazam et al., 2024). Очевидно, что Индонезии необходимо создать надежную и скоординированную правовую систему в области информационных технологий для достижения правовой определенности в отношении защиты пользователей криптоактивов путем обработки персональных данных в форме псевдонимизации.

Это согласуется с теорией правовой конвергенции, выдвинутой Данриванто Будхиджанто (Danrivanto Budhijanto) на основе теории конвергенции 4С. Теория правовой конвергенции постулирует, что в цифровую эпоху технологические, экономические и правовые переменные в человеческих отношениях унифицируются. Ученый подчеркивает необходимость разработки законов как на национальном, так и на международном уровне, с учетом технологических достижений (Rizko Ramadoni et al., 2021). Исследования показали, что данные в блокчейнах могут быть соотнесены с физическими лицами (скрытые субъекты персональных данных) с помощью соответствующих технических средств. Это можно сделать, подключив данные, доступные в сети блокчейн, к данным за пределами сети и проанализировав контекст транзакций, которые происходят в блокчейне, с помощью сетевого анализа. Кроме того, реальная личность пользователя может быть раскрыта при использовании информации вне сети (Jamwal et al., 2024).

Таким образом, необходимо регламентировать данные о псевдонимизации в Законе о защите персональных данных, чтобы гарантировать правовую определенность в отношении правовой защиты обработки данных о псевдонимизации пользователей криптоактивов. Отсутствие такого регулирования создает проблему для пользователей криптоактивов, препятствуя им в получении правовой защиты в отношении обработки данных в форме псевдонимизации.

Заклучение

Защита персональных данных является частью права на неприкосновенность частной жизни, которое косвенно регулируется п. 1 ст. 28G Конституции Республики Индонезия 1945 г. среди других фундаментальных прав человека. Поэтому государство должно обеспечивать защиту обработки данных своих граждан, в том числе пользователей криптоактивов. Операции по торговле физическими криптоактивами тесно связаны с обработкой данных под псевдонимами. Транзакции с криптоактивами внутри сети в виде обменов или переводов записываются в блокчейн-систему как адрес кошелька или публичный адрес. Кроме того, трейдеры физическими криптоактивами также регистрируют и хранят детали транзакций, такие как имена отправителя и получателя, адреса кошельков отправителя и получателя, а также адреса отправителя и получателя, в рамках своих обязательств по применению правила контроля переводов.

В принципе, защита данных о псевдонимизации требует, чтобы дополнительная информация, которая может быть использована для реидентификации данных о псевдонимизации, хранилась отдельно. Однако на практике физические трейдеры криптоактивов занимаются обработкой данных о псевдонимизации пользователей криптоактивов. К сожалению, Закон о защите персональных данных не регулирует использование псевдонимов в качестве типа данных, на которые распространяются принципы защиты персональных данных. Кроме того, физические лица, торгующие криптоактивами, обязаны применять принцип «знай своего клиента».

Таким образом, ст. 4 Закона о защите персональных данных необходимо изменить, добавив «данные для псевдонимизации» в качестве одного из видов персональных данных. Это дало бы пользователям криптоактивов юридическую определенность в отношении правовой защиты при обработке персональных данных в качестве данных для псевдонимизации. Кроме того, Закон о защите персональных данных должен учитывать критерии реидентификации псевдонимизированных данных, которые считаются действительными, чтобы гарантировать юридическую определенность для пользователей криптоактивов. Таким образом, правовая защита пользователей криптоактивов при обработке персональных данных в форме псевдонимизации станет невозможной, поскольку будет регулироваться нормативными актами.

Список литературы

- Abdul Karim, M. S., & Hadinata, F. (2023). Implikasi Filosofis Desentralisasi Bitcoin Dalam Perspektif Empire Negri-Hardt. *Jaqfi: Jurnal Aqidah dan Filsafat Islam*, 8(1), 48–60. (In Indonesian). <https://doi.org/10.15575/jaqfi.v8i1.26627>
- Adhiwisaksana, M. F., & Allagan, T. M. P. (2023). Competent Forum and the Applicable Law in Personal Data Protection With Foreign Element. *Indonesian Journal of International Law*, 20(3), 442–470. <https://doi.org/10.17304/ijil.vol20.3.2>
- Alfin, M. H., Idayanti, S., & Rahayu, K. (2024). Regulasi Dan Mekanisme Jual Beli Aset Kripto Di Indonesia. *Jurnal Ilmiah Mahasiswa Ekonomi Syariah (JIMESHA)*, 3(2), 179–188. (In Indonesian). <https://doi.org/10.36908/jimesha.v3i2.312>
- Anand, G., Hernoko, A. Y., & Dharmadji, A. G. (2020). The Urgency of Enacting Personal Data Protection Law As a Patronage From the Development of Communication and Information Technology in Indonesia. *Perspektif*, 25(1), 54–62. <https://doi.org/10.30742/perspektif.v25i1.750>
- Anggen Suari, K. R., & Sarjana, I. M. (2023). Menjaga Privasi di Era Digital: Perlindungan Data Pribadi di Indonesia. *Jurnal Analisis Hukum*, 6(1), 132–142. (In Indonesian). <https://doi.org/10.38043/jah.v6i1.4484>

- Asrun, A. M. (2016). Hak Asasi Manusia Dalam Kerangka Negara Hukum: Catatan Perjuangan di Mahkamah Konstitusi. *Jurnal Cita Hukum*, 4(1), 133–154. (In Indonesian). <https://doi.org/10.15408/jch.v4i1.3200>
- Atikah, I. (2023). Perlindungan Hukum Pelanggan Aset Kripto Transaksi Perdagangan Berjangka Komoditi Indonesia. *SALAM: Jurnal Sosial Dan Budaya Syar-I*, 10(2), 497–514. (In Indonesian). <https://doi.org/10.15408/sjsbs.v10i2.31691>
- Ausop, A. Z., & Aulia, E. S. N. (2018). Teknologi Cryptocurrency Bitcoin Untuk Investasi Dan Transaksi Bisnis Menurut Syariat Islam. *Jurnal Sositeknologi*, 17(1), 74–92. (In Indonesian). <https://doi.org/10.5614/sostek.itbj.2018.17.1.8>
- Ayunda, R. (2022). Personal Data Protection to E-Commerce Consumer: What Are the Legal Challenges and Certainties? *Law Reform*, 18(2), 144–163. <https://doi.org/10.14710/lr.v18i2.43307>
- Bolognini, L., & Bistolfi, C. (2017). Pseudonymization and impacts of Big (personal/anonymous) Data processing in the transition from the Directive 95/46/EC to the new EU General Data Protection Regulation. *Computer Law and Security Review*, 33(2), 171–181. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2016.11.002>
- Chang, S. E. (2019). Legal Status of Cryptocurrency in Indonesia and Legal Analysis of the Business Activities in Terms of Cryptocurrency. *Brawijaya Law Journal*, 6(1), 76–93. <https://doi.org/10.21776/ub.blj.2019.006.01.06>
- Dat, H. L. N. T., & An, C. T. T. (2024). The Regulation of Data Transmission in the Digital Era: From the European Union's Perspective and Implications for Vietnam. *Vietnamese Journal of Legal Sciences*, 11(2), 1–13. <https://doi.org/10.2478/vjls-2024-0007>
- Dewi, S. (2017). Model Regulation for Data Privacy in the Application of Biometric Smart Card. *Brawijaya Law Journal*, 4(1), 117–128. <https://doi.org/10.21776/ub.blj.2017.004.01.06>
- Faozi, M., & Segara Gustanto, E. (2022). Kripto, Blockchain, Bitcoin, dan Masa Depan Bank Islam: Sebuah Literatur Review. *Quranomic: Jurnal Ekonomi Dan Bisnis Islam*, 1(2), 127–151. (In Indonesian).
- Finck, M., & Pallas, F. (2020). They who must not be identified – distinguishing personal from non-personal data under the GDPR. *International Data Privacy Law*, 10(1), 11–36. <https://doi.org/10.1093/idpl/ipz026>
- Handoko, R. M., Aulyansyah, B., Trisna, A., & Delon, R. (2024). Implementasi Blockchain Untuk Keamanan Sistem Pembayaran Digital dan Optimasi Transaksi Keuangan (Studi Kasus Industri Fintech di Indonesia). *Teknik: Jurnal Ilmu Teknik dan Informatika*, 4(2), 64–74. (In Indonesian).
- Hintze, M., & El Emam, K. (2018). Comparing the benefits of pseudonymisation and anonymisation under the GDPR. *Journal of Data Protection and Privacy*, 2(2), 145–158. <https://doi.org/10.69554/qsst9019>
- Huang, T., & Zheng, S. (2023). Using Differential Privacy to Define Personal, Anonymous, and Pseudonymous Data. *IEEE Access*, 11, 109225–109236. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2023.3321578>
- Imakura, A., Sakurai, T., Okada, Y., Fujii, T., Sakamoto, T., & Abe, H. (2023). Non-readily identifiable data collaboration analysis for multiple datasets including personal information. *Information Fusion*, 98, 101826. <https://doi.org/10.1016/j.inffus.2023.101826>
- Jamwal, S., Cano, J., Lee, G. M., Tran, N. H., & Truong, N. (2024). A survey on Ethereum pseudonymity: Techniques, challenges, and future directions. *Journal of Network and Computer Applications*, 232, 104019. <https://doi.org/10.1016/j.jnca.2024.104019>
- Jati, Hardian Satria, Zulfikar, A. A. (2021). Transaksi Cryptocurrency Perspektif Hukum Ekonomi Syariah. *Al-Adalah: Jurnal Hukum Dan Politik Islam*, 6(2), 137–148. (In Indonesian). EDN: <https://elibrary.ru/mrkhni>. DOI: <https://doi.org/10.35673/ajmpi.v6i2.1616>
- Joo, M. H., & Kwon, H. Y. (2023). Comparison of personal information de-identification policies and laws within the EU, the US, Japan, and South Korea. *Government Information Quarterly*, 40(2), 101805. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2023.101805>
- Jose, N. S. (2023). Information and Communication Technologies and the Right to Informational Privacy in Health Care: A Comprehensive Analysis. *Brawijaya Law Journal*, 10(1), 34–58. <https://doi.org/10.21776/ub.blj.2023.010.01.03>
- Kohlmayer, F., Lautenschläger, R., & Prasser, F. (2019). Pseudonymization for research data collection: Is the juice worth the squeeze? *BMC Medical Informatics and Decision Making*, 19(1), 1–7. <https://doi.org/10.1186/s12911-019-0905-x>
- Kumar Rai, B. (2016). Pseudonymization Techniques for Providing Privacy and Security in EHR. *International Journal of Emerging Trends & Technology in Computer Science*, 5(4).
- Limniotis, K. (2021). Cryptography as the means to protect fundamental human rights. *Cryptography*, 5(4), 1–33. <https://doi.org/10.3390/cryptography5040034>
- Maulana, E. T. (2024). Regulasi Travel Rule Terhadap Transaksi Aset Virtual Lintas Batas Dalam Konteks Decentralized Finance Di Indonesia: Studi Banding Terhadap Markets In Crypto-Assets (Mica) Di Uni Eropa. *JURNAL RECTUM: Tinjauan Yuridis Penanganan Tindak Pidana*, 6(3), 565–584. (In Indonesian).

- Mourby, M., Mackey, E., Elliot, M., Gowans, H., Wallace, S. E., Bell, J., Smith, H., Aidinlis, S., & Kaye, J. (2018). Are 'pseudonymised' data always personal data? Implications of the GDPR for administrative data research in the UK. *Computer Law and Security Review*, 34(2), 222–233. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2018.01.002>
- Multazam, M. T., Phahlevi, R. R., Purnomo, M. I., Purwaningsih, S. B., & Sabirov, B. (2024). Securing Blockchain Enterprises: Legal Due Diligence Amidst Rising Cyber Threats. *Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum (Journal of Law)*, 11(1), 26–52. <https://doi.org/10.22304/pjih.v11n1.a2>
- Nanda Sari, A., & Gelar, T. (2024). Blockchain: Teknologi Dan Implementasinya. *Jurnal Mnemonic*, 7(1), 63–70. (In Indonesian). <https://doi.org/10.36040/mnemonic.v7i1.6961>
- Pelletter, M., & Ophoff, J. (2016). A review of information privacy and its importance to consumers and organizations. *Informing Science*, 19(1), 277–301. <https://doi.org/10.28945/3573>
- Priliasari, E. (2023). Perlindungan Data Pribadi Konsumen Dalam Transaksi E-Commerce Menurut Peraturan Perundang-Undangan Di Indonesia (Legal Protection Of Consumer Personal Data In E-Commerce According To Laws Dan Regulations In Indonesia). *Jurnal Rechts Vinding*, 12(2), 261–279. (In Indonesian).
- Priskarini, I. A., Pranoto, & Tejomurti, K. (2019). The Role of The Financial Services Authority in The Legal Protection of Privacy Rights in Connection with Personal Data of Fintech Lending Debtor in Indonesia. *Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum (Journal of Law)*, 6(3), 556–575. <https://doi.org/10.22304/pjih.v6n3.a7>
- Pudjastuti, K. G., & Westra, I. K. (2021). Legalitas Mata Uang Virtual Bitcoin Dalam Transaksi Online Di Indonesia. *Kertha Wicara: Journal Ilmu Hukum*, 9(11), 1–10. (In Indonesian).
- Rizko Ramadoni, S., Sukarmi, S., & Nur Widhiyanti, H. (2021). Konvergensi Hukum Penentuan Suku Bunga dalam Layanan Pinjam Meminjam Uang Berbasis Teknologi Informasi. *Jurnal Magister Hukum Udayana (Udayana Master Law Journal)*, 9(4), 821–837. (In Indonesian). <https://doi.org/10.24843/jmhu.2020.v09.i04.p11>
- Rohmansyah, D. A., Saputra, K. M., & Sholih, B. (2023). Urgensi Perlindungan Hak Asasi Anak Atas Data Pribadi di Era Digitilisasi Berdasarkan Prinsip Negara Hukum. *AL-MANHAJ: Jurnal Hukum Dan Pranata Sosial Islam*, 5(2), 1099–1110. (In Indonesian).
- Setiawan, R. C., Idayanti, S., & Wildan, M. (2023). Perkembangan Komoditi Digital Dalam Aset Kripto Di Indonesia. *Pancasakti Law Journal*, 1(2), 369–384. (In Indonesian). <https://doi.org/10.24905/plj.v1i2.32>
- Sinaga, E. M. C., & Putri, M. Ch. (2020). Formulasi Legislasi Perlindungan Data Pribadi Dalam Revolusi Industri 4.0. *Rechts Vinding: Media Pembinaan Hukum Nasional*, 9(2), 237–256. (In Indonesian). <https://doi.org/10.33331/rechtsvinding.v9i2.428>
- Sinulingga, D. A. (2022). Legal Certainty of Aggregate Data Utilization in The Design of Personal Data Protection Bill. *Jambura Law Review*, 4(1), 18–37. <https://doi.org/10.33756/jlr.v4i1.11973>
- Soraja, A. (2021). Perlindungan Hukum Atas Hak Privasi Dan Data Pribadi Dalam Perspektif Ham. *Seminar Nasional – Kota Ramah Hak Asasi Manusia*, 1, 20–32. (In Indonesian).
- Štarchoň, P., & Pikulík, T. (2019). GDPR principles in data protection encourage pseudonymization through most popular and full-personalized devices – mobile phones. *Procedia Computer Science*, 151(2018), 303–312. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2019.04.043>
- Suryawijaya, T. W. E. (2023). Memperkuat Keamanan Data melalui Teknologi Blockchain: Mengeksplorasi Implementasi Sukses dalam Transformasi Digital di Indonesia. *Jurnal Studi Kebijakan Publik*, 2(1), 55–68. (In Indonesian). <https://doi.org/10.21787/jskp.2.2023.55-68>
- Syailendra, M. R., Lie, G., & Sudiro, A. (2024). Personal Data Protection Law in Indonesia: Challenges and Opportunities. *Indonesia Law Review*, 14(2), 56–72.
- Tatar, U., Gokce, Y., & Nussbaum, B. (2020). Law versus technology: Blockchain, GDPR, and tough tradeoffs. *Computer Law and Security Review*, 38, 105454. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2020.105454>
- Tirtakoesoemah, A. J., & Arafat, M. R. (2019). Penerapan Teori Perlindungan Hukum Terhadap Hak Cipta Atas Penyiaran. *Pena Justisia*, 18(1), 1–14. (In Indonesian). <https://doi.org/10.31941/pj.v18i1.1084>
- Ulya, W., & Pambudi, L. A. (2024). Analisis Kebijakan Cryptocurrency dalam Perspektif Sadd Al-Dzari'ah. *Jurnal Al Azhar Indonesia Seri Ilmu Sosial*, 5(2), 102–111. (In Indonesian).
- Utomo, T. P. (2022). Implementasi Teknologi Blockchain Di Perpustakaan: Peluang, Tantangan Dan Hambatan. *Buletin Perpustakaan*, 4(2), 173–200. (In Indonesian).
- Utomo, Y. A. (2020). Legal Protection for Problem Debtor Related to the Use of the Artificial Intelligence System in Peer to Peer Lending. *Yuridika*, 35(3), 657. <https://doi.org/10.20473/ydk.v35i3.19007>
- Wahyuningtyas, S. Yu. (2024). Legal Issues of Online Reputation Portability in the Digital Economy. *Jurnal Perkotaan*, 15(2), 63–81. <https://doi.org/10.25170/perkotaan.v15i2.5670>
- Yetno, A. (2021). Perlindungan Data Pribadi Dengan Prinsip Mengutamakan Melindungi Privasi Pengguna Dalam Upaya Mewujudkan Tujuan Hukum Di Indonesia. *Satya Dharma: Journal Ilmu Hukum*, 4(1). (In Indonesian).

Сведения об авторах

Маюна И Команг Оки – магистрант в области права, факультет права, Университет Бравиджая

Адрес: Индонезия, 65145, провинция Западной Явы, г. Маланг, ул. МТ. Арьоно, д. 169

E-mail: okimayuna04@student.ub.ac.id

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-0016-4788>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=H4clKpwAAAAJ>

Девантара Река – доктор права, доцент, факультет права, Университет Бравиджая

Адрес: Индонезия, 65145, провинция Западной Явы, г. Маланг, ул. МТ. Арьоно, д. 169

E-mail: rainerfh@ub.ac.id

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6010-0279>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=58317982600>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.co.id/citations?user=kP38YuQAAAAJ>

Руслиджанто Патриция Одри – доктор права, доцент, факультет права, Университет Бравиджая

Адрес: Индонезия, 65145, провинция Западной Явы, г. Маланг, ул. МТ. Арьоно, д. 169

E-mail: patricia@ub.ac.id

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-6621-832X>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57201777768>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=TSr2eYoAAAAJ>

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку концепции, методологии, валидацию, формальный анализ, проведение исследования, подбор источников, написание и редактирование текста, руководство и управление проектом.

Конфликт интересов

Авторы сообщают об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.19.31 / Право на информацию

Специальность ВАК: 5.1.3 / Частно-правовые (цивилистические) науки

История статьи

Дата поступления – 21 февраля 2025 г.

Дата одобрения после рецензирования – 15 марта 2025 г.

Дата принятия к опубликованию – 20 июня 2025 г.

Дата онлайн-размещения – 25 июня 2025 г.

Research article

UDC 34:004:346.6:004.7

EDN: <https://elibrary.ru/lqycmn>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.12>

Pseudonymization of Personal Data of Crypto Assets Users: Issues of Legal Regulation in Indonesia

I Komang Oki Mayuna

Brawijaya University, Malang, Indonesia

Reka Dewantara

Brawijaya University, Malang, Indonesia

Patricia Audrey Ruslijanto

Brawijaya University, Malang, Indonesia

Keywords

blockchain technology,
crypto assets,
cryptocurrency,
digital technologies,
law,
legislation,
personal data protection,
personal data,
pseudonymization,
trading in crypto assets

Abstract

Objective: to analyze the possibility of providing legal protection for pseudonymized personal data of crypto assets users in the legal system of Indonesia.

Methods: the work uses a comprehensive legal analysis based on the study of the current regulatory legal acts of Indonesia in the field of personal data protection. The research was carried out using legislative, conceptual and comparative methodological approaches, including an analysis of the Indonesian Law on Personal Data Protection, the EU General Regulation on Personal Data Protection, and the British Data Protection Act.

Results: it was established that pseudonymization of crypto assets user data in Indonesia is feasible from a legal point of view; however, the existing legislation contains significant gaps. The current Indonesian Personal Data Protection Law does not recognize pseudonymized data as a separate category of personal data subject to legal protection. The authors point out the problems with the implementation of the rule for controlling transfers of crypto assets by physical traders. As additional information for the re-identification of pseudonymized data is not stored separately, it increases the risks of privacy violations.

 Corresponding author

© Mayuna I K. O., Dewantara R., Ruslijanto P. A., 2025

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Scientific novelty: the authors provide a comprehensive analysis of the legal mechanisms for protecting pseudonymized data in the context of cryptocurrency transactions. A conceptual model is proposed for improving national legislation on personal data protection. It implies including pseudonymized data as a separate category of protected information. Recommendations are given, which establish criteria for the legitimate re-identification of pseudonymized data to ensure legal certainty in the field of protecting crypto assets users.

Practical significance: the research results can serve as a theoretical and methodological basis for reforming the Indonesian Law on Personal Data Protection and creating an effective legal mechanism for protecting crypto assets users. The proposed amendments to Article 4 of the said Law will make it possible to include pseudonymized data in the list of protected categories of personal data, which will provide legal certainty for participants in the cryptocurrency market and increase the level of their personal data protection in the digital economy.

For citation

Mayuna, I K. O., Dewantara, R., & Ruslijanto, P. A. (2025). Pseudonymization of Personal Data of Crypto Assets Users: Issues of Legal Regulation in Indonesia. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(2), 275–303. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.12>

References

- Abdul Karim, M. S., & Hadinata, F. (2023). Implikasi Filosofis Desentralisasi Bitcoin Dalam Perspektif Empire Negri-Hardt. *Jaqfi: Jurnal Aqidah dan Filsafat Islam*, 8(1), 48–60. (In Indonesian). <https://doi.org/10.15575/jaqfi.v8i1.26627>
- Adhiwisaksana, M. F., & Allagan, T. M. P. (2023). Competent Forum and the Applicable Law in Personal Data Protection With Foreign Element. *Indonesian Journal of International Law*, 20(3), 442–470. <https://doi.org/10.17304/ijil.vol20.3.2>
- Alfin, M. H., Idayanti, S., & Rahayu, K. (2024). Regulasi Dan Mekanisme Jual Beli Aset Kripto Di Indonesia. *Jurnal Ilmiah Mahasiswa Ekonomi Syariah (JIMESHA)*, 3(2), 179–188. (In Indonesian). <https://doi.org/10.36908/jimesha.v3i2.312>
- Anand, G., Hernoko, A. Y., & Dharmadji, A. G. (2020). The Urgency of Enacting Personal Data Protection Law As a Patronage From the Development of Communication and Information Technology in Indonesia. *Perspektif*, 25(1), 54–62. <https://doi.org/10.30742/perspektif.v25i1.750>
- Anggen Suari, K. R., & Sarjana, I. M. (2023). Menjaga Privasi di Era Digital: Perlindungan Data Pribadi di Indonesia. *Jurnal Analisis Hukum*, 6(1), 132–142. (In Indonesian). <https://doi.org/10.38043/jah.v6i1.4484>
- Asrun, A. M. (2016). Hak Asasi Manusia Dalam Kerangka Negara Hukum: Catatan Perjuangan di Mahkamah Konstitusi. *Jurnal Cita Hukum*, 4(1), 133–154. (In Indonesian). <https://doi.org/10.15408/jch.v4i1.3200>
- Atikah, I. (2023). Perlindungan Hukum Pelanggan Aset Kripto Transaksi Perdagangan Berjangka Komoditi Indonesia. *SALAM: Jurnal Sosial Dan Budaya Syar-I*, 10(2), 497–514. (In Indonesian). <https://doi.org/10.15408/sjsbs.v10i2.31691>
- Ausop, A. Z., & Aulia, E. S. N. (2018). Teknologi Cryptocurrency Bitcoin Untuk Investasi Dan Transaksi Bisnis Menurut Syariat Islam. *Jurnal Sositologi*, 17(1), 74–92. (In Indonesian). <https://doi.org/10.5614/sostek.itbj.2018.17.1.8>
- Ayunda, R. (2022). Personal Data Protection to E-Commerce Consumer: What Are the Legal Challenges and Certainties? *Law Reform*, 18(2), 144–163. <https://doi.org/10.14710/lr.v18i2.43307>

- Bolognini, L., & Bistolfi, C. (2017). Pseudonymization and impacts of Big (personal/anonymous) Data processing in the transition from the Directive 95/46/EC to the new EU General Data Protection Regulation. *Computer Law and Security Review*, 33(2), 171–181. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2016.11.002>
- Chang, S. E. (2019). Legal Status of Cryptocurrency in Indonesia and Legal Analysis of the Business Activities in Terms of Cryptocurrency. *Brawijaya Law Journal*, 6(1), 76–93. <https://doi.org/10.21776/ub.blj.2019.006.01.06>
- Dat, H. L. N. T., & An, C. T. T. (2024). The Regulation of Data Transmission in the Digital Era: From the European Union's Perspective and Implications for Vietnam. *Vietnamese Journal of Legal Sciences*, 11(2), 1–13. <https://doi.org/10.2478/vjls-2024-0007>
- Dewi, S. (2017). Model Regulation for Data Privacy in the Application of Biometric Smart Card. *Brawijaya Law Journal*, 4(1), 117–128. <https://doi.org/10.21776/ub.blj.2017.004.01.06>
- Faozi, M., & Segara Gustanto, E. (2022). Kripto, Blockchain, Bitcoin, dan Masa Depan Bank Islam: Sebuah Literatur Review. *Quranomic: Jurnal Ekonomi Dan Bisnis Islam*, 1(2), 127–151. (In Indonesian).
- Finck, M., & Pallas, F. (2020). They who must not be identified – distinguishing personal from non-personal data under the GDPR. *International Data Privacy Law*, 10(1), 11–36. <https://doi.org/10.1093/idpl/ipy026>
- Handoko, R. M., Aulyansyah, B., Trisna, A., & Delon, R. (2024). Implementasi Blockchain Untuk Keamanan Sistem Pembayaran Digital dan Optimasi Transaksi Keuangan (Studi Kasus Industri Fintech di Indonesia). *Teknik: Jurnal Ilmu Teknik dan Informatika*, 4(2), 64–74. (In Indonesian).
- Hintze, M., & El Emam, K. (2018). Comparing the benefits of pseudonymisation and anonymisation under the GDPR. *Journal of Data Protection and Privacy*, 2(2), 145–158. <https://doi.org/10.69554/qsst9019>
- Huang, T., & Zheng, S. (2023). Using Differential Privacy to Define Personal, Anonymous, and Pseudonymous Data. *IEEE Access*, 11, 109225–109236. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2023.3321578>
- Imakura, A., Sakurai, T., Okada, Y., Fujii, T., Sakamoto, T., & Abe, H. (2023). Non-readily identifiable data collaboration analysis for multiple datasets including personal information. *Information Fusion*, 98, 101826. <https://doi.org/10.1016/j.inffus.2023.101826>
- Jamwal, S., Cano, J., Lee, G. M., Tran, N. H., & Truong, N. (2024). A survey on Ethereum pseudonymity: Techniques, challenges, and future directions. *Journal of Network and Computer Applications*, 232, 104019. <https://doi.org/10.1016/j.jnca.2024.104019>
- Jati, Hardian Satria, Zulfikar, A. A. (2021). Transaksi Cryptocurrency Perspektif Hukum Ekonomi Syariah. *Al-Adalah: Jurnal Hukum Dan Politik Islam*, 6(2), 137–148. (In Indonesian). EDN: <https://elibrary.ru/mrkhni>. DOI: <https://doi.org/10.35673/ajmpi.v6i2.1616>
- Joo, M. H., & Kwon, H. Y. (2023). Comparison of personal information de-identification policies and laws within the EU, the US, Japan, and South Korea. *Government Information Quarterly*, 40(2), 101805. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2023.101805>
- Jose, N. S. (2023). Information and Communication Technologies and the Right to Informational Privacy in Health Care: A Comprehensive Analysis. *Brawijaya Law Journal*, 10(1), 34–58. <https://doi.org/10.21776/ub.blj.2023.010.01.03>
- Kohlmayer, F., Lautenschläger, R., & Prasser, F. (2019). Pseudonymization for research data collection: Is the juice worth the squeeze? *BMC Medical Informatics and Decision Making*, 19(1), 1–7. <https://doi.org/10.1186/s12911-019-0905-x>
- Kumar Rai, B. (2016). Pseudonymization Techniques for Providing Privacy and Security in EHR. *International Journal of Emerging Trends & Technology in Computer Science*, 5(4).
- Limnietis, K. (2021). Cryptography as the means to protect fundamental human rights. *Cryptography*, 5(4), 1–33. <https://doi.org/10.3390/cryptography5040034>
- Maulana, E. T. (2024). Regulasi Travel Rule Terhadap Transaksi Aset Virtual Lintas Batas Dalam Konteks Decentralized Finance Di Indonesia: Studi Banding Terhadap Markets In Crypto-Assets (Mica) Di Uni Eropa. *JURNAL RECTUM: Tinjauan Yuridis Penanganan Tindak Pidana*, 6(3), 565–584. (In Indonesian).
- Mourby, M., Mackey, E., Elliot, M., Gowans, H., Wallace, S. E., Bell, J., Smith, H., Aidinlis, S., & Kaye, J. (2018). Are 'pseudonymised' data always personal data? Implications of the GDPR for administrative data research in the UK. *Computer Law and Security Review*, 34(2), 222–233. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2018.01.002>
- Multazam, M. T., Phahlevi, R. R., Purnomo, M. I., Purwaningsih, S. B., & Sabirov, B. (2024). Securing Blockchain Enterprises: Legal Due Diligence Amidst Rising Cyber Threats. *Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum (Journal of Law)*, 11(1), 26–52. <https://doi.org/10.22304/pjih.v11n1.a2>
- Nanda Sari, A., & Gelar, T. (2024). Blockchain: Teknologi Dan Implementasinya. *Jurnal Mnemonic*, 7(1), 63–70. (In Indonesian). <https://doi.org/10.36040/mnemonic.v7i1.6961>
- Pelteret, M., & Ophoff, J. (2016). A review of information privacy and its importance to consumers and organizations. *Informing Science*, 19(1), 277–301. <https://doi.org/10.28945/3573>

- Priliasari, E. (2023). Perlindungan Data Pribadi Konsumen Dalam Transaksi E-Commerce Menurut Peraturan Perundang-Undangan Di Indonesia (Legal Protection Of Consumer Personal Data In E-Commerce According To Laws Dan Regulations In Indonesia). *Jurnal Rechts Vinding*, 12(2), 261–279. (In Indonesian).
- Priskarini, I. A., Pranoto, & Tejomurti, K. (2019). The Role of The Financial Services Authority in The Legal Protection of Privacy Rights in Connection with Personal Data of Fintech Lending Debtor in Indonesia. *Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum (Journal of Law)*, 6(3), 556–575. <https://doi.org/10.22304/pjih.v6n3.a7>
- Pudjastuti, K. G., & Westra, I. K. (2021). Legalitas Mata Uang Virtual Bitcoin Dalam Transaksi Online Di Indonesia. *Kertha Wicara: Journal Ilmu Hukum*, 9(11), 1–10. (In Indonesian).
- Rizko Ramadoni, S., Sukarmi, S., & Nur Widhiyanti, H. (2021). Konvergensi Hukum Penentuan Suku Bunga dalam Layanan Pinjam Meminjam Uang Berbasis Teknologi Informasi. *Jurnal Magister Hukum Udayana (Udayana Master Law Journal)*, 9(4), 821–837. (In Indonesian). <https://doi.org/10.24843/jmhu.2020.v09.i04.p11>
- Rohmansyah, D. A., Saputra, K. M., & Sholih, B. (2023). Urgensi Perlindungan Hak Asasi Anak Atas Data Pribadi di Era Digitilisasi Berdasarkan Prinsip Negara Hukum. *AL-MANHAJ: Jurnal Hukum Dan Pranata Sosial Islam*, 5(2), 1099–1110. (In Indonesian). <https://doi.org/10.37680/almanhaj.v5i2.3054>
- Setiawan, R. C., Idayanti, S., & Wildan, M. (2023). Perkembangan Komoditi Digital Dalam Aset Kripto Di Indonesia. *Pancasakti Law Journal*, 1(2), 369–384. (In Indonesian).
- Sinaga, E. M. C., & Putri, M. Ch. (2020). Formulasi Legislasi Perlindungan Data Pribadi Dalam Revolusi Industri 4.0. *Rechts Vinding: Media Pembinaan Hukum Nasional*, 9(2), 237–256. (In Indonesian). <https://doi.org/10.33331/rechtsvinding.v9i2.428>
- Sinulingga, D. A. (2022). Legal Certainty of Aggregate Data Utilization in The Design of Personal Data Protection Bill. *Jambura Law Review*, 4(1), 18–37. <https://doi.org/10.33756/jlr.v4i1.11973>
- Soraja, A. (2021). Perlindungan Hukum Atas Hak Privasi Dan Data Pribadi Dalam Perspektif Ham. *Seminar Nasional – Kota Ramah Hak Asasi Manusia*, 1, 20–32. (In Indonesian).
- Štarchoň, P., & Pikulík, T. (2019). GDPR principles in data protection encourage pseudonymization through most popular and full-personalized devices – mobile phones. *Procedia Computer Science*, 151(2018), 303–312. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2019.04.043>
- Suryawijaya, T. W. E. (2023). Memperkuat Keamanan Data melalui Teknologi Blockchain: Mengeksplorasi Implementasi Sukses dalam Transformasi Digital di Indonesia. *Jurnal Studi Kebijakan Publik*, 2(1), 55–68. (In Indonesian). <https://doi.org/10.21787/jskp.2.2023.55-68>
- Syailendra, M. R., Lie, G., & Sudiro, A. (2024). Personal Data Protection Law in Indonesia: Challenges and Opportunities. *Indonesia Law Review*, 14(2), 56–72.
- Tatar, U., Gokce, Y., & Nussbaum, B. (2020). Law versus technology: Blockchain, GDPR, and tough tradeoffs. *Computer Law and Security Review*, 38, 105454. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2020.105454>
- Tirtakoesoemah, A. J., & Arafat, M. R. (2019). Penerapan Teori Perlindungan Hukum Terhadap Hak Cipta Atas Penyiaran. *Pena Justisia*, 18(1), 1–14. (In Indonesian). <https://doi.org/10.31941/pj.v18i1.1084>
- Ulya, W., & Pambudi, L. A. (2024). Analisis Kebijakan Cryptocurrency dalam Perspektif Sadd Al-Dzari'ah. *Jurnal Al Azhar Indonesia Seri Ilmu Sosial*, 5(2), 102–111. (In Indonesian).
- Utomo, T. P. (2022). Implementasi Teknologi Blockchain Di Perpustakaan: Peluang, Tantangan Dan Hambatan. *Buletin Perpustakaan*, 4(2), 173–200. (In Indonesian).
- Utomo, Y. A. (2020). Legal Protection for Problem Debtor Related to the Use of the Artificial Intelligence System in Peer to Peer Lending. *Yuridika*, 35(3), 657. <https://doi.org/10.20473/ydk.v35i3.19007>
- Wahyuningtyas, S. Yu. (2024). Legal Issues of Online Reputation Portability in the Digital Economy. *Jurnal Perkotaan*, 15(2), 63–81. <https://doi.org/10.25170/perkotaan.v15i2.5670>
- Yetno, A. (2021). Perlindungan Data Pribadi Dengan Prinsip Mengutamakan Melindungi Privasi Pengguna Dalam Upaya Mewujudkan Tujuan Hukum Di Indonesia. *Satya Dharma: Journal Ilmu Hukum*, 4(1). (In Indonesian).

Authors information

Mayuna I Komang Oki – Master of Law Student, Faculty of Law, Brawijaya University
Address: MT. Haryono St 169, Malang City, East Java Province, Indonesia, 65145
E-mail: okimayuna04@student.ub.ac.id
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-0016-4788>
Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=H4clKpwAAAAJ>

Dewantara Reka – Dr. (Law), Associate Professor, Faculty of Law, Brawijaya University
Address: MT. Haryono St 169, Malang City, East Java Province, Indonesia, 65145
E-mail: rainerfh@ub.ac.id
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6010-0279>
Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=58317982600>
Google Scholar ID: <https://scholar.google.co.id/citations?user=kP38YuQAAAAJ>

Ruslijanto Patricia Audrey – Dr. (Law), Associate Professor, Faculty of Law, Brawijaya University
Address: MT. Haryono St 169, Malang City, East Java Province, Indonesia, 65145
E-mail: patricia@ub.ac.id
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-6621-832X>
Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57201777768>
Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=TSr2eYoAAAAJ>

Authors' contributions

The authors have contributed equally into the concept and methodology elaboration, validation, formal analysis, research, selection of sources, text writing and editing, project guidance and management.

Conflict of interest

The authors declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – February 21, 2025

Date of approval – March 15, 2025

Date of acceptance – June 20, 2025

Date of online placement – June 25, 2025

Научная статья

УДК 34:004:34.096:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/nzbqnm>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.13>

Правовые барьеры цифровых слияний и поглощений: антимонопольное регулирование технологического сектора

Колаволе Афувапе

Глобальный университет им. О. П. Джиндала, Сонипат, Индия

Ключевые слова

антимонопольное законодательство, доминирующее положение, законодательство, конкуренция, право, слияние и поглощение, технологический гигант, технологический сектор, цифровая экономика, цифровые технологии

Аннотация

Цель: определить характер и степень влияния антимонопольного законодательства Европейского союза и Соединенных Штатов Америки на процессы слияний и поглощений в технологическом секторе.

Методы: в работе использован сравнительный и междисциплинарный подход, сочетающий правовой анализ и экономическое моделирование. Проведен сравнительный анализ законодательства Европейского союза и Соединенных Штатов Америки, обобщение практик антимонопольного регулирования, рассмотрены доктринальные источники и современные эмпирические данные. Используются методы контент-анализа нормативных актов, кейс-стади крупнейших цифровых компаний, а также элементы прогнозирования влияния регуляторных изменений на инновационную активность и динамику рынка.

Результаты: рассмотрены различные подходы к регулированию слияний и поглощений в цифровой экономике, проанализированы особенности правоприменения в Европейском союзе и Соединенных Штатах Америки. Обосновано, что строгие антимонопольные меры могут как сдерживать рыночную концентрацию, так и создавать барьеры для внедрения инноваций. Установлено, что практика применения Закона о цифровых рынках в Европейском союзе и соответствующих актов Соединенных Штатов Америки существенно влияет на структурные изменения в технологическом секторе, формируя новые модели конкурентной борьбы. Приведены рекомендации по совершенствованию международного сотрудничества и выработке единых справедливых регуляторных стандартов для цифровых рынков. Особое внимание уделяется проблемам определения доминирующего положения, регулятивного контроля и специфическим особенностям цифровых рынков.

© Афувапе К., 2025

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Научная новизна: статья системно сопоставляет регулятивные режимы ведущих мировых юрисдикций сквозь призму цифровых слияний и поглощений, расширяя категориальный аппарат за счет современных подходов к анализу сетевых эффектов, конкуренции за данные и новых форм рыночной власти. Применен авторский критерий анализа комплексной экспертизы сделок с точки зрения устойчивости и инновационного потенциала.

Практическая значимость: выводы и рекомендации работы способствуют формированию более гибкой и адаптивной политики регулирования в отношении технологических гигантов, что важно для законодателей, регуляторов, корпоративных стратегов и исследователей цифровой экономики.

Для цитирования

Афувапе, К. (2025). Правовые барьеры цифровых слияний и поглощений: антимонопольное регулирование технологического сектора. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(2), 304–337. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.13>

Содержание

Введение

1. Обзор проблемы слияний и поглощений (M & A) в цифровой экономике
  2. Роль антимонопольного законодательства в регулировании слияний и поглощений в сфере технологий
  3. Стратегические факторы слияний и поглощений в сфере технологий
  4. Рост цифровой экономики
  5. Проблемы регулирования цифровых рынков
  6. Регулятивный контроль при слияниях и поглощениях в сфере технологий
  7. Различные подходы к регулятивному контролю
  8. Влияние антимонопольного законодательства на слияния и поглощения в сфере технологий
  9. Глобальные перспективы регулирования слияний и поглощений в сфере технологий
    - 9.1. Россия
    - 9.2. Индия
    - 9.3. Великобритания
    - 9.4. Антимонопольный контроль в США
    - 9.5. ЕС
  10. Политические последствия настоящего и будущего регулирования в сфере слияний и поглощений цифровых компаний
  11. Рекомендации
- Заключение
Список литературы

Введение

Большая технологическая пятерка – Apple, Alphabet (Google), Amazon, Facebook¹ и Microsoft, известные под аббревиатурой GAFAM, – являются одними из крупнейших в мире компаний по рыночной капитализации (Odrobina, 2023). Будучи многосторонними платформами, они представляют обширную сеть продуктов, приложений, услуг, контента и клиентов. Они получают доход главным образом от того, что предоставляют услуги различным группам пользователей через свои платформы как внутри каждой группы, так и за счет их объединения. Ожидается, что в 2025 г. общий объем инвестиций GAFAM в научные исследования и разработки (R & D) достигнет рекордного уровня², так как в совокупности эти корпорации выделяют на научно-исследовательские инициативы более 140 млрд долларов, что значительно превышает расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в большинстве стран, за исключением таких лидеров, как Соединенные Штаты, Китай и Япония (Abbott & Spulber, 2024). Технологические гиганты ежегодно последовательно увеличивают свои расходы на исследования и разработки, в первую очередь в области искусственного интеллекта, облачных вычислений, дополненной реальности и различных других передовых технологий (Coveri et al., 2024). Примечательно, что лидерами в этом отношении являются Amazon, Alphabet (материнская компания Google) и Microsoft; каждая из этих компаний инвестирует десятки миллиардов долларов в развитие и усовершенствование инфраструктуры, программного обеспечения и технологических инноваций³. Огромные инвестиции обуславливают решающее влияние этих компаний на развитие глобального инновационного ландшафта, подчеркивая их приверженность как внутренней экспансии, так и господству на рынке за счет технологического прогресса. Наряду с этими значительными инвестициями они также активно участвуют в слияниях и поглощениях (Jin et al., 2023).

1. Обзор проблемы слияний и поглощений (M & A) в цифровой экономике

Рассмотрим причины, по которым одна из платформ GAFAM может захотеть приобрести какую-либо инновационную компанию-стартап. Во-первых, платформа может получить выгоду от продуктов, предлагаемых этим стартапом⁴. Компании GAFAM все активнее конкурируют за внимание потребителей, пытаясь удержать их на своих платформах⁵. В этом отношении расширение ассортимента или функциональности

---

¹ Социальная сеть принадлежит Meta, признанной экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

² Buntz, B. (2024, June 17). Top 30 R&D spending leaders of 2023: Big Tech firms spending hit new heights. R&D World. <https://clck.ru/3MBq4m>

³ Nouveau, P. (2022). Falling behind and in between the United States and China: can the European Union drive its digital transformation away from industrial path dependency? In J.-Ch. Defraigne, J. Wouters, E. Traversa, & D. Zurstrassen (Eds.), *EU Industrial Policy in the Multipolar Economy* (Ch. 11, pp. 332–381). Edward Elgar Publishing.

⁴ Maitry, R. (2022). *Gafam Market Power: the role of a firm's age, data, and overlapping economic activities in merger and acquisition strategies*.

⁵ Там же.

продукта связано с конкуренцией, поэтому путем приобретения стартапа компания расширяет свою экосистему. Во-вторых, платформа может быть заинтересована в активах стартапа⁶. Примерами ценных активов являются инновации, патенты, квалифицированные сотрудники, клиентская база (Čirjevskis, 2019). Наконец, приобретение может быть способом регулирования конкуренции и сохранения за платформой лидирующих позиций на рынке (Kretschmer et al., 2022). Поскольку в цифровой экономике наиболее значимыми источниками ценности являются сетевые эффекты, компания с большим количеством активных пользователей может в конечном итоге стать прямым конкурентом владельца доминирующей сети, даже если изначально она не предоставляла аналогичные услуги (Koch & Windsperger, 2017). Таким образом, количественно небольшая, но качественно значимая цель приобретения стартапа заключается в ограничении дополнительной конкуренции на рынке. Сегодня высказываются опасения, что GAFAM приобретает стартапы только для того, чтобы закрепить свое рыночное превосходство (Staab, 2024).

2. Роль антимонопольного законодательства в регулировании слияний и поглощений в сфере технологий

В 2024 г. ЕС впервые начал внедрять упреждающее регулирование конкуренции в цифровом секторе посредством Закона о цифровых рынках (Digital Markets Act, DMA), а также инициировал первые расследования по подозрению в несоблюдении этого закона (Pošćić, 2024). В то же время антимонопольные органы ЕС и ряда государств – членов ЕС также продолжают обеспечивать соблюдение традиционных законов о конкуренции, проводя всесторонние расследования деятельности основных представителей цифрового сектора и обращая все больше внимания на слияния в этой сфере. В последнее время начали активно исследоваться вопросы конкуренции в таких инновационных сферах, как генеративный искусственный интеллект и метавселенные (Graef, 2024).

Многое можно сказать о текущем состоянии контроля за слияниями. Применение такого контроля в Европе постепенно расширяется, становясь гораздо более интервенционистским, если не агрессивным, как в ЕС, так и в особенности в Великобритании. Это привнесло дополнительный элемент непредсказуемости в мировой рынок слияний и поглощений (Mateev, 2017). В последнее время в научной литературе большое внимание уделяется «убийственным поглощениям», когда действующие фирмы захватывают особо инновационные объекты или потенциальных конкурентов (Saouma et al., 2023). Также все чаще оцениваются небарьерные факторы, т. е. неценовые средства правовой защиты (качество, инновации), негоризонтальные или экосистемные теории ущерба (Robertson, 2024). Другой новый и несколько неоднозначный инструмент в руках ЕС в области цифровых слияний – это изменение его политики согласно ст. 22 Регламента ЕС о слияниях (EU Merger Regulation, EUMR) (Krzykowski, 2024). С тех пор новые положения применялись в трех случаях, ни один из которых не относится исключительно к цифровому сектору (Illumina/Grail, Qualcomm/Autotalks и EEX/Nasdaq) (Tzanaki, 2023). В этом разделе мы

⁶ Andersson, L., & Vergeer, V. L. (2023). Acquisitions vs corporate-startup collaboration: corporations quest to be more innovative: A case study on the advantages and disadvantages of startup acquisitions and startup collaboration.

рассмотрим слияния компаний цифрового сектора, которые произошли в странах ЕС традиционным способом. Анализ показывает, что такой способ устроил объединенные компании. Кроме того, решение Европейского суда по делу компании Towercast (март 2023 г.) позволяет национальным регулирующим органам задним числом проверять уже закрытые транзакции, используя правила в отношении злоупотребления доминирующим положением (Kyle et al., 2024). На национальном уровне Германия и Австрия в 2017 г. реализовали крупные сделки из-за предполагаемой неэффективности в борьбе с потенциальными «убийственными поглощениями», особенно в секторе цифровой экономики и в фармацевтике/здравоохранении (Kizilay, 2024).

В 2023 г. возникли серьезные проблемы при проведении транзакций на цифровом рынке между компаниями Adobe и Figma. Разработчик программного обеспечения Adobe планировал приобрести компанию Figma за 20 млрд долларов в декабре 2023 г., но затем компании совместно заявили, что решили отменить сделку⁷. Это произошло в результате протестов со стороны Европейской комиссии и Управления по конкуренции и рынкам (Competition and Markets Authority, CMA) в ноябре 2023 г. У Еврокомиссии было два возражения по поводу сделки: по утверждению Комитета по расследованию этого дела, слияние может иметь антиконкурентные последствия на рынке интерактивных инструментов для разработки продуктов, а также лишит компанию Figma возможности конкурировать с Adobe за инструменты для создания цифровых активов. Европейская комиссия больше всего опасалась так называемого обратного убийственного поглощения, при котором компания Adobe может заблокировать разработку инструмента с конкурирующим дизайном.

Amazon – iRobot: 29 января 2024 г. технологический гигант Amazon и компания iRobot (производитель бытовой техники, в частности, роботов-пылесосов) объявили, что отказываются от предполагаемого слияния из-за враждебной позиции регулирующих органов⁸. 27 ноября 2023 г. Еврокомиссия направила компаниям возражения, а в середине января 2024 г. заявила о своем намерении вмешаться⁹. По мнению Еврокомиссии, после заключения сделки компания Amazon может быть заинтересована в том, чтобы лишить других производителей роботов-пылесосов доступа к своему онлайн-магазину. Стороны не смогли предоставить гарантий о последствиях сделки и отказались от нее.

Booking – eTraveli: 25 сентября 2023 г. Еврокомиссия запретила поглощение поставщика услуг онлайн-бронирования авиабилетов eTraveli, базирующегося в Стокгольме, компанией Booking Holdings в рамках тендера на сумму 1,5 млрд фунтов стерлингов¹⁰. Было отмечено, что сделка значительно усилит доминирование Booking.com на рынке услуг туристического бронирования, а также что средства обеспечения возможности выбора, которые предоставляет компания Booking, недостаточны. Следует отметить, что это первое решение Еврокомиссии, основанное

⁷ Kloub, J., Carroll, D., & Signoret, L. D. (2024, June 7). European Union: How the European Commission is leading the charge in digital market regulation. GCR. <https://clck.ru/3MBqKH>

⁸ European Commission. (2023, July 6). Mergers: Commission opens in-depth investigation into the proposed acquisition of iRobot by Amazon. <https://clck.ru/3MBqN9>

⁹ Amazon Scraps Deal to Buy Maker of Roomba Amid Regulatory Scrutiny. (2024, January 29). The New York Times. <https://clck.ru/3MBqPY>

¹⁰ European Commission. (2023, September 25). Mergers: Commission prohibits proposed acquisition of eTraveli by Booking. <https://clck.ru/3MBqQe>

на «экосистемной» теории ущерба. Это означает, что европейские агентства апробируют различные теории ущерба для применения на цифровом рынке. Это также первый проект, который не использует руководящие принципы ЕС по слияниям в отношении горизонтальных/негоризонтальных слияний, а вместо этого полагается на Регламент ЕС о слияниях. Компания также попыталась оспорить это решение, заявив, что оно ставит под сомнение «соответствие между решениями этого суда и всех других апелляционных инстанций»¹¹.

3. Стратегические факторы слияний и поглощений в сфере технологий

Побочную выгоду от слияния можно получить, помимо прочего, благодаря экономии от масштаба при использовании данных. Это особенно полезно для многопрофильных платформ, поскольку они также применяют стратегии горизонтальной и вертикальной интеграции бизнеса (Henten & Windekilde, 2022). Таким образом, платформы могут распространять информацию, полученную в результате сбора ими данных, для работы на аналогичных горизонтальных рынках (Almeida, 2023; Parker et al., 2021). В случае вертикальной интеграции платформы, используя собранные данные, могут выявлять новые вертикальные связи, которые важны для них и представляют прямую угрозу для производственных компаний, находящихся в зависимости от этих платформ (Khan, 2019). Платформа не только обладает операционными данными всех участников рынка, но и имеет преимущества, превосходящие возможности любого отдельного производителя. Такие данные позволяют платформам мобильных операторов внедрять приложения (включая музыку, карты, новости, фитнес), которые приносят им прибыль. Закрытость базовых технических данных оператора дает преимущество приложениям, созданным в рамках платформы, по сравнению со сторонними разработчиками (Khandelwal et al., 2024). Чтобы судить о социальной пользе слияний, необходимо оценить роль информации и ее способность привести к появлению монополий, охватывающих широкий спектр рынков и исключаящих конкуренцию. Наконец, при любом качественном анализе благосостояния населения необходимо учитывать влияние сетевых внешних факторов, тесно связанных с природой многосторонних платформ (Tan & Zhou, 2021). Коммерческий эффект возникает потому, что пользователь получает выгоду от своего участия в платформе в зависимости от участия других пользователей в той же платформе. В этом случае слияния могут создавать большую ценность, усиливая и расширяя такие формы сетевых эффектов (Chaoxian & Wei, 2024).

Экономия от масштаба и сетевые эффекты, возникающие в результате структурной и ресурсной асимметрии, приводят к появлению новых форм бизнеса. Одним из следствий этого являются суперплатформы, или платформы платформ: хорошим примером служит модель банковских услуг BSP (Albert, 2020). С другой стороны, слияния и поглощения создали то, что можно назвать системой управления цифровыми экосистемами, действующей по принципу «победитель получает больше» (Parker & Van Alstyne, 2024). Эта система управления организует многочисленные взаимодействия между пользователями, которые полагаются на «контролера» в решении общих проблем и смягчения сбоев рынка, которые невозможно устранить сразу. Другими словами, «контролеры» обладают исключительным влиянием на многосторонних рынках в решении антимонопольных проблем (Marty & Warin, 2023).

---

¹¹ Там же.

4. Рост цифровой экономики

Предварительные показатели свидетельствуют о том, что в первой половине 2024 г. возобновились первичные публичные размещения акций (IPO) и значительные слияния и поглощения в сфере технологий¹². Заключению ряда сделок могут помешать высокие процентные ставки, инфляционное давление, геополитические факторы и неопределенность, связанная с результатами предстоящих выборов, однако ожидается, что по мере стабилизации рыночных условий слияния и поглощения будут набирать обороты¹³. Основным катализатором слияний и поглощений в секторе технологий, медиа и телекоммуникаций остается программное обеспечение¹⁴. Хотя объем транзакций еще не достиг исторического максимума, стоимость сделок, зарегистрированных в индустрии программного обеспечения в первой половине 2024 г., может превысить аналогичный показатель предыдущего года. В первые шесть месяцев 2024 г. приобретение компанией Synopsys компании Ansys стоимостью 32,5 млрд долларов стало второй по величине сделкой во всех секторах экономики в мире¹⁵. За этот период было заключено в общей сложности шесть мегасделок в сфере разработки программного обеспечения или транзакций на сумму более 5 млрд долларов, тогда как в 2023 г. были совершены только четыре мегасделки¹⁶.

Среди факторов, влияющих на частоту транзакций с программным обеспечением, назовем перевод киберпродуктов из разряда локальных решений/ИТ-сервисов в формат предоставления готового продукта в пользование за абонентскую плату (SaaS) (Gupta et al., 2024). Поскольку государственные органы ужесточают требования к отчетности по киберугрозам и все больше осознают риски, ожидается, что в скором времени этот сектор станет одним из самых интересных в плане приобретения компаний по разработке программного обеспечения. Анализируя недавние сделки в сфере кибербезопасности, можно сделать вывод, что эта тенденция довольно устойчивая. В частности, важно упомянуть о приобретении Cisco компании Splunk за 28 млрд долларов, которое стало крупнейшей сделкой в области разработки программного обеспечения в 2023 г.¹⁷ Кроме того, Thoma Bravo завершила реализацию своего плана по покупке компании Darktrace, занимающейся кибербезопасностью, за 5,3 млрд долларов¹⁸. CyberArk также находится в процессе приобретения компании Venafi, специализирующейся на распознавании образов, за 1,5 млрд долларов¹⁹. Airbus расширил

¹² Levy, B. (2025, January 28). M&A in 2025: Big deals, winning hands, and wild cards. PWC. <https://clck.ru/3MBuVY>

¹³ Berlin, M. (2025, May 20). US M&A activity fell in April as business leaders seek more clarity on tariffs and their impacts. EY Parthenon. <https://clck.ru/3MBueD>

¹⁴ TMT M&A Global Review, H1-24 and Outlook. (2024, July). <https://clck.ru/3MBqfV>

¹⁵ Synopsys to Acquire Ansys, Creating a Leader in Silicon to Systems Design Solutions. (2024, January 16). Synopsys. <https://clck.ru/3Mkuvc>

¹⁶ 2024 Mid-Year Outlook, Global M&A Trends in Technology, Media & Telecommunications, June 25, 2024. PWC. <https://clck.ru/3MBqjB>

¹⁷ Bradshaw, T., Fontanella-Khan, J., & Edgecliffe-Johnson, A. (2024). HPE agrees \$14 bn Juniper deal. Technology US group bulks up its networking offering in sign of M&A revival. The Financial Times, 7–7.

¹⁸ Joseph, I. (2024, October 2). Thoma Bravo Completes \$5.3 bn acquisition of Darktrace. PE Hub. <https://clck.ru/3MBqn6>

¹⁹ Waldman, A. (2024, May 20). CyberArk to acquire Venafi from Thoma Bravo for \$1.5B. TechTarget. <https://clck.ru/3MBvbm>

свой портфель за счет приобретения INFODAS, поставщика решений в области кибербезопасности и информационных технологий. Все эти сделки в совокупности свидетельствуют о постоянном интересе к этому важнейшему подсектору²⁰.

Ряд благоприятных факторов указывают на то, что в ближайшие шесть-двенадцать месяцев сектор технологий, СМИ и коммуникаций имеет хорошие возможности для роста активности в области слияний и поглощений. Среди них такие факторы, как снижение опасений относительно потенциальной рецессии, стабилизация темпов инфляции, значительные резервы неразмещенного капитала и оценки экспертов, которые неадекватно отражают растущий интерес к слияниям и поглощениям²¹. В первом квартале 2024 г. продолжался спад, наблюдавшийся в предыдущем году, о чем свидетельствует проведение 291 первичного публичного размещения акций (IPO)²². Этот показатель на 22 % ниже по сравнению с предыдущим кварталом и на 13 % – по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Глобальная выручка достигла 23,2 млрд долларов, что отражает рост на 7 % по сравнению с предыдущим кварталом и на 3 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, свидетельствующий о переходе к более масштабному первичному публичному размещению акций (IPO). Сектор телекоммуникационных технологий наглядно продемонстрировал эту тенденцию, проведя два крупнейших IPO в первой половине 2024 г. Размещение акций Reddit на сумму 860 млн долларов и Astera Labs на сумму 820 миллионов долларов может послужить индикатором предстоящих IPO²³. Однако не исключено, что некоторые крупные компании могут отложить свои IPO до 2025 г. из-за сохраняющихся макроэкономических проблем и усиления надзора со стороны регулирующих органов²⁴.

В технологической отрасли на сферу разработки программного обеспечения приходилось 69 % объема и 64 % стоимости транзакций. В первой половине 2024 г. объем транзакций в этой сфере снизился на 42 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. Однако стоимость транзакций выросла на 41 %, что в значительной степени связано с шестью самыми крупными сделками. На следующий по величине сектор, а именно сектор ИТ-услуг, приходилось 18 % как объема, так и стоимости сделок, при этом объемы сделок сократились на 23 % в первой половине года, одновременно со значительным (на 68 %) ростом стоимости сделок, что было связано в основном с тремя крупными сделками²⁵. Аналогичным образом, сектор полупроводников сообщил о снижении объемов сделок на 29 % при впечатляющем увеличении стоимости сделок на 93 %, в основном за счет одной крупной сделки.

---

²⁰ Airbus Completes Acquisition of Infodas to Strengthen Cybersecurity Portfolio. (2024, September 6). Manufacturing and Business Technology. <https://clck.ru/3MBvem>

²¹ Preiskel, R., Vittala, K., Preiskel, D., & Stelges, P. (2024, December 12). Technology M&A 2025. Chambers and Partners. <https://clck.ru/3MBw2s>

²² Sabater, A. (2024, April 15). IPO activity slowdown stretches through Q1 2024. S&P Global. <https://clck.ru/3MBvqK>

²³ Blum, S. (2024, December 2). Despite Pops from Reddit and Astera Labs, the Sluggish IPO Market Dragged on in 2024. Inc. <https://clck.ru/3MBvse>

²⁴ Thought Leadership. (2024, September 30). IPO Market Trends & Outlook 2025. <https://clck.ru/3MBvu3>

²⁵ Jaber, B., & Spiegel, B. (2025, January 28). Global M&A Industry Trends in Technology, Media & Telecommunications. PWC. <https://clck.ru/3MBwKQ>

5. Проблемы регулирования цифровых рынков

Отличительные черты многосторонних платформ создают значительные проблемы для политики в области конкуренции (Marty & Warin, 2023). Антимонопольные и судебные органы должны учитывать сложные взаимосвязи и особенности, присущие рынку многосторонних платформ (Nobrega et al., 2024). Всесторонний анализ платформы требует изучения всех ее аспектов, а также тщательной оценки как прямых, так и косвенных сетевых эффектов в связи с их экономическими последствиями. Регулирующие органы, осуществляющие надзор за конкуренцией, участвовали в обсуждении наиболее эффективной стратегии управления цифровыми рынками (Kira, 2024). Ряд специалистов выступают за разработку системы заблаговременного контроля, в которой особое внимание уделялось бы упреждающим мерам, направленным на предотвращение антиконкурентной практики (Bougette et al., 2024). Другие, исходя из анализа правоприменительных действий, продвигают подход ex-post, когда меры принимаются к конкретным случаям нарушений (Cini & Czulno, 2022). Примечательно, что некоторые страны в настоящее время пытаются внедрить так называемую смешанную модель, которая использует элементы обоих подходов²⁶. ЕС одним из первых диверсифицировал подход к регулированию, применив систему регулирования ex-ante, например, Регламент P2B 2019 г. и Закон о цифровых рынках 2022 г. (Larouche & de Stree, 2021). Последний относится к антиконкурентному поведению с использованием недобросовестной торговой практики так называемыми платформами-привратниками и позволяет быстро и эффективно устранять проблемы рынка.

Закон о цифровых рынках критикуют за возможное замедление инноваций и возникновение непредвиденных издержек; следовательно, его эффективность будет зависеть от процесса внедрения²⁷. Соединенное Королевство взяло на себя задачу отразить общий подход Европейского союза к согласованию нормативных актов, хотя и с некоторыми изменениями. Было создано специальное законодательство (DMCC), наделяющее Центр по проблемам цифровых рынков (Digital Market Unit, DMU) полномочиями издавать кодексы поведения для отдельных компаний с акцентом на цифровой рынок²⁸. В отличие от стремления ЕС к единообразному подходу, предус-

²⁶ BRICS Competition Law & Policy Centre. (2023, May 25). Session on “Ex-ante vs ex-post regulation of digital markets”, EEF 2023. <https://clck.ru/3MBw5Y>. Руководитель Федеральной антимонопольной службы России Максим Шаскольский сообщил, что ФАС сталкивается с проблемами в связи с цифровизацией сферы госзакупок (использование бизнесом алгоритмов ценообразования и аукционных роботов), и добавил, что в июне 2023 г. ФАС намерена внедрить модель правил и стандартов взаимодействия участников цифровых рынков в странах СНГ.

²⁷ Portuese, A. (2021, May 24). The digital markets act: European precautionary antitrust. Information Technology and Innovation Foundation. <https://clck.ru/3MBw7t>

²⁸ Egerton-Doyle, V., Hunter, J. (2024, October 7). The UK's New Digital Markets Regime: Unfettered Discretion and Power for the CMA. Kluwer Competition Law Blog. <https://clck.ru/3MBwMi>. Масштабные реформы законодательства о конкуренции и защите прав потребителей в Великобритании проводятся в течение двух десятилетий. Полномочия Управления по защите конкуренции и рынкам (Competition and Markets Authority, CMA) усилены благодаря тому, что действующее законодательство сосредоточено на новом режиме цифровых рынков и направлено на устранение возможных проблем с конкуренцией нескольких наиболее известных технологических компаний. Эта деятельность управляется новым органом – Центром по проблемам цифровых рынков (DMU), который начал работать с 2021 г. Следует отметить следующие три основных изменения в законодательстве: (i) введение нового режима цифровых рынков на основе подхода ex-ante; (ii) расширение полномочий CMA по обеспечению соблюдения законодательства о защите прав потребителей; (iii) возможности для дальнейшего расширения административных и следственных полномочий CMA.

матривающему равное бремя для всех «привратников», Соединенное Королевство поощряет сотрудничество между властями и компаниями внутри страны. Это позволяет компаниям сотрудничать с DMU и создавать такие направления деятельности, которые отвечают их потребностям, при этом учитывая особенности стратегических бизнес-моделей. Согласно исследованиям, Управление по защите конкуренции и рынкам (Competition and Markets Authority, CMA) в Соединенном Королевстве обладает исключительными правами, которые подразумевают, что в отношении определенных участников рынка могут быть приняты корректирующие меры. В Соединенных Штатах Федеральная торговая комиссия рассматривает антиконкурентную практику в индивидуальном порядке и обладает полномочиями для проведения исследований рынка. Такие инициативы, как законопроект об инновациях и выборе в сетевой сфере, направленный на внедрение подхода *ex-ante*, не получили существенной поддержки в США²⁹. Критики утверждали, что целью таких инициатив была не польза для потребителей, а скорее наложение штрафов на ряд американских технологических компаний за их антиконкурентные действия, такие как самопредпочтение, которые не обязательно наносят ущерб рынку или потребителям³⁰.

Появление предложений, направленных на регулирование конкуренции на цифровых рынках, можно объяснить растущим недовольством традиционным законодательством о конкуренции (Gorecka, 2024). Это связано с тем, что расследования часто проводятся медленно и с ограниченным охватом, а полномочия по применению мер правовой защиты недостаточны. Поэтому антимонопольные органы стремятся создать всеобъемлющую рыночную структуру, необходимую для эффективного функционирования этих цифровых сред. Сторонники и противники регулирования ведут сложную дискуссию о нормативно-правовой базе, подходящей для цифровых рынков; они приводят убедительные аргументы и различные точки зрения на будущее политики в области конкуренции в контексте цифровой эры (Kuenzler, 2022). Помимо традиционных антимонопольных проблем (таких как навязывание условий, использование заемных средств, обращение взыскания, отказ в доступе на рынки,

---

²⁹ Heather, S. (2022, June 17). Striking Similarities: Comparing Europe's Digital Markets Act to the American Innovation and Choice Online Act. US Chamber of Commerce. <https://clck.ru/3Mkxqr>. Законопроект распространяется только на крупнейшую «онлайн-платформу», которая для целей законопроекта определяется как «веб-сайт, онлайн-приложение или мобильное приложение, операционная система, цифровой помощник или онлайн-сервис», предназначенные для: (а) предоставления пользователю возможности создавать или загружать контент для просмотра другими пользователями или иного взаимодействия; (б) предоставления возможности торговли через веб-сайт для потребителей или сторонних компаний; или (в) предоставления пользователю возможности поиска с отображением значительного объема информации. Помимо платформ, указанных в этом определении, подраздел (д) дает право Федеральной торговой комиссии и Департаменту юстиции США совместно определять платформу, на которую в течение семи лет будет распространяться действие нормы закона.

³⁰ Там же. Эти законопроекты подвергаются критике за то, что они подрывают целостность киберпространства и неприкосновенность частной жизни пользователей, вынуждая американские компании делиться конфиденциальными данными с иностранными конкурентами. Это наносит ущерб развитию рынка за счет применения единственного подхода к различным бизнес-моделям, что приводит к неодинаковым последствиям и в целом негативно сказывается на деятельности мелких игроков экосистемы. Как и Закон о цифровых рынках, американские антимонопольные законопроекты предусматривают чрезмерные санкции, никоим образом не связанные с реальным ущербом для потребителей, и тем самым подрывают принципы развития конкуренции.

подавление потенциальной конкуренции), барьеры для справедливой конкуренции на цифровых рынках возникают также из-за влияния бизнес-моделей, ориентированных на информацию и платформы. Распространение информации значительно расширяет возможности бизнес-моделей, основанных на данных, генерируемых пользователями (Saura et al., 2021). Интеграция нового потока данных в существующий приводит к нелинейному преобразованию общей ценности, получаемой из всего объема данных. Экстремальные проявления растущей доходности могут существенно повлиять на классификацию рыночной конкуренции.

Ограничивая определенные антиконкурентные практики посредством подхода *ex-ante*, можно повысить эффективность регулирования и оптимизировать распределение ресурсов (Lancieri & Pereira Neto, 2022). Показательно решение Суда по делу, возбужденному Европейской комиссией против компании Google в связи с сервисами сравнения покупок (Petrucci, 2023). Суд поддержал решение Европейской комиссии о запрете злоупотребления компанией Google своим доминирующим положением на рынке онлайн-поиска. Иными словами, суд подтвердил мнение комиссии о том, что Google продвигала свой сервис сравнения покупок за счет других аналогичных сервисов, тем самым нарушив антимонопольное законодательство. Принимая решение по этой апелляции на предыдущее решение Суда общей юрисдикции ЕС, которое было вынесено в пользу комиссии, Суд постановил, что Суд общей юрисдикции справедливо пришел к выводу, что действия Google были ограничительными и не представляли собой «конкуренцию по существу», принимая во внимание характеристики соответствующего рынка и особенности дела.

Европейский суд общей юрисдикции отменил решение Европейской комиссии о наложении штрафа на Google в размере почти 1,5 млрд евро в отношении сервиса онлайн-рекламы AdSense for Search. Утверждалось, в частности, что Европейская комиссия не учла все значимые обстоятельства при оценке продолжительности действия соглашения; было установлено, что положения контракта являются неправомерными (Rikap et al., 2021). В постановлении Суда дополнительно разъяснялось значение и применение концепции исключительных обязательств в рамках ст. 102 Договора о функционировании Европейского союза, а также состав доказательств, необходимых для демонстрации способности вызывать антиконкурентные последствия. Затем последовали решения Европейского суда общей юрисдикции в отношении компаний Intel и Unilever Italia.

Еще один примечательный пример – официальное возражение Еврокомиссии против поставки программного обеспечения Microsoft Teams, облачного сайта для общения и совместной работы, с пакетами Microsoft 365 и Office 365 для бизнес-клиентов (Bergqvist, 2024). Программное обеспечение было интегрировано в комплект поставки, и у пользователей не было возможности включить в свои пакеты Microsoft 365 или Office 365 конкурирующие сервисы связи для бизнеса, такие как Slack или Zoom. Еще до принятия решения ЕС компания Microsoft заявила об отделении Teams от пакетов Microsoft 365 и Office 365 для бизнес-клиентов в ЕС. Кроме того, подписки на Microsoft 365, которые не включают Teams, будут предлагаться по сниженной цене. Этот шаг направлен на предотвращение возможных проблем с антимонопольным законодательством. Компания также заявила о намерении усовершенствовать аспекты функциональной совместимости, что позволит пользователям использовать альтернативные решения, такие как Slack или Zoom, наряду с текущими предложениями, включая Exchange и Outlook. Таким образом, как мы покажем

ниже, не потребовалось фактического применения подхода *ex-ante*, который запрещает навязывание условий и комплектации.

Среди основных возражений против этого подхода назовем страх перед регулированием, препятствующим дальнейшему развитию, особенно в этой инновационной сфере. Противопоставление концепций регулирования и инноваций прочно укоренилось, поэтому взгляд на эту проблему часто ограничивается бинарным выбором между ними. В этой ситуации нельзя игнорировать проблему регулирования. Напротив, инновациям и росту компаний, работающих на цифровых рынках, должны способствовать более детальные институциональные и правовые изменения. Разработка основных характеристик этих изменений может быть передана отдельным юрисдикциям, которые затем смогут адаптировать и внедрить соответствующие нормативные акты по своим потребностям.

6. Регулятивный контроль при слияниях и поглощениях в сфере технологий

Есть мнение, что активность по приобретению компаний смещается в сторону небольших сделок, чтобы уйти от внимания регулирующих органов (Enriques & Gatti, 2015). Такая стратегия не только позволяет избежать некоторых регулятивных воздействий, но и больше соответствует тенденции возврата к более точечным и быстрым мерам, нацеленным на рост бизнеса. При этом также имеет значение время, затрачиваемое на транзакции, поскольку длительные процессы одобрения проекта и анализа нормативных актов увеличивают время проведения сделок. Это указывает на необходимость очень тщательно подходить к планированию. С развитием и внедрением технологий в производственную деятельность их приобретение стало невероятно важным и породило то, что сейчас широко известно как «разведка в области технологий» (Ioramashvili et al., 2024). Это связано со стремлением доминирующих компаний выкупать технологические стартапы; таким образом, наблюдается устойчивый рост за счет применения инновационных стратегий. Поскольку технологии все чаще становятся основополагающим элементом успеха в бизнесе, компании включают инновационные решения в предложения о продаже.

Для снижения фактора конкуренции, возникающего в результате слияний и поглощений платформ, нельзя полагаться на классические меры регулирования *ex-post*. Антимонопольные меры в рамках подхода *ex-post* слишком специфичны и чрезмерно консервативны для активных рынков, так как во многих случаях ущерб оказывается уже нанесенным (Stephan, 2020). В совокупности эти экономические факторы могут привести к действиям по «снятию сливок» с рынка, когда упущенные возможности уже не будут возмещены впоследствии. Средства правовой защиты, включая традиционные антимонопольные правовые инструменты, также требуют модернизации. Большинство платформенных рынков сопротивляются использованию инструментов антимонопольного анализа в рамках подхода *ex-post*, которые могли бы помочь определить надлежащие сферы рынков (Bostoen & Vanwamel, 2024).

В современных условиях быстрого роста цифровые рынки требуют более структурных подходов, основанных на регулировании *ex-ante* до наступления ущерба, которые могли бы стать дополнительным инструментом правоприменения *ex-post* (Prado, 2022). Таким образом, в данной работе мы исследуем возможности интеграции

средств регулирования ex-ante с инструментами контроля за слияниями и антимонопольного правоприменения. При этом речь идет о достаточно специфичных платформах, которые можно назвать инфраструктурными «привратниками» из-за количества взаимодействий, которые они обрабатывают. Мы рассматриваем стратегии слияний и поглощений, применяемые этими платформами, а также их влияние на конкуренцию. Изучение конкурентных предпосылок этого явления показывает, что инновационный механизм регулирования ex-ante, предусматривающий обмен информацией, и усовершенствованный анализ слияний способствуют развитию более конкурентоспособных и инновационных сетевых экосистем за счет использования такого процесса слияний и поглощений, который обеспечит эффективность их деятельности и благосостояние потребителей.

7. Различные подходы к регулятивному контролю

Стратегии слияний и поглощений потенциально могут создавать добавленную стоимость за счет включения новых функций в горизонтальную или вертикальную цепочку поставок (Carril-Caccia & Pavlova, 2020). Однако при этом необходимо решить проблемы, связанные с конкуренцией. Их можно разделить на три основных типа: проблемы динамичной конкуренции, проблемы горизонтальных и конгломератных слияний и проблемы вертикальных слияний.

Важно установить четкое различие между второй и третьей категориями. Для этого мы используем принцип «сквозного анализа», который позволяет отличить компоненты, относящиеся к сетевому уровню (платформе), от компонентов, связанных с конечными точками. Этот принцип указывает, что основные функции, которые часто используются большинством пользователей, должны располагаться в центре системы, чтобы обеспечить их постоянную доступность. И наоборот, функции, которые используются реже и ориентированы на конкретные нишевые группы, должны быть расположены на периферии и доступны только тем, кто в них нуждается. Это обосновано тем, что включение каждой системной функции приводит к накладным расходам, снижающим эффективность выполнения. Следовательно, при создании индивидуальных решений для отдельных отраслей разработчики приложений как партнеры экосистемы должны предлагать разнообразные и редкие функции. Эти функции могут быть доступны не всем пользователям. Напротив, платформа в целом должна предлагать функции, которые широко используются в различных отраслях, хотя и имеют ограниченное разнообразие. Примером горизонтальной функции является операция «вырезать и вставить», которая используется в большинстве офисных и производственных приложений (Goldsmith, 2017). Поэтому более эффективно интегрировать функционал непосредственно в операционную систему, позволяя любому приложению ее использовать. Этот принцип важен для архитектуры Интернета и соответствует представлению о платформах как о базовом наборе стабильных, постепенно развивающихся функций, над которыми располагается уровень модульных, быстро меняющихся функций.

В контексте цифровой индустрии термин «убийственное приобретение» может в равной степени относиться к приобретению новых компаний, конкурентоспособность которых можно считать в значительной степени неопределенной (Ivaldi et al., 2023). Такое приобретение, скорее всего, будет негативным для благосостояния потребителей, так как устранил с рынка инновационные альтернативы

(Letina et al., 2024). Однако в отношении приобретения новых компаний в технологическом секторе такой вывод сделать значительно сложнее. Многие из этих приобретений, несомненно, положительно влияют на благосостояние потребителей, расширяя доступность инновационных продуктов. Эта цель может быть достигнута путем включения новых функций, приложений и функционала в существующие сервисы.

Проблема «убийственных поглощений» привлекла повышенное внимание антимонопольного сообщества, в частности, из-за их значительного негативного воздействия на цифровые инновации (Eben & Reader, 2023). Напротив, большинство приобретений небольших фирм известными компаниями не направлены на снижение конкуренции; скорее, они значительно усиливают инновации за счет использования синергии и интеграции дополнительных технологий (Čirjevskis, 2019). Такие сделки называются «дополнительными приобретениями» (King et al., 2018). В большинстве случаев есть веские основания полагать, что устоявшиеся цифровые компании, возможно, время от времени подавляли потенциальную конкуренцию с помощью так называемых убийственных приобретений³¹. Необходимо изменить существующую правоприменительную систему, включив двойной подход: (i) механизм контроля ex-ante, который обязывает организации, получившие «стратегический рыночный статус», сообщать о своих операциях (Manganelli & Nicita, 2022); и (ii) исполнение ex-post ст. 102 Договора о функционировании Европейского союза (TFEU) специализированным агентством по вопросам цифровых рынков (Eroğlu & Koksal, 2024).

8. Влияние антимонопольного законодательства на слияния и поглощения в сфере технологий

Реализуя контроль над слияниями, антимонопольные органы разных стран мира выступали против ряда сделок с участием известных технологических компаний. Так, в первой половине 2024 г. предложения двух крупных игроков, Meta³² и Microsoft, о вертикальных поглощениях натолкнулись на значительное противодействие³³. Федеральная торговая комиссия (FTC) инициировала судебные иски против этих компаний. В то же время попытка Microsoft приобрести Activision подверглась жесткой критике со стороны Европейской комиссии и СМА, что привело к временному блокированию сделок со стороны СМА, а затем стороны были вынуждены реструктурировать ее³⁴.

Сфера контроля за слияниями вышла за рамки обычного анализа горизонтальных рыночных долей и теперь охватывает целый ряд недавно выявленных конкурентных угроз (Gilbert & Melamed, 2024). К ним относятся возможности выхода на рынок, влияние многопрофильных корпораций, укрепление экосистем, ущерб от

---

³¹ Hansson, D., & Tran, J. (2024). Is Tougher Application of Article 22 of the EU Merger Control the Deal Breaker?: Examining the Commission's Enforcement Against Killer Acquisitions in the Digital Economy. <https://clck.ru/3MBwdp>

³² Организация признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

³³ Kheriwala, S. (2024, December 16). Antitrust actions against major tech firms: A global overview. Storyboard18. <https://clck.ru/3MBwqX>

³⁴ См., например, FTC. (2024, November 13). In the Matter of Microsoft/Activision Blizzard. <https://clck.ru/3MBxak>

инноваций, убийственные приобретения, практика самопредпочтения, снижение доступа и другие проблемы вертикали рынка. Этот сдвиг особенно силен в критических секторах, в частности в цифровой индустрии и здравоохранении. Органы по контролю за слияниями все больше внимания уделяют вопросам, связанным с инновациями (Mendelsohn & Breide, 2024). Их цель выходит за рамки простой оценки дефектов производственных процессов; они также стремятся обеспечить условия, необходимые для появления инноваций, которые еще не реализовались в виде продуктов, готовых к выпуску на рынок.

Европейская комиссия и различные другие органы по контролю за слияниями все больше опасаются пропустить важные сделки. Это может привести к ущербу для конкуренции, который невозможно будет устранить с помощью обычного законодательства о контроле за слияниями. В заявлении утверждалось, что крупные технологические компании и другие организации устраняли потенциальных конкурентов до того, как у тех появлялась возможность развиваться; это явление называется «убийственными приобретениями». Термин включает в себя также «обратные убийственные приобретения», при которых приобретающая компания эффективно подавляет свои собственные инновации в пользу тех, которые разрабатываются целевой компанией.

ЕС принял альтернативный подход. В деле о слиянии Illumina и Grail (двух американских компаний, которые не достигали пороговых показателей оборота, установленных для контроля за слияниями, ни на уровне ЕС, ни на национальном уровне) Европейская комиссия воспользовалась своими полномочиями, пересмотрев политику в отношении передачи прав в рамках Европейского регламента о слияниях³⁵. Это положение предоставляет Европейской комиссии полномочия осуществлять надзор за слиянием, когда одно или несколько государств-членов обращаются в Комиссию, в частности, из-за опасений, что слияние может существенно повлиять на конкуренцию в этих государствах-членах. Мы еще не знаем, поддержит ли Европейский суд позицию Европейской комиссии, которая говорит о необходимости тщательного изучения сделок в соответствии со ст. 22 Европейского регламента о слияниях, несмотря на отсутствие таких требований в национальном законодательстве и на недостижение пороговых значений, при условии соблюдения критериев, изложенных в ст. 22 Регламента³⁶. Дело Illumina внесло двусмысленность в отношении применимости контроля за слияниями в ЕС к приобретениям инновационных компаний и компаний, которые считаются существенными для цепочки поставок, даже в тех случаях, когда такие сделки не достигают установленных пороговых значений. В некоторых сделках с участием инновационных компаний или компаний, имеющих решающее значение для поставок, контроль за слияниями больше не может ограничиваться оценкой оборота и долей рынка. Важно рассмотреть возможность ведения дела в соответ-

---

³⁵ Article 22 EUMR.

³⁶ Illumina/Grail: European Court of Justice strikes down the European Commission's policy of accepting referrals of non-notifiable deals. (2024, September 13). Dentons. <https://clck.ru/3MBx6B>. В своем решении по делу Illumina/Grail Европейский суд отклонил толкование ст. 22 Европейского регламента о слияниях 139/2004 (EUMR), данное Судом общей юрисдикции. Это решение представляет собой фундаментальное изменение, которое положит конец практике Европейской комиссии принимать обращения в соответствии со ст. 22 EUMR по сделкам, выходящим за рамки полномочий государства – члена ЕС по пересмотру дела.

ствии со ст. 22 Европейского регламента о слияниях, и аналогичные соображения следует применять к другим юрисдикциям, которые обладают сопоставимыми полномочиями по ведению дел³⁷.

Поведенческие средства правовой защиты, такие как обязательства по поставкам или лицензирование технологий в отношении конкурирующих компаний, исторически скептически воспринимались в качестве средства против антиконкурентных слияний (Glick et al., 2023). Во многих случаях такие обязательства считаются недостаточными для устранения антиконкурентных последствий слияния, несмотря на то, что они применялись в ряде дел, особенно после проведения всестороннего расследования на этапе II³⁸. Примером является недавнее одобрение Европейской комиссией слияния Microsoft и Activision Blizzard (Ziermann, 2023). Еврокомиссия предоставила бесплатную лицензию потребителям в Европейской экономической зоне (ЕЭЗ), позволяющую им транслировать все существующие и будущие игры Activision Blizzard для ПК и консолей через любой облачный игровой сервис по их выбору, при условии, что у них есть действующая лицензия. Кроме того, аналогичная бесплатная лицензия была распространена на поставщиков облачных игровых сервисов, позволяя пользователям из стран Европейской экономической зоны транслировать любые игры Activision Blizzard для ПК и консолей (Norris, 2024).

Еврокомиссия продолжает активно выступать за средства правовой защиты, которые включают в себя отчуждение определенных сегментов целевой компании и потенциально даже некоторых текущих операций покупателя³⁹. Стандарты, установленные органами по слияниям в отношении средств правовой защиты при отчуждении инвестиций, становятся все более жесткими. Для решения проблем, связанных с конкуренцией, зачастую недостаточно просто отказаться от отдельных активов, продуктов или контрактов. Процесс отчуждения инвестиций в настоящее время, как правило, требует отделения компании в целом, чтоб она могла функционировать независимо от сливающихся предприятий. Это потенциально требует включения более широкого спектра активов, помимо тех, которые непосредственно связаны с выявленными проблемами. Для того чтобы отчуждаемая компания функционировала независимо, процесс отчуждения, как правило, должен охватывать все соответствующие активы и бизнес-операции. Кроме того, может потребоваться интеграция комплексных центральных функций, включая бухгалтерский учет, финансы, управление персоналом, информационные технологии, а также исследования и разработки. После завершения сделки по отчуждению может потребоваться поддержка процесса перехода; она допустима в течение ограниченного периода времени, однако основные функции в конечном итоге должны быть возложены на отделяемое предприятие, если органы, ответственные за слияние, сочтут это необходимым.

---

³⁷ Article 22 EUMR Referrals Post-Illumina: Back to the Drawing Board? (2024, September 23). European Law Blog. <https://clck.ru/3MBx9v>

³⁸ Bengtsson, C., Carpi, J. M., & Subočs, A. (2021). Anticompetitive effects. In EU Competition Law Volume II: Mergers and Acquisitions (pp. 363–562). Edward Elgar Publishing.

³⁹ EC – Competition Policy. (2009, February 24). Official Journal of the European Union. <https://clck.ru/3MBxBq>

9. Глобальные перспективы регулирования слияний и поглощений в сфере технологий

9.1. Россия

Российское законодательство и нормативные акты по антимонопольному регулированию в сфере слияний и поглощений постоянно совершенствуются с учетом новых и передовых тенденций в экономике и технологиях (Redkina et al., 2023). Специальный государственный орган – Федеральная антимонопольная служба (далее – ФАС) – отвечает, в частности, за применение законодательства о конкуренции в Российской Федерации, включая слияния и поглощения (Khokhlov, 2017). Таким образом, антимонопольное регулирование находится в фазе постоянных изменений, что позволяет ФАС России анализировать, утверждать и применять новые формы экономической и технологической деятельности. Последние изменения в антимонопольном законодательстве были приняты 28 июля 2015 г. Они касаются изменений в регулировании слияний и поглощений, а также изменения порядка проведения операций и введения нового критерия одобрения сделки (Tsyganov et al., 2023).

При проведении анализа слияния ФАС использует динамическую, а не статическую методологию, используя рыночные определения в отношении различных продуктов (Shastitko et al., 2022). Агентство рассматривает рынки в сфере агротехнологий как «интегрированные» и утверждает, что стоимость семян, агрохимикатов и цифровых решений по отдельности ниже, поскольку конкурентная среда в этом секторе меняется благодаря постоянному совершенствованию технологий. ФАС уделяет большое внимание оценке последствий слияния как для вертикальной, так и для горизонтальной конкуренции (Tsyganov et al., 2023).

9.2. Индия

В Индии большинство правил контроля за слияниями и мер в области конкуренции устанавливаются Законом о конкуренции 2002 г.; надзорным органом в этой сфере является Комиссия по конкуренции (Hiwarale et al., 2024). Эти нормативные акты направлены на ограничение антиконкурентных действий, поощрение приемлемых видов конкуренции и поддержку потребителя. Постепенно совершенствуются механизмы контроля за слияниями и политика в области конкуренции, направленные на решение возникающих проблем на современных рынках, особенно в технологическом и цифровом пространстве (Reddy, 2016). Последние изменения в Законе о конкуренции от 2023 г. свидетельствуют о переходе к более жесткому и расширенному законодательству, которое, как ожидается, будет направлено на регулирование и поощрение конкуренции, сдерживание слияний и поглощений, которые могут препятствовать конкуренции на соответствующем рынке, а также на защиту потребителей.

Недавно правительство внесло изменения в Закон о конкуренции от 2002 г., направленные на внедрение современных международных стандартов и адаптацию к новым проблемам, возникающим в цифровой экономике. Кроме того, рассматривается возможность создания механизма регулирования ex-ante, аналогичного европейскому Закону о цифровых рынках, который мог бы действовать наряду с существующим законодательством о конкуренции (Afuwape, 2024; Soni & Kumar, 2024).

По Закону о конкуренции 2023 г. были сокращены сроки, в течение которых Комиссия по конкуренции (CCI) обязана рассмотреть сделку и вынести предварительное заключение, – 30 календарных вместо 30 рабочих дней. Кроме того, максимальный срок предполагаемого одобрения был сокращен до 150 вместо 210 календарных дней. Это изменение, по-видимому, позитивно скажется на отрасли, однако важно, чтобы строгое соблюдение графиков сопровождалось существенным повышением эффективности работы Комиссии. Это позволит избежать перегрузки и проводить сделки по слияниям и поглощениям в том же темпе, что и раньше.

9.3. Великобритания

1 января 2025 г. вступил в силу новый закон Соединенного Королевства – Закон о цифровых рынках, конкуренции и потребителях (Digital Markets, Competition, and Consumers Act, DMCC) (Alexiadis, 2024). Он предоставляет Управлению по конкуренции и рынкам (Competition and Markets Authority, CMA) более широкие полномочия в области контроля за слияниями, цифровых рынков, конкуренции и защиты прав потребителей. Благодаря новому значению порога для слияния, установленному этим законом, стало возможно увеличить число сделок, подлежащих контролю (Alexiadis, 2024). Этот важнейший шаг должен способствовать справедливой конкуренции в цифровой сфере; в частности, вводятся новые жесткие режимы уведомления для компаний, занимающих «стратегическое положение на рынке». Кроме того, значительно усилены правоприменительные полномочия CMA в широком смысле слова. Было признано необходимым ввести новые пороговые значения и процедуры, в результате чего увеличился объем оценки при слияниях и поглощениях. Эти меры, предусмотренные указанным законом, направлены на решение проблем с конкуренцией в отношении развивающихся компаний, в частности, «убийственных поглощений».

При введении новых пороговых значений было отменено предыдущее условие, согласно которому покупатель и целевая компания должны были осуществлять аналогичную деятельность в Великобритании либо целевая компания должна была осуществлять важные операции в этой стране. Это изменение расширяет юрисдикцию CMA для рассмотрения сделок по приобретению компаний, выручка от продажи товаров и услуг которых в Соединенном Королевстве является либо номинальной, либо, в некоторых случаях, нулевой, в дополнение к рассмотрению вертикальных и конгломератных слияний. Однако, как мы увидим, достижение этого показателя не требует подачи заявки, но позволяет CMA пересмотреть транзакцию. Следовательно, это положение может способствовать добровольному представлению заявок при достижении порогового значения, поскольку многие покупатели будут стремиться к получению гарантий относительно возможности пересмотра их транзакций со стороны CMA.

DMCC предоставляет полномочия подразделению CMA по вопросам цифровых рынков (Digital Markets Unit, DMU) осуществлять надзор за деятельностью крупных предприятий, работающих на цифровых рынках (Marinova, 2024). Получив статус «стратегического участника рынка» (Strategic Market Status, SMS), эти компании должны будут подчиняться обязательствам и условиям, изложенным в DMCC (Highfield, 2024). Управление объявило, что предварительные расследования будут касаться трех или четырех компаний. Исполнительный директор CMA Сара Карделл

подчеркнула, что эти расследования будут проводиться на основе «доказательного, целенаправленного и пропорционального» подхода⁴⁰. Одной из основных обязанностей компаний со статусом стратегического участника рынка является соблюдение особых требований к поведению (customized conduct requirements, CRs), которые регулируют их поведение в сфере их деятельности. Поскольку эти требования специфичны для каждой компании, ожидается, что они будут существенно отличаться, при этом опираясь на более строгие руководящие принципы, изложенные в европейском Законе о цифровых рынках.

9.4. Антимонопольный контроль в США

Антимонопольное законодательство в США имеет важное значение для контроля за ведением бизнеса и поощрения справедливой конкуренции на рынке (Ganguli, 2024). Два основных законодательных акта – это Антимонопольный закон Шермана и Антимонопольный закон Клейтона (Linneman, 2022). Первый был принят в 1890 г. для ограничения действий, которые создают препятствия для торговли и, таким образом, приводят к возникновению монополии (de Carvalho, 2024). В нем устанавливается запрет на те формы контрактов или присоединения, которые, как правило, ограничивают свободную конкуренцию. Антимонопольный закон Клейтона был принят в том же году, что и Закон о торговле между штатами. Эти законодательные акты запрещают, в частности, ценовую дискриминацию, связывающие соглашения и эксклюзивные сделки. Ученые утверждают, что уровень «ложноотрицательных результатов» при контроле за слияниями выше, чем в результате применения разделов 1 и 2 Закона Шермана (Casey & Niblett, 2021). Это может быть связано с высокими стандартами доказывания, установленными антимонопольным законодательством США, которые подвергаются жесткой судебной проверке в основном по существу и не соответствуют критериям административного права. Кроме того, финансовые последствия нарушения антимонопольного законодательства невероятно серьезны. Принцип разделения власти между антимонопольным регулированием и отраслевыми органами власти в Соединенных Штатах строго соблюдается; таким образом, вышеупомянутый компромисс является не таким упрощенным, как во многих межюрисдикционных системах по всему миру.

9.5. ЕС

Европейская комиссия проводит оценку слияний с 1990 г. в соответствии со своими Правилами о слияниях (Регламент ЕС) (Levy et al., 2021). Эти правила наделяют Комиссию эксклюзивными полномочиями для рассмотрения слияний, имеющих «общественный аспект», и запрещения тех из них, которые создают или укрепляют доминирующее положение на Общем рынке. Тем не менее, согласно вышеупомянутым тем же Правилам ЕС, указанное препятствие «обычно является результатом создания или укрепления доминирующего положения»⁴¹.

⁴⁰ Israel, M., Engel, M., Kelliher, K., & Citron, P. (Eds.). (2024, December 16). UK Expands its Merger Control Regime and the CMA's Power with the Digital markets, Competition & Consumers act. Kluwer Competition Law blog. <https://clck.ru/3MBxNg>

⁴¹ EU. (2004). EU Merger Regulation 139/2004. <https://clck.ru/3MCJDZ>

В дополнение к этим нормативным актам был введен новый обширный набор руководящих принципов правоприменения, призванных помочь в оценке горизонтальных слияний. Руководящие принципы описывают методы оценки концентрации в отношении предприятий, которые являются фактическими или потенциальными конкурентами на том же товарном рынке (Nazzini, 2006).

10. Политические последствия настоящего и будущего регулирования в сфере слияний и поглощений цифровых компаний

Таким образом, за последние несколько лет состояние регулирования претерпело изменения, направленные на то, чтобы соответствовать новым технологиям, которые влияют на слияния и поглощения по всему миру, но в основном в Соединенных Штатах и Европе. Антимонопольные органы усиливают контроль за слияниями и поглощениями с участием крупных технологических компаний (Crandall, 2024). Процедуры оценки становятся все более строгими, что свидетельствует о стремлении поддерживать справедливую конкуренцию и пресекать монополистическое поведение (Xie & Wu, 2024). Так, сделка стоимостью 69 млрд долларов по приобретению компании VMware со стороны Broadcom прошла тщательную проверку, которая длилась 59 недель и охватывала три финансовых года; это показывает, что для такой сделки необходимо получать одобрение на глобальном уровне⁴². Приобретение компании Activision со стороны Microsoft стало предметом пристального внимания Федеральной торговой комиссии (FTC) спустя почти два года после объявления о заключении соглашения (Norris, 2024). Этот пример показывает, что нормативные препятствия могут возникать и после завершения начальных этапов коммерческой сделки.

Перспективы цифровых слияний и поглощений заключаются в том, что расширение масштабов приобретения стартапов облегчит доступ к инновационным и эксклюзивным технологиям, позволяя крупным корпорациям удерживать лидирующие позиции в своих секторах (Xu & Deng, 2024). Ускоренный рост происходит на основе знаний и инноваций, полученных от стартапов, которые существенно активизируют свои усилия по расширению, избегая при этом длительных процессов, обычно связанных с внутренней разработкой. Расширение рынка стимулирует появление новых компаний, их успешное закрепление на рынке и создание клиентской базы, которая дает ресурсы для ускорения их роста.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) значительно изменяет технологический ландшафт и уже оказывает влияние на процессы слияний и поглощений⁴³. Инструменты на основе ИИ облегчают анализ рынка, оценку и проведение комплексной проверки, позволяя организациям принимать обоснованные решения, используя точные данные. Влияние новых технологий заставляет бизнес внедрять передовые решения, такие как блокчейн, искусственный интеллект и передовые вычисления, для поддержания конкурентных преимуществ (Chatterjee et al., 2023).

---

⁴² Broadcom completes its \$61 billion acquisition of VMware. (2023, November 23). Times of India. <https://clck.ru/3MBxjw>

⁴³ Cazzaro, M. (2024). AI and Machine Learning in M&A: A Quantitative Analysis of Their Impact on Deal Outcomes.

Поскольку киберугрозы становятся все более изощренными, компании осознают острую необходимость защиты своих цифровых активов. Ожидается, что при слияниях и поглощениях приоритет кибербезопасности будет повышаться и компании будут стремиться приобретать специализированные фирмы для улучшения защиты данных и укрепления своей инфраструктуры безопасности⁴⁴. Эта тенденция может стать особенно актуальной в секторах, где обрабатываются большие объемы конфиденциальных данных, таких как финансы, здравоохранение и электронная коммерция, где первостепенное значение имеет поддержание доверия клиентов.

Ожидается, что рынок слияний и поглощений в сфере медицинских технологий сохранит свою устойчивость, особенно в таких секторах, как телемедицина, цифровые решения для здравоохранения и носимые технологии. Кроме того, число приобретений биотехнологических компаний, вероятно, увеличится, поскольку организации стремятся извлечь выгоду из инноваций в области генетики, диагностических инструментов и персонализированной медицины и расширить свой портфель медицинских технологий.

Высокая рыночная оценка бизнеса будет, вероятно, определяться наличием обширных высококачественных баз данных. Компании, работающие с большими объемами данных, будут особенно востребованными в связи с их способностью извлекать выгоду из данных о клиентах и их поведении, а также понимать тенденции в своей отрасли. Таким образом, стратегии слияний и поглощений будут направлены на предприятия с высокими возможностями обработки данных. Это позволит приобретающим компаниям открывать новые горизонты, совершенствовать тактику персонализации и создавать побочные продукты с добавленной ценностью (Lawton et al., 2024).

Компании прямых инвестиций расширяют свое участие в слияниях и поглощениях в технологическом секторе из-за хорошей реальной доходности на быстро растущих технологических рынках (Nary & Kaul, 2023). Они, вероятно, будут стремиться приобретать технологические компании, работающие в таких нишах, как SaaS (предоставление в пользование готового продукта за абонентскую плату), облачные сервисы и кибербезопасность. Такие приобретения предоставляют компаниям прямых инвестиций стабильные инвестиционные возможности за счет повышения уровня знаний и диверсификации, что также может улучшить их позиции на рынке технологий.

Большой интерес вызывает идея метавселенной как виртуальной коммуникации на новом уровне. Те компании, которые инвестировали в виртуальную реальность (VR), дополненную реальность (AR) и иммерсивные технологии, могут оказаться в списке возможных претендентов на слияния и поглощения. Некоторые из этих технологий используются в виртуальных рабочих средах и приложениях для взаимодействия с клиентами. Приобретая технологии, связанные с метавселенной, компания может расширить свой ассортимент продукции и обеспечить свой рост на рынке.

Экологические, социальные и управленческие вопросы все чаще становятся ключевым элементом планов слияний и поглощений, поскольку регулирующие органы уделяют все больше внимания устойчивому развитию, а организации потребителей осознают важность использования зеленых технологий.

---

⁴⁴ Raunio, P. (2024). Cyber Due Diligence Process Prototype. Jamk. <https://clck.ru/3MBy7o>

Предполагается, что ключевые технологические компании Кремниевой долины будут ориентироваться на те организации, которые смогут продемонстрировать эффективность в области управления энергопотреблением и нейтрализации выбросов углекислого газа, а также технологические инновации с акцентом на устойчивое развитие. Меры и инициативы, которые будут реализованы в рамках стратегического управления, должны не только продвигать корпоративные инициативы в области устойчивого развития, но и соответствовать подходу инвесторов к экологическим, социальным и управленческим вопросам.

Такие компании смогут занять более выгодное положение, предлагая более инновационные решения. Непрерывное внедрение инноваций в разработку программного обеспечения объясняется усилением тенденции к консолидации и, следовательно, к слияниям и поглощениям.

Произойдет ужесточение регулирования слияний и поглощений, и организациям придется ориентироваться в нормативной среде на инициативы отраслевых регулирующих органов. Это потребует от компаний профессионального управления слияниями и поглощениями посредством разработки политики и соблюдения современных требований к раскрытию юридической информации и антимонопольного законодательства.

Для проведения более эффективных сделок необходимо также помнить о совместимости культур, а также о необходимости внедрения инноваций в будущем.

11. Рекомендации

Антимонопольное законодательство ЕС и США должно быть изменено в отношении слияний и поглощений в сфере цифровых технологий, поскольку цифровые рынки создают новые, ранее не существовавшие проблемы. Недавнее появление достаточно крупных цифровых экосистем привело к дискуссиям о необходимости изменений в антимонопольном законодательстве. Однако есть мнение, что текущие рыночные тенденции соответствуют повышению всеобщего благосостояния. При внедрении антимонопольного законодательства следует проявлять большую настойчивость, чтобы избежать усиления концентрации в отраслях, связанных с цифровыми рынками.

1. Антимонопольным органам следует рассмотреть возможность применения более жестких подходов к решению проблемы растущей концентрации в отраслях. С другой стороны, доказать негативные последствия доминирования мультиплатформенности достаточно сложно. Как утверждается, это показывает, что оценка результатов применения антимонопольного законодательства для благосостояния потребителей не должна существенно зависеть от теории ценообразования.

2. Закон о цифровых рынках требует, чтобы «компании-привратники» информировали Еврокомиссию о любых слияниях и поглощениях, связанных с услугами их платформы или другими цифровыми сервисами. Кроме того, Европейская комиссия имеет право временно приостановить действия «компаний-привратников» по слияниям и поглощениям в случае продолжающегося несоблюдения Закона о цифровых рынках.

3. Европейской комиссии следует рассмотреть вопрос о введении существенных штрафов за нарушения норм конкуренции. Однако эффективность этих штрафов зависит от различных факторов, включая масштаб вовлеченных компаний, вероятность выявления нарушений и ряда других.

4. Расширяется спектр нормативных актов, законов и добровольных норм в области экологических, социальных и управленческих вопросов. Последние достижения особенно значительны в области цепочек поставок и социальных аспектов, включая права человека. Организации, работающие со сложными цепочками поставок, а также в таких строго регулируемых отраслях, как финансы, особенно часто сталкиваются с проблемами и надзором со стороны регулирующих органов в этой области. С точки зрения слияний и поглощений это означает понимание наиболее эффективных подходов к проведению комплексной финансово-юридической экспертизы целевой компании со стороны покупателя. Это предполагает также оценку управленческой структуры и готовности к решению текущих и будущих вопросов, включая аспекты устойчивого развития, управление изменениями поставок и задачи переходного периода.

5. Предлагаемое в данной работе регулирование предусматривает разработку особого «кодекса поведения» и обеспечение его соблюдения компаниями, имеющими статус стратегических участников рынка. Это повысит ценность и улучшит совместимость персональных данных, а также будет способствовать созданию систем, основанных на открытых стандартах. Компании также будут стремиться к повышению открытости данных, особенно в тех случаях, когда эксклюзивный доступ к данным ведет к ограничениям на рынке. Кроме того, кодекс должен быть направлен на стимулирование конкуренции, оценку слияний, потенциально создающих цифровые барьеры для конкуренции, и на сбор информации о тенденциях и эволюции цифровых рынков.

6. Изучение последствий цифровых слияний в долгосрочной перспективе предполагает изучение их влияния на потенциальные будущие инновации и конкуренцию, а также необходимость защиты от угроз со стороны периферийных конкурентов.

7. Дискуссионным является вопрос о снижении или переносе бремени доказывания в отношении нарушений, а также о снижении приемлемости судебного контроля, применяемого к решениям антимонопольных органов. Мы предлагаем ввести прямой юридический запрет на определенные односторонние действия, имевшие место на цифровых рынках, и переложить на действующих игроков бремя доказывания влияния таких действий на конкуренцию. Таким образом, принятые рекомендации должны быть подкреплены интенсивными, организованными научными исследованиями соответствующих рынков, а также оценкой последствий предлагаемых изменений; применение любых изменений должно основываться на фактических данных.

8. Необходимо сформулировать руководящие принципы, где четко обозначить потенциальные препятствия на пути инноваций, которые могут возникнуть в результате слияний в технологическом секторе. В них следует также включить качественную оценку влияния таких слияний на конкуренцию и прогресс в технологическом развитии.

Заключение

Слияния и поглощения исторически являлись одним из базовых элементов корпоративного сектора. Поскольку деловая и технологическая среда продолжают развиваться, будущее слияний и поглощений характеризуется новыми тенденциями и прогнозами. Все это в ближайшие годы будет оказывать влияние на методы осуществления операций по объединению бизнеса.

Траектория развития слияний и поглощений в технологическом секторе характеризуется динамизмом и широкими возможностями, которые стимулируются инновациями в области технологий, изменениями в нормативно-правовой базе и меняющимися потребностями рынка. Компаниям крайне важно сохранять бдительность и гибкость, чтобы эффективно маневрировать в сложных условиях слияний и поглощений. Благодаря стратегическому использованию новейших технологий, всестороннему пониманию нормативно-правовой базы и акценту на инновации наряду с совместимостью культур организации могут эффективно позиционировать себя для роста и успеха в динамичном мире слияний и поглощений. Будущее этой сферы обещает быть динамичным и преобразующим для компаний во всем мире, будь то международные сделки или приобретение технологических инноваций.

Список литературы

- Abbott, A. F., & Spulber, D. F. (2024). Antitrust Merger Policy and Innovation Competition. *Journal of Business & Technology Law*, 19(2), 2.
- Afuwape, K. (2024). Analysing the Ex-ante Regulations in India's Digital Competition Bill and Its Effects on Indian Business Interests. *World Competition*, 47(4), 521–556. <https://doi.org/10.54648/woco2024030>
- Albert, J. R. G. (2020). *Towards measuring the platform economy: Concepts, indicators, and issues* (No. 2020-28). PIDS Discussion Paper Series.
- Alexiadis, P. (2024). The UK's Digital Markets, Competition and Consumers Act Passes into Law. *Business Law International*, 25(3), 271–201.
- Almeida, F. (2023). Foresights for big data across industries. *Foresight*, 25(3), 334–348.
- Bergqvist, C. (2024). *The EU's Investigation Into Microsoft Teams: A Preliminary Assessment*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4888247>
- Bostoen, F., & Vanwamel, D. (2024). The Digital Markets Act: A partial solution to antitrust's remedy problem. *Common Market Law Review*, 61(6). <https://doi.org/10.54648/cola2024103>
- Bougette, P., Budzinski, O., & Marty, F. (2024). *Ex-ante versus Ex-post in Competition Law Enforcement: Blurred Boundaries and Economic Rationale* (No. 2024-18). Groupe de REcherche en Droit, Economie, Gestion (GREDEG CNRS), Université Côte d'Azur, France.
- Carril-Caccia, F., & Pavlova, E. (2020). Mergers and acquisitions & trade: A global value chain analysis. *The World Economy*, 43(3), 586–614. <https://doi.org/10.1111/twec.12882>
- Casey, A. J., & Niblett, A. (2021). Micro-Detectives and Computational Merger Review. *Stan. Computational Antitrust*, 1, 132. <https://doi.org/10.51868/8>
- Chaoxian, G., & Wei, H. (2024). Industrial Organization in the Digital Economy Era: Evolution and Effects. *China Economist*, 19(4), 15–36. <https://doi.org/10.19602/j.chinaeconomist.2024.07.02>
- Chatterjee, S., Chaudhuri, R., Kamble, S., Gupta, S., & Sivarajah, U. (2023). Adoption of artificial intelligence and cutting-edge technologies for production system sustainability: a moderator-mediation analysis. *Information Systems Frontiers*, 25(5), 1779–1794. EDN: <https://www.elibrary.ru/CKWBLQ>. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10796-022-10317-x>
- Cini, M., & Czulno, P. (2022). Digital single market and the EU competition regime: An explanation of policy change. *Journal of European Integration*, 44(1), 41–57. EDN: <https://www.elibrary.ru/JZ00NR>. DOI: <https://doi.org/10.1080/07036337.2021.2011260>
- Čirjevskis, A. (2019). The Role of Dynamic Capabilities as Drivers of Business Model Innovation in Mergers and Acquisitions of Technology-Advanced Firms. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 5(1), 12. <https://doi.org/10.3390/joitmc5010012>
- Coveri, A., Cozza, C., & Guarascio, D. (2024). Blurring boundaries: an analysis of the digital platforms-military nexus. *Review of Political Economy*, 1–32. <https://doi.org/10.1080/09538259.2024.2395832>
- Crandall, R. W. (2024). Towards a More Vigorous Antitrust Policy? *Review of Industrial Organization*, 1–16. EDN: <https://www.elibrary.ru/LOJJQS>. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11151-024-09981-x>
- de Carvalho, S. (2024). The Roots of Antitrust Policy in the United States' Sherman Act. *International Investment Law Journal*, 4(1), 92–110.
- Eben, M., & Reader, D. (2023). Taking aim at innovation-crushing mergers: a killer instinct unleashed?. *Yearbook of European Law*, 42, 286–321. EDN: <https://www.elibrary.ru/XQGYWZ>. DOI: <https://doi.org/10.1093/yel/yead013>

- Enriques, L., & Gatti, M. (2015). Creeping acquisitions in Europe: enabling companies to be better safe than sorry. *Journal of Corporate Law Studies*, 15(1), 55–101.
- Eroğlu, M., & Koksall, A. (2024). Ex-Post Application of Structural Remedies to Large Online Platforms at a National Level. *İstanbul Medeniyet Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*, 9(1), 135–169. EDN: <https://www.elibrary.ru/UWSEZT>. DOI: <https://doi.org/10.58733/imhfd.1451588>
- Ganguli, P. (2024). *International Perspectives on Antitrust Laws: A Comparative Study of India, the US, and the EU*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5006751>
- Gilbert, R. J., & Melamed, A. D. (2024). Potential Competition and the 2023 Merger Guidelines. *Review of Industrial Organization*, 65, 269–302. EDN: <https://www.elibrary.ru/LADALU>. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11151-024-09964-y>
- Glick, M., Lozada, G. A., Govindan, P., & Bush, D. (2023). The Horizontal Merger Efficiency Fallacy. *Temple Law Review*, 96, 571. <https://doi.org/10.36687/inetwp212>
- Goldsmith, J. (2017). A comparative user evaluation of tablets and tools for consecutive interpreters. *Proceedings of Translating and the Computer*, 39, 40–50.
- Gorecka, A. (2024). *The interface between competition law and data privacy law: violation of privacy as an exploitative theory of harm under Article 102 TFEU*. Switzerland: Springer International. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-73865-4>
- Graef, I. (2024). Regulating Digital Platforms: Streamlining the Interaction between the Digital Markets Act and National Competition Regimes. In *The Legal Consistency of Technology Regulation in Europe* (pp. 157–176). Hart Publishing. <https://doi.org/10.5040/9781509968053.ch-008>
- Gupta, M., Gupta, D., & Rai, P. (2024). Exploring the Impact of Software as a Service (SaaS) on Human Life. *EAI Endorsed Transactions on Internet of Things*, 10. EDN: <https://www.elibrary.ru/KASFJK>. DOI: <https://doi.org/10.4108/eetiot.4821>
- Henten, A., & Windekilde, I. (2022). Demand-Side Economies of Scope in Big Tech Business Modelling and Strategy. *Systems*, 10(6), 246. EDN: <https://www.elibrary.ru/EPXSIM>. DOI: <https://doi.org/10.3390/systems10060246>
- Highfield, J. (2024). Is Big Necessarily Bad? An Examination of the Revolutionary DMA and DMCC Designation Criteria. *North East Law Review*, 10, 75–86.
- Hiwarale, M. M. G., Irene, M., Jaiswal, D., & Tyagi, A. (2024). Competition Commission Of India: Safeguarding Fair Play In Mergers And Acquisitions In India. *Library Progress International*, 44(3), 9966–9977.
- Ioramashvili, C., Feldman, M., Guy, F., & Iammarino, S. (2024). Gathering round Big Tech: How the market for acquisitions concentrates the digital sector. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(2), 293–306. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsae003>
- Ivaldi, M., Petit, N., & Unekbas, S. (2023). Killer acquisitions: Evidence from EC merger cases in digital industries. *Antitrust Law Journal – TSE Working Paper*, 13-1420. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4407333>
- Jin, G. Z., Leccese, M., & Wagman, L. (2023). How do top acquirers compare in technology mergers? New evidence from an SP taxonomy. *International Journal of Industrial Organization*, 89, 102891. EDN: <https://www.elibrary.ru/KLFCZD>. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijindorg.2022.102891>
- Khan, L. M. (2019). The Separation of Platforms and Commerce. *Columbia Law Review*, 119(4), 973–1098.
- Khandelwal, R., Nayak, A., Chung, P., Fawaz, K., Bianchi, A., Celik, Z. B., ... & Hussain, S. R. (2024). Unpacking Privacy Labels: A Measurement and Developer Perspective on Google's Data Safety Section. In *33rd USENIX Security Symposium (USENIX Security 24)* (pp. 2831–2848). Philadelphia PA USA.
- Khokhlov, E. (2017). The Russian Federal Antimonopoly Service's Case Against Google Related to Bundling and other Anticompetitive Practices with Respect to Android. *Journal of European Competition Law & Practice*, 8(7), 468–474. EDN: <https://www.elibrary.ru/DGIKFH>. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpx036>
- King, D. R., Schriber, S., Bauer, F., & Amiri, S. (2018). Acquisitions as corporate entrepreneurship. In *Advances in mergers and acquisitions* (pp. 119–144). Emerald Publishing Limited. <https://doi.org/10.1108/S1479-361X20180000017006>
- Kira, B. (2024). Inter-Agency Coordination and Digital Platform Regulation: Lessons from the WhatsApp Case in Brazil. *International Review of Law, Computers & Technology*, 39(1), 6–29. <https://doi.org/10.1080/13600869.2024.2351671>
- Kızılay, A. S. (2024). Lack of Effective Control on Killer Acquisitions in the Big Tech Market under EU Framework: Rethinking of EUMR Rules?. *Public and Private International Law Bulletin*, 44(1), 253–280. <https://doi.org/10.26650/ppil.2023.44.1.110941>
- Koch, T., & Windsperger, J. (2017). Seeing through the network: Competitive advantage in the digital economy. *Journal of Organization Design*, 6, 1–30. EDN: <https://www.elibrary.ru/OFWKDB>. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41469-017-0016-z>

- Kretschmer, T., Leiponen, A., Schilling, M., & Vasudeva, G. (2022). Platform ecosystems as meta-organizations: Implications for platform strategies. *Strategic Management Journal*, 43(3), 405–424. EDN: <https://www.elibrary.ru/UIUHRX>. DOI: <https://doi.org/10.1002/smj.3250>
- Krzykowski, M. (2024). Article 22 of the EC Merger Regulation—national and European control: energy sector. In *Research Handbook on EU Competition Law and the Energy Transition* (pp. 278–297). Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781803922591.00021>
- Kuenzler, A. (2022). What competition law can do for data privacy (and vice versa). *Computer Law & Security Review*, 47, 105757. EDN: <https://www.elibrary.ru/IWZXRH>. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2022.105757>
- Kyle, M., Shah, O., & Mani, V. (2024). Hot tub time machine? What role for Towercast in EU merger control. *Journal of European Competition Law & Practice*, 15(6), 436–443. EDN: <https://www.elibrary.ru/PJRURU>. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpae057>
- Lancieri, F., & Pereira Neto, C. M. S. (2022). Designing remedies for digital markets: The interplay between antitrust and regulation. *Journal of Competition Law & Economics*, 18(3), 613–669. EDN: <https://www.elibrary.ru/UMSRLI>. DOI: <https://doi.org/10.1093/joclec/nhab022>
- Larouche, P., de Stree, A. (2021). The European Digital Markets Act: A Revolution Grounded on Traditions. *Journal of European Competition Law & Practice*, 12(7), 542–560. EDN: <https://www.elibrary.ru/SMRDTL>. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpab066>
- Lawton, T., Angwin, D., Dattée, B., Arregle, J. L., & Barbieri, P. (2024). Autonomy as a Strategic Dial: A Dynamic Framework for Managing Acquired Subsidiaries. *California Management Review*, 66(3), 47–68. <https://doi.org/10.1177/00081256241238054>
- Letina, I., Schmutzler, A., & Seibel, R. (2024). Killer acquisitions and beyond: policy effects on innovation strategies. *International Economic Review*, 65(2), 591–622. EDN: <https://www.elibrary.ru/SZDHIW>. DOI: <https://doi.org/10.1111/iere.12689>
- Levy, N., Rimsa, A., & Buzatu, B. (2021). The European Commission's New Merger Referral Policy: A Creative Reform or an Unnecessary End to 'Brightline' Jurisdictional Rules? *European Competition & Regulatory Law Review*, 5, 364–379. EDN: <https://www.elibrary.ru/JEBCIL>. DOI: <https://doi.org/10.21552/core/2021/4/5>
- Linneman, D. L. (2022). From Sherman to Shut down—Understanding Antitrust Legislation Targeting Big Tech. *Business, Entrepreneurship & Tax Law Review*, 6, 118.
- Manganelli, A., & Nicita, A. (2022). *Regulating Big Techs and Their Economic Power*. In *Regulating Digital Markets: The European Approach* (pp. 137–165). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-89388-0_6
- Marinova, M. (2024). The UK's digital market regulation: the need for a proportionality principle in the CMA's new framework. *Journal of European Competition Law & Practice*, 15(7), 491–497. EDN: <https://www.elibrary.ru/VXKTSO>. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpae062>
- Marty, F., & Warin, T. (2023). Multi-sided platforms and innovation: A competition law perspective. *Competition & Change*, 27(1), 184–204. EDN: <https://www.elibrary.ru/SCNHCL>. DOI: <https://doi.org/10.1177/10245294221085639>
- Mateev, M. (2017). Is the M&A announcement effect different across Europe? More evidences from continental Europe and the UK. *Research in International Business and Finance*, 40, 190–216. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2017.02.001>
- Mendelsohn, J., & Breide, L. (2024). Considering the direction of innovation in EU merger control. *Journal of Responsible Innovation*, 11(1). 2425120. <https://doi.org/10.1080/23299460.2024.2425120>
- Nary, P., & Kaul, A. (2023). Private equity as an intermediary in the market for corporate assets. *Academy of Management Review*, 48(4), 719–748. EDN: <https://www.elibrary.ru/WIRZNM>. DOI: <https://doi.org/10.5465/amr.2020.0168>
- Nazzini, R. (2006). Article 81 EC between time present and time past: a normative critique of “restriction of competition” in EU law. *Common Market Law Review*, 43(2), 497–536. <https://doi.org/10.54648/COLA2006005>
- Nobrega, J. H. C., Sigahi, T. F., Rampasso, I. S., Minatogawa, V. L. F., Moraes, G. H. S. M. D., Ávila, L. V., & Anholon, R. (2024). Managing multi-sided platforms in an emerging country: challenges, critical success factors and contrasts with traditional companies. *Journal of Manufacturing Technology Management*, 35(2), 247–267. EDN: <https://www.elibrary.ru/AYDRVO>. DOI: <https://doi.org/10.1108/jmtm-11-2022-0387>
- Norris, M. (2024). *Activating Anti-Trust Pinch Points: Microsoft's Activision Merger Conundrum and International Irregularities in Anti-Trust Law*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4715559>
- Odrobina, A. (2023). The internationalisation of platform-based businesses—the case of GAFAM. *Central European Review of Economics & Finance*, 43(2), 17–36. EDN: <https://www.elibrary.ru/GJSRSS>. DOI: <https://doi.org/10.24136/ceref.2023.007>

- Parker, G., & Van Alstyne, M. (2024). Platforms: Their Structure, Benefits, and Challenges. In: H. Werthner, et al., *Introduction to Digital Humanism* (pp. 523–542). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-45304-5_33
- Parker, G., Petropoulos, G., & Van Alstyne, M. (2021). Platform mergers and antitrust. *Industrial and Corporate Change*, 30(5), 1307–1336. <https://doi.org/10.1093/icc/dtab048>
- Petrucci, C. F. (2023). Self-preferencing in the EU: a legal and policy analysis of the Google Shopping case and the Digital Markets Act. *Competition Law Journal*, 22(1), 18–29. EDN: <https://www.elibrary.ru/NHSMAS>. DOI: <https://doi.org/10.4337/clj.2023.01.03>
- Pošćić, A. (2024). The Digital Markets Act: Ensuring More Contestability and Openness in the European Digital Market. *InterEULawEast: Journal for the International and European Law, Economics and Market Integrations*, 11(1), 269–288. <https://doi.org/10.22598/iele.2024.11.1.12>
- Prado, T. S. (2022). Safeguarding Competition in Digital Markets: A Comparative Analysis of Emerging Policy and Regulatory Regimes. *Quello Center Working Paper*, 05. EDN: <https://www.elibrary.ru/UOVKIU>. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.4137588>
- Reddy, K. S. (2016). Regulatory framework of mergers and acquisitions: A review of Indian statutory compliances and policy recommendations. *International Journal of Law and Management*, 58(2), 197–215. <https://doi.org/10.1108/IJLMA-03-2015-0013>
- Redkina, A., Molodchik, M., & Jardon, C. (2023). Russian merger control: in favor of foreign companies? *International Journal of Emerging Markets*, 18(10), 3802–3823. EDN: <https://www.elibrary.ru/JFCGZD>. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJOEM-01-2021-0109>
- Rikap, C., Lundvall, B. Å., Rikap, C., & Lundvall, B. Å. (2021). Alternative Futures and What is to Be Done. In *The Digital Innovation Race: Conceptualizing the Emerging New World Order*, 165–187. https://doi.org/10.1007/978-3-030-89443-6_8
- Robertson, V. H. (2024). Digital merger control: adapting theories of harm. *European Competition Journal*, 20(2), 437–459. <https://doi.org/10.1080/17441056.2024.2307163>
- Saouma, R. E., Shelef, O., Wuebker, R., & McGahan, A. M. (2023). Incumbent Incentives In Response To Entry. *Rotman School of Management Working Paper*, 4122634. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4122634>
- Saura, J. R., Ribeiro-Soriano, D., & Palacios-Marqués, D. (2021). From user-generated data to data-driven innovation: A research agenda to understand user privacy in digital markets. *International Journal of Information Management*, 60, 102331. EDN: <https://www.elibrary.ru/LGMVSR>. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2021.102331>
- Shastitko, A., Markova, O. A., & Morozov, A. N. (2022). Deceptive evidence: The experience of product market definition for the purpose of competition law enforcement. *Russian Journal of Economics*, 8(3), 255–275. EDN: <https://www.elibrary.ru/LZYMUP>. DOI: <https://doi.org/10.32609/j.ruje.8.82144>
- Soni, M., & Kumar, R. (2024). Competition in Digital Markets in India and the Proposed Ex-Ante Regulatory Framework: A Legal Analysis of the Draft Competition Bill, 2024. *Cahiers Magellanes-NS*, 6(2), 4887–4900. <https://magellanes.com/index.php/CMN/article/view/776>
- Staab, P. (2024). Financial capitalism online. In *Markets and power in digital capitalism* (pp. 31–64). Manchester University Press. <https://doi.org/10.7765/9781526172174.00008>
- Stephan, A. (2020). *The EU method of antitrust enforcement*. In *Research Handbook on Methods and Models of Competition Law* (pp. 391–413). Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781785368653.00028>
- Tan, G., & Zhou, J. (2021). The effects of competition and entry in multi-sided markets. *The Review of Economic Studies*, 88(2), 1002–1030. EDN: <https://www.elibrary.ru/RUVVJF>. DOI: <https://doi.org/10.1093/restud/rdaa036>
- Tsyganov, A., Davydova, L., & Dokukina, A. (2023). Merger control in Russia: Review and perspectives. *Research Handbook on Global Merger Control*, 537–562. <https://doi.org/10.4337/9781800378193.00035>
- Tzanaki, A. (2023). *Dynamism and Politics in EU Merger Control: Appreciating the Gain and the Gap*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4574948>
- Xie, Y., & Wu, D. (2024). How does competition policy affect enterprise digitization? Dual perspectives of digital commitment and digital innovation. *Journal of Business Research*, 178, 114651. EDN: <https://www.elibrary.ru/MGTGDJ>. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2024.114651>
- Xu, H., & Deng, S. (2024). Digital Mergers and Acquisitions and Enterprise Innovation Quality: Analysis Based on Research and Development Investment and Overseas Subsidiaries. *Sustainability*, 16(3), 1120. EDN: <https://www.elibrary.ru/OTWGGN>. DOI: <https://doi.org/10.3390/su16031120>
- Ziermann, F. (2023). Assessing the World's Largest Gaming Acquisition under EU Competition Law. *Journal of European Competition Law & Practice*, 14(4), 203–219. EDN: <https://www.elibrary.ru/YOTQHD>. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpad019>

Сведения об авторе

Афувапе Колаволе – преподаватель, Школа права, Глобальный университет им. О. П. Джиндала

Адрес: Индия, 131001, Харьяна, г. Сонипат, район Джагдишпур, улица Сонипат Нарела

E-mail: afuwapekolawole@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-5686-230X>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/LPP-5259-2024>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=2tZOhdAAAAJ>

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.07.45 / Право и научно-технический прогресс

Специальность ВАК: 5.1.3 / Частно-правовые (цивилистические) науки

История статьи

Дата поступления – 26 декабря 2024 г.

Дата одобрения после рецензирования – 14 января 2025 г.

Дата принятия к опубликованию – 20 июня 2025 г.

Дата онлайн-размещения – 25 июня 2025 г.

Research article

UDC 34:004:34.096:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/nzbqnm>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.13>

Regulatory Barriers in Digital Mergers and Acquisitions: Antitrust Regulation of Technology Sector

Kolawole Afuwape

O. P. Jindal Global University, Sonipat, India

Keywords

antimonopoly legislation,
competition,
digital economy,
digital technologies,
dominant position,
law,
legislation,
mergers and acquisitions,
technology giant,
technology sector

Abstract

Objective: to determine the nature and degree of influence of the antimonopoly legislation of the European Union and the USA on mergers and acquisitions in the technology sector.

Methods: the work uses a comparative and interdisciplinary approach combining legal analysis and economic modeling. The author performed a comparative analysis of the legislation of the European Union and the US, summarized antimonopoly regulation practices, and considered doctrinal sources and modern empirical data. The methods used include content analysis of regulations, case studies of the largest digital companies, and elements of forecasting the impact of regulatory changes on innovation activity and market dynamics.

Results: various approaches to regulation of mergers and acquisitions in the digital economy were considered. The peculiarities of law enforcement in the European Union and the USA were analyzed. It was proved that strict antitrust measures can both restrain market concentration and create barriers to innovation. The author found that the practice of applying the EU Law on Digital Markets and the US relevant acts significantly affects structural changes in the technology sector, forming new competition models. Recommendations are given on improving international cooperation and developing common and fair regulatory standards for digital markets. Special attention is paid to the problems of determining the dominant position, regulatory control, and specific features of digital markets.

© Afuwape K., 2025

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Scientific novelty: the article systematically compares the regulatory regimes of the world's leading jurisdictions through the prism of digital mergers and acquisitions. It expands the categorical apparatus through modern approaches to the analysis of network effects, competition for data, and new forms of market power. The author applies his own criterion for analyzing the comprehensive examination of transactions from the viewpoint of sustainability and innovation potential.

Practical significance: the conclusions and recommendations contribute to the formation of a more flexible and adaptive regulatory policy towards technology giants, which is essential for lawmakers, regulators, corporate strategists and researchers of the digital economy.

For citation

Afuwape, K. (2025). Regulatory Barriers in Digital Mergers and Acquisitions: Antitrust Regulation of Technology Sector. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(2), 304–337. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.13>

References

- Abbott, A. F., & Spulber, D. F. (2024). Antitrust Merger Policy and Innovation Competition. *Journal of Business & Technology Law*, 19(2), 2.
- Afuwape, K. (2024). Analysing the Ex-ante Regulations in India's Digital Competition Bill and Its Effects on Indian Business Interests. *World Competition*, 47(4), 521–556. <https://doi.org/10.54648/woco2024030>
- Albert, J. R. G. (2020). *Towards measuring the platform economy: Concepts, indicators, and issues* (No. 2020-28). PIDS Discussion Paper Series.
- Alexiadis, P. (2024). The UK's Digital Markets, Competition and Consumers Act Passes into Law. *Business Law International*, 25(3), 271–201.
- Almeida, F. (2023). Foresights for big data across industries. *Foresight*, 25(3), 334–348.
- Bergqvist, C. (2024). *The EU's Investigation Into Microsoft Teams: A Preliminary Assessment*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4888247>
- Bostoen, F., & Vanwamel, D. (2024). The Digital Markets Act: A partial solution to antitrust's remedy problem. *Common Market Law Review*, 61(6). <https://doi.org/10.54648/cola2024103>
- Bougette, P., Budzinski, O., & Marty, F. (2024). *Ex-ante versus Ex-post in Competition Law Enforcement: Blurred Boundaries and Economic Rationale* (No. 2024-18). Groupe de REcherche en Droit, Economie, Gestion (GREDEG CNRS), Université Côte d'Azur, France.
- Carril-Caccia, F., & Pavlova, E. (2020). Mergers and acquisitions & trade: A global value chain analysis. *The World Economy*, 43(3), 586–614. <https://doi.org/10.1111/twec.12882>
- Casey, A. J., & Niblett, A. (2021). Micro-Detectives and Computational Merger Review. *Stan. Computational Antitrust*, 1, 132. <https://doi.org/10.51868/8>
- Chaoxian, G., & Wei, H. (2024). Industrial Organization in the Digital Economy Era: Evolution and Effects. *China Economist*, 19(4), 15–36. <https://doi.org/10.19602/j.chinaeconomist.2024.07.02>
- Chatterjee, S., Chaudhuri, R., Kamble, S., Gupta, S., & Sivarajah, U. (2023). Adoption of artificial intelligence and cutting-edge technologies for production system sustainability: a moderator-mediation analysis. *Information Systems Frontiers*, 25(5), 1779–1794. <https://doi.org/10.1007/s10796-022-10317-x>
- Cini, M., & Czulno, P. (2022). Digital single market and the EU competition regime: An explanation of policy change. *Journal of European Integration*, 44(1), 41–57. <https://doi.org/10.1080/07036337.2021.2011260>
- Čirjevskis, A. (2019). The Role of Dynamic Capabilities as Drivers of Business Model Innovation in Mergers and Acquisitions of Technology-Advanced Firms. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 5(1), 12. <https://doi.org/10.3390/joitmc5010012>
- Coveri, A., Cozza, C., & Guarascio, D. (2024). Blurring boundaries: an analysis of the digital platforms-military nexus. *Review of Political Economy*, 1–32. <https://doi.org/10.1080/09538259.2024.2395832>

- Crandall, R. W. (2024). Towards a More Vigorous Antitrust Policy? *Review of Industrial Organization*, 1–16. <https://doi.org/10.1007/s11151-024-09981-x>
- de Carvalho, S. (2024). The Roots of Antitrust Policy in the United States' Sherman Act. *International Investment Law Journal*, 4(1), 92–110.
- Eben, M., & Reader, D. (2023). Taking aim at innovation-crushing mergers: a killer instinct unleashed?. *Yearbook of European Law*, 42, 286–321. <https://doi.org/10.1093/yel/yead013>
- Enriques, L., & Gatti, M. (2015). Creeping acquisitions in Europe: enabling companies to be better safe than sorry. *Journal of Corporate Law Studies*, 15(1), 55–101.
- Eroğlu, M., & Koksall, A. (2024). Ex-Post Application of Structural Remedies to Large Online Platforms at a National Level. *İstanbul Medeniyet Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*, 9(1), 135–169. <https://doi.org/10.58733/imhfd.1451588>
- Ganguli, P. (2024). *International Perspectives on Antitrust Laws: A Comparative Study of India, the US, and the EU*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5006751>
- Gilbert, R. J., & Melamed, A. D. (2024). Potential Competition and the 2023 Merger Guidelines. *Review of Industrial Organization*, 65, 269–302. <https://doi.org/10.1007/s11151-024-09964-y>
- Glick, M., Lozada, G. A., Govindan, P., & Bush, D. (2023). The Horizontal Merger Efficiency Fallacy. *Temple Law Review*, 96, 571. <https://doi.org/10.36687/inetwp212>
- Goldsmith, J. (2017). A comparative user evaluation of tablets and tools for consecutive interpreters. *Proceedings of Translating and the Computer*, 39, 40–50.
- Gorecka, A. (2024). *The interface between competition law and data privacy law: violation of privacy as an exploitative theory of harm under Article 102 TFEU*. Switzerland: Springer International. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-73865-4>
- Graef, I. (2024). Regulating Digital Platforms: Streamlining the Interaction between the Digital Markets Act and National Competition Regimes. In *The Legal Consistency of Technology Regulation in Europe* (pp. 157–176). Hart Publishing. <https://doi.org/10.5040/9781509968053.ch-008>
- Gupta, M., Gupta, D., & Rai, P. (2024). Exploring the Impact of Software as a Service (SaaS) on Human Life. *EAI Endorsed Transactions on Internet of Things*, 10. <https://doi.org/10.4108/eetiot.4821>
- Henten, A., & Windekilde, I. (2022). Demand-Side Economies of Scope in Big Tech Business Modelling and Strategy. *Systems*, 10(6), 246. <https://doi.org/10.3390/systems10060246>
- Highfield, J. (2024). Is Big Necessarily Bad? An Examination of the Revolutionary DMA and DMCC Designation Criteria. *North East Law Review*, 10, 75–86.
- Hiwarale, M. M. G., Irene, M., Jaiswal, D., & Tyagi, A. (2024). Competition Commission Of India: Safeguarding Fair Play In Mergers And Acquisitions In India. *Library Progress International*, 44(3), 9966–9977.
- Ioramashvili, C., Feldman, M., Guy, F., & Iammarino, S. (2024). Gathering round Big Tech: How the market for acquisitions concentrates the digital sector. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(2), 293–306. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsae003>
- Ivaldi, M., Petit, N., & Unekbass, S. (2023). Killer acquisitions: Evidence from EC merger cases in digital industries. *Antitrust Law Journal – TSE Working Paper*, 13-1420. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4407333>
- Jin, G. Z., Leccese, M., & Wagman, L. (2023). How do top acquirers compare in technology mergers? New evidence from an SP taxonomy. *International Journal of Industrial Organization*, 89, 102891. <https://doi.org/10.1016/j.ijindorg.2022.102891>
- Khan, L. M. (2019). The Separation of Platforms and Commerce. *Columbia Law Review*, 119(4), 973–1098.
- Khandelwal, R., Nayak, A., Chung, P., Fawaz, K., Bianchi, A., Celik, Z. B., ... & Hussain, S. R. (2024). Unpacking Privacy Labels: A Measurement and Developer Perspective on Google's Data Safety Section. In *33rd USENIX Security Symposium (USENIX Security 24)* (pp. 2831–2848). Philadelphia PA USA.
- Khokhlov, E. (2017). The Russian Federal Antimonopoly Service's Case Against Google Related to Bundling and other Anticompetitive Practices with Respect to Android. *Journal of European Competition Law & Practice*, 8(7), 468–474. <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpx036>
- King, D. R., Schriber, S., Bauer, F., & Amiri, S. (2018). Acquisitions as corporate entrepreneurship. In *Advances in mergers and acquisitions* (pp. 119–144). Emerald Publishing Limited. <https://doi.org/10.1108/S1479-361X20180000017006>
- Kira, B. (2024). Inter-Agency Coordination and Digital Platform Regulation: Lessons from the WhatsApp Case in Brazil. *International Review of Law, Computers & Technology*, 39(1), 6–29. <https://doi.org/10.1080/13600869.2024.2351671>
- Kızılay, A. S. (2024). Lack of Effective Control on Killer Acquisitions in the Big Tech Market under EU Framework: Rethinking of EUMR Rules?. *Public and Private International Law Bulletin*, 44(1), 253–280. <https://doi.org/10.26650/ppil.2023.44.1.110941>

- Koch, T., & Windsperger, J. (2017). Seeing through the network: Competitive advantage in the digital economy. *Journal of Organization Design*, 6, 1–30. <https://doi.org/10.1186/s41469-017-0016-z>
- Kretschmer, T., Leiponen, A., Schilling, M., & Vasudeva, G. (2022). Platform ecosystems as meta-organizations: Implications for platform strategies. *Strategic Management Journal*, 43(3), 405–424. <https://doi.org/10.1002/smj.3250>
- Krzykowski, M. (2024). Article 22 of the EC Merger Regulation—national and European control: energy sector. In *Research Handbook on EU Competition Law and the Energy Transition* (pp. 278–297). Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781803922591.00021>
- Kuenzler, A. (2022). What competition law can do for data privacy (and vice versa). *Computer Law & Security Review*, 47, 105757. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2022.105757>
- Kyle, M., Shah, O., & Mani, V. (2024). Hot tub time machine? What role for Towercast in EU merger control. *Journal of European Competition Law & Practice*, 15(6), 436–443. <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpae057>
- Lancieri, F., & Pereira Neto, C. M. S. (2022). Designing remedies for digital markets: The interplay between antitrust and regulation. *Journal of Competition Law & Economics*, 18(3), 613–669. <https://doi.org/10.1093/joclec/nhab022>
- Larouche, P., de Streel, A. (2021). The European Digital Markets Act: A Revolution Grounded on Traditions. *Journal of European Competition Law & Practice*, 12(7), 542–560. <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpab066>
- Lawton, T., Angwin, D., Dattée, B., Arregle, J. L., & Barbieri, P. (2024). Autonomy as a Strategic Dial: A Dynamic Framework for Managing Acquired Subsidiaries. *California Management Review*, 66(3), 47–68. <https://doi.org/10.1177/00081256241238054>
- Letina, I., Schmutzler, A., & Seibel, R. (2024). Killer acquisitions and beyond: policy effects on innovation strategies. *International Economic Review*, 65(2), 591–622. <https://doi.org/10.1111/iere.12689>
- Levy, N., Rimsa, A., & Buzatu, B. (2021). The European Commission's New Merger Referral Policy: A Creative Reform or an Unnecessary End to 'Brightline' Jurisdictional Rules? *European Competition & Regulatory Law Review*, 5, 364–379. <https://doi.org/10.21552/core/2021/4/5>
- Linneman, D. L. (2022). From Sherman to Shut down—Understanding Antitrust Legislation Targeting Big Tech. *Business, Entrepreneurship & Tax Law Review*, 6, 118.
- Manganelli, A., & Nicita, A. (2022). *Regulating Big Techs and Their Economic Power*. In *Regulating Digital Markets: The European Approach* (pp. 137–165). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-89388-0_6
- Marinova, M. (2024). The UK's digital market regulation: the need for a proportionality principle in the CMA's new framework. *Journal of European Competition Law & Practice*, 15(7), 491–497. <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpae062>
- Marty, F., & Warin, T. (2023). Multi-sided platforms and innovation: A competition law perspective. *Competition & Change*, 27(1), 184–204. <https://doi.org/10.1177/10245294221085639>
- Mateev, M. (2017). Is the M&A announcement effect different across Europe? More evidences from continental Europe and the UK. *Research in International Business and Finance*, 40, 190–216. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2017.02.001>
- Mendelsohn, J., & Breide, L. (2024). Considering the direction of innovation in EU merger control. *Journal of Responsible Innovation*, 11(1). 2425120. <https://doi.org/10.1080/23299460.2024.2425120>
- Nary, P., & Kaul, A. (2023). Private equity as an intermediary in the market for corporate assets. *Academy of Management Review*, 48(4), 719–748. <https://doi.org/10.5465/amr.2020.0168>
- Nazzini, R. (2006). Article 81 EC between time present and time past: a normative critique of “restriction of competition” in EU law. *Common Market Law Review*, 43(2), 497–536. <https://doi.org/10.54648/COLA2006005>
- Nobrega, J. H. C., Sigahi, T. F., Rampasso, I. S., Minatogawa, V. L. F., Moraes, G. H. S. M. D., Ávila, L. V., & Anholon, R. (2024). Managing multi-sided platforms in an emerging country: challenges, critical success factors and contrasts with traditional companies. *Journal of Manufacturing Technology Management*, 35(2), 247–267. <https://doi.org/10.1108/jmtm-11-2022-0387>
- Norris, M. (2024). *Activating Anti-Trust Pinch Points: Microsoft's Activision Merger Conundrum and International Irregularities in Anti-Trust Law*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4715559>
- Odrobina, A. (2023). The internationalisation of platform-based businesses—the case of GAFAM. *Central European Review of Economics & Finance*, 43(2), 17–36. <https://doi.org/10.24136/ceref.2023.007>
- Parker, G., & Van Alstyne, M. (2024). Platforms: Their Structure, Benefits, and Challenges. In: H. Werthner, et al., *Introduction to Digital Humanism* (pp. 523–542). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-45304-5_33

- Parker, G., Petropoulos, G., & Van Alstyne, M. (2021). Platform mergers and antitrust. *Industrial and Corporate Change*, 30(5), 1307–1336. <https://doi.org/10.1093/icc/dtab048>
- Petrucci, C. F. (2023). Self-preferencing in the EU: a legal and policy analysis of the Google Shopping case and the Digital Markets Act. *Competition Law Journal*, 22(1), 18–29. <https://doi.org/10.4337/clj.2023.01.03>
- Pošćić, A. (2024). The Digital Markets Act: Ensuring More Contestability and Openness in the European Digital Market. *InterEULawEast: Journal for the International and European Law, Economics and Market Integrations*, 11(1), 269–288. <https://doi.org/10.22598/iele.2024.11.1.12>
- Prado, T. S. (2022). Safeguarding Competition in Digital Markets: A Comparative Analysis of Emerging Policy and Regulatory Regimes. *Quello Center Working Paper*, 05. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4137588>
- Reddy, K. S. (2016). Regulatory framework of mergers and acquisitions: A review of Indian statutory compliances and policy recommendations. *International Journal of Law and Management*, 58(2), 197–215. <https://doi.org/10.1108/IJLMA-03-2015-0013>
- Redkina, A., Molodchik, M., & Jardon, C. (2023). Russian merger control: in favor of foreign companies? *International Journal of Emerging Markets*, 18(10), 3802–3823. <https://doi.org/10.1108/IJOEM-01-2021-0109>
- Rikap, C., Lundvall, B. Å., Rikap, C., & Lundvall, B. Å. (2021). Alternative Futures and What is to Be Done. In *The Digital Innovation Race: Conceptualizing the Emerging New World Order*, 165–187. https://doi.org/10.1007/978-3-030-89443-6_8
- Robertson, V. H. (2024). Digital merger control: adapting theories of harm. *European Competition Journal*, 20(2), 437–459. <https://doi.org/10.1080/17441056.2024.2307163>
- Saouma, R. E., Shelef, O., Wuebker, R., & McGahan, A. M. (2023). Incumbent Incentives In Response To Entry. *Rotman School of Management Working Paper*, 4122634. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4122634>
- Saura, J. R., Ribeiro-Soriano, D., & Palacios-Marqués, D. (2021). From user-generated data to data-driven innovation: A research agenda to understand user privacy in digital markets. *International Journal of Information Management*, 60, 102331. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2021.102331>
- Shastitko, A., Markova, O. A., & Morozov, A. N. (2022). Deceptive evidence: The experience of product market definition for the purpose of competition law enforcement. *Russian Journal of Economics*, 8(3), 255–275. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.8.82144>
- Soni, M., & Kumar, R. (2024). Competition in Digital Markets in India and the Proposed Ex-Ante Regulatory Framework: A Legal Analysis of the Draft Competition Bill, 2024. *Cahiers Magellanes-NS*, 6(2), 4887–4900. <https://magellanes.com/index.php/CMN/article/view/776>
- Staab, P. (2024). Financial capitalism online. In *Markets and power in digital capitalism* (pp. 31–64). Manchester University Press. <https://doi.org/10.7765/9781526172174.00008>
- Stephan, A. (2020). *The EU method of antitrust enforcement*. In *Research Handbook on Methods and Models of Competition Law* (pp. 391–413). Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781785368653.00028>
- Tan, G., & Zhou, J. (2021). The effects of competition and entry in multi-sided markets. *The Review of Economic Studies*, 88(2), 1002–1030. <https://doi.org/10.1093/restud/rdaa036>
- Tsyganov, A., Davydova, L., & Dokukina, A. (2023). Merger control in Russia: Review and perspectives. *Research Handbook on Global Merger Control*, 537–562. <https://doi.org/10.4337/9781800378193.00035>
- Tzanaki, A. (2023). *Dynamism and Politics in EU Merger Control: Appreciating the Gain and the Gap*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4574948>
- Xie, Y., & Wu, D. (2024). How does competition policy affect enterprise digitization? Dual perspectives of digital commitment and digital innovation. *Journal of Business Research*, 178, 114651. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2024.114651>
- Xu, H., & Deng, S. (2024). Digital Mergers and Acquisitions and Enterprise Innovation Quality: Analysis Based on Research and Development Investment and Overseas Subsidiaries. *Sustainability*, 16(3), 1120. <https://doi.org/10.3390/su16031120>
- Ziermann, F. (2023). Assessing the World's Largest Gaming Acquisition under EU Competition Law. *Journal of European Competition Law & Practice*, 14(4), 203–219. <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpad019>

Author information

Kolawole Afuwape – Lecturer, Jindal Global Law School, O.P. Jindal Global University
Address: Sonipat Narela Road, Near Jagdishpur Village, Sonipat, Haryana 131001, India

E-mail: afuwapekolawole@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-5686-230X>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/LPP-5259-2024>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=2tZOhdAAAAJ>

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – December 26, 2024

Date of approval – January 14, 2025

Date of acceptance – June 20, 2025

Date of online placement – June 25, 2025

Научная статья

УДК 34:004:347:004.4

EDN: <https://elibrary.ru//ujsqxf>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.14>

Влияние пандемии COVID-19 на трансформацию судебной системы Нигерии: от традиционного к цифровому правосудию

Майкл Чуквуджинду Огвеззи

Университет штата Риверс, Порт-Харкорт, Нигерия

Ключевые слова

виртуальные слушания, доступ к правосудию, законодательство, пандемия COVID-19, право, суд, судебная система, цифровая трансформация, цифровые технологии, электронное правосудие

Аннотация

Цель: определение ключевых технологических решений, внедренных в судебную систему страны в условиях карантинных ограничений, и оценка их долгосрочного воздействия на отправление правосудия.

Методы: в исследовании применен комплексный подход, включающий анализ нормативных правовых актов, регулирующих цифровизацию правовой сферы в Нигерии, сравнительное изучение практических руководств федеральных судов и судов штатов по проведению виртуальных слушаний, систематизацию данных о внедрении электронных систем ведения дел и управления судебными процессами. Использован доктринальный метод анализа судебных решений и практики применения цифровых технологий в различных юрисдикциях страны.

Результаты: установлено, что пандемия COVID-19 стала катализатором ускоренного перехода нигерийской правовой системы от традиционного бумажного документооборота к цифровым платформам. Выявлены основные технологические решения: системы онлайн-ведения дел, виртуальные залы судебных заседаний, электронные системы подачи документов и цифровые инструменты правовых исследований. Определены преимущества цифровизации, включающие повышение производительности, обеспечение безопасности при рассмотрении дел, а также выявлены недостатки, связанные с обезличенностью документооборота, угрозами конфиденциальности и потенциальной потерей рабочих мест.

Научная новизна: проведен комплексный анализ трансформации юридической практики в Нигерии под воздействием пандемии COVID-19 с фокусом на влияние цифровизации на доступ к правосудию. Исследование вносит вклад в понимание особенностей адаптации правовых систем развивающихся стран к чрезвычайным обстоятельствам через призму технологических инноваций. Разработана

© Огвеззи М. Ч., 2025

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

авторская концепция взаимосвязи между цифровой трансформацией судебной системы и обеспечением конституционного права граждан на справедливое судебное разбирательство в условиях социального дистанцирования.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы для совершенствования законодательной базы цифровизации правовой сферы в Нигерии и других развивающихся странах. Выводы работы имеют значение для формирования политики в области модернизации судебных систем, разработки этических стандартов виртуального судопроизводства и создания эффективных механизмов обеспечения доступа к правосудию в цифровую эпоху. Практические рекомендации могут быть применены судебными органами для оптимизации процессов отправления правосудия и повышения качества юридических услуг.

Для цитирования

Огвеззи, М. Ч. (2025). Влияние пандемии COVID-19 на трансформацию судебной системы Нигерии: от традиционного к цифровому правосудию. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(2), 338–362. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.14>

Содержание

Введение

1. Законодательная база цифровизации в Нигерии
2. Влияние COVID-19 на юридический сектор
3. Технологические решения для юридической практики
  - 3.1. Онлайн-системы ведения дел
  - 3.2. Виртуальные залы судебных заседаний
  - 3.3. Юридические исследования
4. Преимущества и недостатки цифровизации юридической практики в Нигерии
  - 4.1. Преимущества цифровизации юридической практики
    - 4.1.1. Повышение производительности
    - 4.1.2. Улучшение обслуживания клиентов
    - 4.1.3. Принятие решений по конфиденциальным делам с использованием приложения Zoom
    - 4.1.4. Конкурентные преимущества
    - 4.1.5. Улучшение баланса между работой и личной жизнью
  - 4.2. Недостатки цифровизации юридической практики
    - 4.2.1. Обезличенная документация
    - 4.2.2. Угрозы конфиденциальности
    - 4.2.3. Потеря рабочих мест
    - 4.2.4. Проблемы с регулированием
5. Доступ к правосудию в Нигерии
  - 5.1. Роль технологий в расширении доступа к правосудию

6. Этические и нормативные соображения

6.1. Конфиденциальность и безопасность данных

6.2. Профессиональное поведение в ходе виртуальных разбирательств

7. Направления развития и рекомендации

Заключение

Список литературы

Введение

Юридический сектор пережил революцию в использовании цифровых инструментов при отправлении правосудия судьями и практикующими юристами. Пандемия COVID-19 повергла весь мир в катастрофу колоссальных масштабов, оказав негативное воздействие на все сферы человеческой деятельности. Были нарушены экономические и политические процессы, религиозная и общественная жизнь. Однако многие ключевые игроки в этих секторах смогли справиться с трудностями, приняв прагматичные меры. Пандемия вынудила многих специалистов рассмотреть цифровые варианты предоставления услуг; в том числе это коснулось тех, кто занимается юридической практикой, – юристов, адвокатов и поверенных в делах.

Правовые системы во всем мире стали зависеть от информационных технологий, что потребовало перехода от традиционного использования бумажных документов к электронным способам регистрации юридических документов и ведения дел. Эта тенденция характерна как для юридической практики, так и для других областей. В юридической практике широко используется цифровая обработка информации, и специалисты могут быстро получить доступ к законодательству (Ufua et al., 2020). Однако Нигерия по-прежнему придерживается устаревших способов отправления правосудия, тогда как ряд аспектов цифровой практики упускается из виду.

Пандемия COVID-19 потребовала ускорения цифровизации юридической практики во всем мире. Это необходимо для обеспечения непрерывного предоставления юридических услуг посредством виртуального и удаленного контакта с клиентами и судебными службами. В данной статье мы рассмотрим новые подходы и технологии в юридической практике, появившиеся в результате пандемии в Нигерии, а именно: гибридные формы проведения заседаний виртуальных судов, веб-приложения для коммуникации, практические рекомендации и протоколы для удаленных слушаний. Вместо физических слушаний в зале суда внедряются виртуальные слушания, удаленные онлайн-встречи для свидетелей, а также ведение судебных процессов электронными средствами и онлайн (Aidonojie, 2021).

В данной работе рассматриваются правовые положения, нормативные акты и руководящие принципы как национального уровня, так и на уровне штатов, касающиеся судебных разбирательств и схем медиации, поставщиков юридических услуг и заочных слушаний. Также рассмотрены последствия цифровизации для юридической практики и доступа к правосудию, такие как низкая пропускная способность и ненадежность подключения к Интернету во многих частях страны, нехватка компьютеров, смартфонов, модемов и камер в офисах юридических компаний и судах, риски нарушения конфиденциальности и кибербезопасности из-за отсутствия четких правил, угрозы взлома и атак типа «отказ в обслуживании», чрезмерная зависимость от одного или двух международных приложений для видео-конференц-связи,

кража данных и манипулирование ими, злоупотребление социальными сетями и зависимость от них и т. д. В работе также подчеркивается важность подготовки и переподготовки адвокатов, вспомогательного персонала и судебных работников по вопросам использования новых инструментов и предоставления инфраструктурных возможностей для содействия непрерывной цифровизации юридической практики. В заключение в статье приводятся предложения по оптимизации цифровой юридической практики в Нигерии, призванные гарантировать усиление верховенства закона и эффективное функционирование системы правосудия.

Во время пандемии суды в Нигерии были вынуждены применять цифровые устройства для обеспечения бесперебойной работы судебной системы и предоставления доступа к правосудию для всех, кто в нем нуждался. Судебный сектор и практикующие юристы использовали различные цифровые инструменты для осуществления правосудия. Этот опыт может стать поворотным моментом для отправления правосудия и судебного сектора в Нигерии.

Нигерия, как и другие страны мира, предпринимала усилия по сдерживанию дальнейшего распространения COVID-19 путем принятия политических мер и нормативных актов, направленных на обеспечение социальной дистанции и удаленной работы, что предполагает цифровизацию юридической практики. В этой связи возникает необходимость изучить, как цифровизация юридической практики и другие современные средства оказания юридической помощи влияют на доступ к правосудию в Нигерии. Учитывая сложность затронутых вопросов, цель данной статьи – определить влияние цифровизации юридической практики на судебную систему Нигерии.

1. Законодательная база цифровизации в Нигерии

Основой процесса цифровизации в Нигерии является Конституция 1999 г., которая гарантирует право на неприкосновенность частной жизни. В ст. 37 указано, что «настоящим гарантируется и защищается неприкосновенность частной жизни граждан, их жилищ, переписки, телефонных разговоров и телеграфных сообщений»¹. Это означает, что во время всего процесса цифровизации необходимо постоянно учитывать конфиденциальность всех лиц, которые в него вовлечены или могут быть затронуты, так чтобы основные права человека не были нарушены.

Кроме того, особым законом в 2007 г. было учреждено Национальное агентство по развитию информационных технологий (National Information Technology Development Agency, NITDA), которое отвечает за регулирование всех вопросов, связанных с информационными технологиями в Нигерии. Это главный регулирующий орган Нигерии в отношении онлайн-сервисов, с помощью которых пользователи могут передавать текстовые, фото- или видеосообщения друг другу через Интернет. Это организация, осуществляющая надзор за интернет-платформами, которые позволяют создавать и распространять материалы, созданные как на профессиональном, так и на любительском уровне. Указанный закон наделяет NITDA полномочиями по разработке правил и руководств для продвижения, надзора, оценки и контроля практики, деятельности и систем в области информационных

---

¹ TNigeria Constitution 1999. <https://clck.ru/3MBoND>

технологий в Нигерии, а также по любым вопросам, относящимся к этой цели или служащим ей². Агентство также уполномочено разрабатывать руководящие принципы электронного управления и контролировать использование электронного обмена данными и других форм электронных коммуникационных транзакций³. NITDA также оказывает поддержку в разработке местного контента и развитии сектора ИКТ в Нигерии.

В развитие своих полномочий в 2019 г. агентство опубликовало Правила защиты данных (Nigerian Data Protection Regulations, NDPR) и Рамочный документ по их реализации с целью защиты прав физических лиц на конфиденциальность данных, обеспечения безопасного проведения транзакций, связанных с обменом персональными данными, и предотвращения манипулирования персональными данными⁴. Указанные Правила регулируют все транзакции, связанные с предполагаемой обработкой персональных данных, независимо от метода, используемого для обработки данных в отношении физических лиц. Это также относится к физическим лицам, проживающим в Нигерии, или к гражданам Нигерии, проживающим за границей. Тем не менее ни один закон, правило, политика или контракт, действующие в Нигерии или в любой другой стране, не препятствуют гражданину Нигерии или иному физическому лицу осуществлять свое право на неприкосновенность частной жизни в соответствии с NDPR. Этот документ устанавливает права физических лиц в отношении их персональных данных и обязанности организаций, обрабатывающих такие данные, а также предусматривает создание Комиссии по защите данных для контроля за соблюдением правил. Кроме того, в 2015 г. был принят Закон о киберпреступлениях (их запрещении, предотвращении и т. д.), направленный на борьбу с угрозой киберпреступлений, которые совершаются главным образом с помощью компьютера в Интернете.

Что касается юридической практики и перехода на цифровые технологии, то Закон о практикующих юристах (Legal Practitioners Act, LPA) устанавливает требования к квалификации для допуска к юридической практике в Нигерии. Лица, желающие стать практикующими юристами в Нигерии, должны получить квалификационный сертификат в аккредитованном университете, после чего сдать экзамены в адвокатуру и получить приглашение в коллегия адвокатов Нигерии. Данный закон наделяет Юридический совет полномочиями устанавливать правила или изменять квалификационные требования, предписанные для предоставления всех категорий юридических услуг. Закон также устанавливает правила профессионального поведения для юристов (Udemezue, 2022). Стремительная цифровизация юридического образования и практики – это уникальный процесс, сопряженный с трудностями, но открывающий большие возможности. Юрист должен понимать суть своих рекомендаций и советов, ведь он обладает значительным влиянием и властью. Обладая профессиональной гибкостью, юристы могут сыграть решающую роль в изменении системы правосудия, отстаивая более широкий спектр решений, чем это традиционно принято в культуре. Эта сфера открывает возможности для разнообразного

---

² NITDA Act, section 6(a).

³ Там же, section 6(c).

⁴ NDPR, paragraph 1.1.

применения цифровых технологий в юридической работе. Кроме того, эта область бросает вызов практикам юридического образования, и на юридических факультетах университетов ей следует уделять гораздо больше внимания (Bello & Ogufere, 2024).

Помимо упомянутых ключевых законодательных актов, важны также Закон о Национальной комиссии по телерадиовещанию и Кодекс Национальной комиссии по телерадиовещанию. Они касаются регулирования онлайн-платформ, которые предоставляют потребителям профессионально подготовленный контент в видео- и графическом формате.

Из вышеизложенного ясно, что, несмотря на наличие глобального ответа на реалии пандемии в виде законодательных актов по внедрению цифровых технологий во все сферы жизни, Нигерии еще многое предстоит сделать для кодификации этих законов и их обновления таким образом, чтобы они соответствовали минимальным стандартам предоставления ряда услуг, включая качественные юридические услуги без физического присутствия. Однако не все упомянутые выше законы признают основные цифровые аспекты юридической практики, такие как электронная подпись. Следствием этого для правовой системы Нигерии и других секторов является ограниченная сфера применения законодательства. Помимо данного ограничения, указанные законы не были адаптированы с учетом насущных проблем, связанных с отправлением правосудия в цифровой форме. Роль новых законодательных актов в осуществлении правосудия и юридической практике, вероятно, нуждается в дальнейшем изучении и внесении поправок в соответствии с потребностями общества, включая возможность голосования на выборах, доступ к правосудию, выполнение юридических функций во время виртуальных слушаний (Aidonojie et al., 2021).

Это не означает, что Нигерия совершенно незнакома с цифровой системой отправления правосудия. Среди различных инициатив руководителей судебной системы в области цифровизации можно назвать создание веб-портала судебной власти, системы оценки эффективности работы судей, системы электронного ведения дел в рамках электронного правосудия, программного обеспечения для судебной практики, портала электронной регистрации и системы электронного учета. Кроме того, некоторые федеральные суды, суды общей юрисдикции штатов и суды обычного права в Нигерии также располагают средствами для проведения видео- и телеконференций при рассмотрении дел. Национальный промышленный суд Нигерии недавно провел экспериментальное дистанционное/виртуальное слушание дел в соответствии со своими правилами и руководящими принципами, разработанными в связи с пандемией COVID-19 (Ibekwe & Onwuatuegwu, 2021). Однако существующее законодательство должно еще яснее подчеркивать важность цифровизации юридической практики.

2. Влияние COVID-19 на юридический сектор

Пандемия COVID-19 затронула все аспекты жизни общества. Гражданам и организациям пришлось приспособиваться к новому образу жизни, основанному в первую очередь на новейших технологиях. Это коснулось не только населения в целом, но и специалистов, в частности, юристов, для которых конфиденциальность имеет особое значение. Во всем мире пандемия открыла эру удаленной юридической практики, дополненной процессами цифрового правосудия. Юристы, известные своей

консервативностью и нежеланием использовать цифровые технологии, неохотно прибегали к ним при ведении юридической практики. Однако в итоге во время пандемии множество процедур было адаптировано к цифровому правосудию; было внедрено проведение виртуальных слушаний и подача электронных документов (Karim, 2021).

Пандемия также имела ряд непредвиденных последствий для Коллегии адвокатов. Она негативно повлияла на обеспечение бесперебойного отправления правосудия из-за невыполнения установленных законом и функциональных обязанностей, особенно из-за закрытого режима работы судов и адвокатуры в период карантина (Arinze-Umobi & Okonkwo, 2021). В конечном итоге последствия пандемии особенно сильно повлияли на доступ к правосудию для физических и юридических лиц и стали значительным испытанием для правовой системы, в частности, по вопросам, требующим принятия срочных судебных решений. Это, например, ходатайства о временных судебных запретах и действиях полиции, долгосрочные уголовные и гражданские дела, связанные с глубинными проблемами, и многие другие (Olugasa & Davies, 2022).

С изменением образа жизни во всем мире происходят также постоянные корректировки методов работы судебной системы Нигерии. Были приняты необходимые меры для того, чтобы идти в ногу со временем. Именно тогда внедрение информационных технологий в процесс отправления правосудия стало обязательным.

Чтобы свести к минимуму распространение вируса COVID-19, Верховный суд Нигерии под управлением судьи Ибрагима Танко Мухаммада 23 марта 2020 г. издал циркуляр № NJC/CIR/HOC/11631. Суть этой директивы заключалась в приостановлении деятельности судов на начальный период в две недели, за исключением срочных дел или дел с ограниченным сроком рассмотрения. Затем 6 апреля 2020 г. Верховный суд издал еще одно распоряжение, на этот раз о приостановлении судебных заседаний на неопределенный срок. Суд, однако, вновь сделал оговорку о допустимости судебных заседаний по вопросам, которые являются срочными, существенными или ограничены по времени.

Стремясь смягчить неблагоприятные последствия закрытия судов, известные представители юридической профессии выдвинули убедительные и обоснованные аргументы в пользу того, чтобы суды воспользовались простыми и эффективными современными технологиями для проведения виртуальных заседаний. Впоследствии судебные органы некоторых штатов Федерации начали выпускать практические инструкции по внедрению практики виртуальных слушаний в судебный процесс. В числе инициаторов этого практичного нововведения был штат Лагос. Главный судья штата одобрил выпуск «Практического руководства по дистанционному рассмотрению дел судебными органами штата Лагос в период пандемии COVID-19», которое вступило в силу 4 мая 2020 г. Суть этого документа заключается в том, чтобы обеспечить проведение слушаний и вынесение решений по срочным и ограниченным по срокам делам с помощью цифровых платформ, таких как Zoom, Skype или любых других платформ видео- и аудиоконференций, одобренных судом.

Затем в штате Лагос было проведено первое виртуальное судебное заседание по уголовному делу в соответствии с «Практическим руководством». Штат Борно также опубликовал запись первого виртуального судебного заседания, на котором

было вынесено решение по уголовному делу. Федеральный верховный суд и судебные органы некоторых других штатов также выпустили аналогичные практические руководства по виртуальным судебным разбирательствам. Так началась практика виртуальных судебных процессов, а также и других форм юридической практики с использованием цифровых платформ. Крайне важно отметить, что в 2023 г. в Нигерийский закон о доказательствах 2011 г. были внесены поправки, предусматривающие использование электронной подписи и других механизмов, с помощью которых юридические документы могут быть аутентифицированы и поданы через цифровую платформу.

Правовые последствия пандемии привели к появлению инновационных методов оказания юридических услуг. Актуальность юридических технологий получила широкое признание на уровне значимости, соответствующем разработчикам программного обеспечения и предпринимателям в сфере электронной коммерции. Отказ от применения соответствующих юридических технологий становится невозможным в профессии юриста. В результате возникла напряженность, связанная с тем, что юридические технологии подпитывают сами себя. Эксперты в области юридических технологий считают, что современные технологии предлагают более эффективные, квалифицированные, точные и доступные по цене продукты. В то же время другие заинтересованные стороны сопротивляются такому подходу. Среди причин этого называют необходимость участия человека, соображения конфиденциальности, возможность незаконной юридической практики, проблемы доступа клиентов к юридическим услугам, проблемы с пропускной способностью сети Интернет, ценность участия человека в процессе принятия решений, проблемы экономической эффективности технологий и реальные или предполагаемые недостатки в алгоритмах искусственного интеллекта (Eboibi & Mac-Barango, 2020).

Во многих отношениях юридическая профессия в Нигерии находилась в состоянии анабиоза в своем отношении к внедрению технологий в юридическую практику; речь идет о периоде до COVID-19, который вынудил многих юристов перенести работу из офиса на дом. После этого юристам пришлось освоить и в немалой степени использовать технологию в своей практике. Именно технологии обеспечивают эффективное выполнение судебных функций, таких как удаленное участие юрисконсульта и ведение судебных процессов в электронном виде, включая предоставление суду возможности рассматривать дела и выносить решения в электронном формате.

Пандемия вызвала повсеместные сбои деятельности и подтолкнула юридическую отрасль к масштабным, непредвиденным преобразованиям. Коллегия адвокатов активно борется с последствиями пандемии при поддержке ряда партнеров в секторе правосудия, предпринимая достаточно энергичные шаги по внедрению виртуальных технологий с помощью платформ для вебинаров, онлайн-встреч, средств удаленной работы и т. д., чтобы обеспечить безопасность и благополучие практикующих юристов и других сотрудников. В Нигерии в период карантина большинство юридических фирм работали удаленно, а конкретные юридические вопросы, такие как перенос судебного разбирательства, по возможности решались с помощью видеосвязи. Таким образом, процессы цифровой трансформации в юридической отрасли значительно ускорились (Nwaiwu, 2021).

3. Технологические решения для юридической практики

Помимо ведения судебных реестров, некоторые примеры цифровых возможностей включают электронный обмен документами и электронные уведомления. Они предназначены для поддержки, защиты и усиления деятельности юристов, способствуя безопасному и гибкому ведению бизнеса в современных цифровых условиях. Как правило, ожидается, что инвестиции в информационные технологии могут обеспечить принятие конкретных технологических мер по совершенствованию процедур и организации работы. В данном разделе мы рассмотрим ряд мер, направленных на технологический прогресс в юридической практике и судебной деятельности в Нигерии.

3.1. Онлайн-системы ведения дел

В 2020 г. в ответ на негативные последствия пандемии для отправления правосудия в ряде судов Нигерии были организованы виртуальные судебные заседания. Например, главный судья штата Лагос, в ведении которого находятся 117 из 255 нефедеральных судов Нигерии, выпустил руководство, определяющее процедуры, которые могут проводиться виртуально, например, распорядительное заседание суда, подача заявлений и заседания по текущим делам на аудио- и видеоплатформе Zoom. В настоящее время как федеральный Верховный суд, так и верховные суды штатов проводят индивидуальные виртуальные судебные заседания, а некоторые мировые суды и суды обычного права рассматривают срочные дела по телефону и/или электронной почте. Федеральные суды также проводят специальные или индивидуальные виртуальные слушания с ограничениями для свидетелей (в отношении их безопасности или возможности приведения в исполнение судебных постановлений), которые не могут быть подвергнуты перекрестному допросу адвокатом противной стороны (Olugasa & Davies, 2022).

В Нигерии частными юристами и государственными юридическими учреждениями было предпринято несколько попыток использовать цифровые технологии для совершенствования судебных разбирательств и управления судебным процессом. Сюда относятся создание общедоступных веб-сайтов федерального Верховного суда и верховных судов штатов, запуск информационного портала сектора правосудия в рамках финансируемого Всемирным банком проекта под названием «Система управления правовой информацией» (Legal Information Management System, LIMS), разработка пилотных проектов в области технологий судебных заседаний, включая цифровое отслеживание дел, установка полного комплекта аудиовизуального записывающего оборудования и создание электронной системы подачи заявления об освобождении под залог. Например, некоторые суды штата Лагос теперь определяют приоритетность срочных дел с помощью виртуальных процедур, рассылают заявления о залоге по электронной почте и выдают виртуальные свидетельства о браке с помощью видеосвязи (Nwebo, 2023).

3.2. Виртуальные залы судебных заседаний

В отличие от традиционного судебного процесса, в котором судья, адвокаты, стороны, свидетели, работники суда и зрители физически присутствуют в зале суда, в виртуальном заседании правосудие осуществляется онлайн-средствами и без физического присутствия сторон в одном месте (Jimoh, 2021). Слушания проводятся в формате

виртуальной конференции. Это цифровая процедура, которая позволяет удаленно участвовать в онлайн-встречах и мероприятиях в режиме реального времени с компьютеров по всему миру. Виртуальная конференция проводится в Интернете. Сторонам нет необходимости собираться в конференц-зале, чтобы принять участие в обсуждении. Они получают доступ к собранию через веб-сайт конференции или средства видео-конференц-связи, разработанные специально для виртуального общения. В дополнение к онлайн-мероприятиям виртуальная конференция может включать в себя форумы для дискуссий, средства общения, ресурсный центр, средства для поиска других участников конференции и общения с ними в чате, а также другие функции. Все это специально разработано для того, чтобы дать виртуальным участникам возможность получить те же впечатления от проведения совещаний, что и участникам, присутствующим на месте. Технология позволяет принять показания свидетелей под присягой, подать документы, представить аргументы и вынести решения в электронном виде⁵. Она отличается быстротой, гибкостью, эффективностью и приспособляемостью к нестандартным ситуациям (Jimoh, 2021).

Важно отметить, что в случаях альтернативного разрешения споров виртуальный зал суда может быть использован в ситуациях, когда стороны договариваются встретиться онлайн для урегулирования вопроса, а также привлечь беспристрастную третью сторону, которая будет выступать посредником между ними с целью достижения взаимопонимания и/или урегулирования спора (Walker, 2020). Еще один вид разрешения споров онлайн, при котором используется виртуальный зал суда, – это арбитраж. В этом случае стороны обращаются к нейтральному арбитру для вынесения арбитражного решения, то есть решения, которое принимается арбитром по спорному вопросу после рассмотрения доказательств, представленных обеими сторонами. Решения, принятые в арбитражном порядке, могут приводиться в исполнение аналогично судебным решениям (Walker, 2020).

Для эффективного проведения слушаний в виртуальном зале суда требуется следующее:

- 1) устройство, с помощью которого можно подключиться к Интернету (персональный компьютер, МАС, ноутбук, смартфон, планшет и т. д.);
- 2) установленное на устройстве программное обеспечение для видео-конференц-связи;
- 3) быстрое и стабильное подключение к Интернету;
- 4) веб-камера или встроенная камера на устройстве, которая позволит судье видеть вас во время виртуального слушания, и микрофон для обеспечения аудиосвязи с другими сторонами;
- 5) действительный адрес электронной почты для отправки и получения ссылок на конференцию, идентификатора собрания, пароля и других соответствующих данных.

Виртуальный зал суда позволяет использовать альтернативные онлайн-сервисы и средства разрешения споров, включая медиацию и арбитраж. Медиация и арбитраж – это формы разрешения споров, которые предоставляют сторонам возможность урегулировать свой спор, не прибегая к судебному разбирательству. Эти механизмы эффективны, менее затратны, более оперативны и конфиденциальны. Такие

---

⁵ Harris Scarfe v. Ernst and Young [2005] SASC 443.

форумы обычно позволяют разрешить спор в течение нескольких недель. Стороны могут выбрать, какой метод использовать для разрешения спора. Если решение должно иметь обязательную силу, то выбирают арбитраж, в противном случае – медиацию (Arinze-Umobi & Okonkwo, 2021).

Виртуальный зал суда может быть организован в одной из трех основных форм: видеоконференции, телемоста и веб-конференции. Видеоконференция позволяет участникам слышать и видеть друг друга во время заседания с помощью компьютерной видеокамеры и микрофона или встроенной камеры мобильного устройства. На современном рынке действуют различные провайдеры видеоконференций, такие как Skype, Zoom, Webex и ezTalks. Этот тип виртуальной конференции часто используется для проведения удаленных собеседований с кандидатами на работу или проведения групповых онлайн-встреч для бизнеса. Он также применяется для связи с сотрудниками, которые работают дистанционно, и с клиентами, находящимися на большом расстоянии. Форма видеоконференций также находит применение при онлайн-обучении, для проведения мозговых штурмов или планирования проектов.

Во время телеконференции участники совещания соединяются по телефонным линиям. Это можно сделать с помощью стационарных телефонов или сотовых устройств, что позволяет нескольким людям подключаться одновременно из разных мест. Недостатком телеконференций является отсутствие визуального ориентира для участников собрания, которые не могут видеть друг друга и определить, кто выступает. Эффективность этого формата повышается, если все участники телеконференции представлены заранее и каждый представляется, прежде чем выступать.

Веб-конференция – это обобщающий термин для описания процесса объединения отдельных лиц или групп из разных географических регионов с использованием Интернета и веб-браузера для проведения образовательных вебинаров, онлайн-встреч, видеоконференций или презентаций в режиме реального времени. Веб-конференция позволяет осуществлять двустороннюю коммуникацию в режиме реального времени, а также множественную связь от одного отправителя ко многим получателям. Она обеспечивает одновременный обмен потоками текстовых, голосовых сообщений и видеосвязи в географически далеких местах.

Однако конституционность виртуальных слушаний была поставлена под сомнение в свете права на публичное судебное разбирательство, предусмотренного ст. 36(4) Конституции Нигерии. Это право было поддержано рядом судебных решений, вынесенных в реальных залах суда⁶. Неясно, каким образом решения, принятые в ходе виртуальных слушаний во время карантина, особенно по уголовным делам, могут быть обжалованы в апелляционном порядке, если такие жалобы будут поданы в Верховный суд. Хотя термин «публичное судебное разбирательство» прямо не определен в Конституции, достаточным признаком является возможность представителям общественности беспрепятственно входить в зал суда и покидать его без требования какого-либо специального согласия⁷. Однако, по

⁶ См. такие дела, как *Manakaya v. Manakaya* (2001) 43 WRN 138; *Oviasu v. Oviasu* (1973) 1 ALL NLR 73; *Edibo v. The State* (2007) 13 NWLR (Pt. 1051) 306; *Nuhu v. Ogele* (2003) 18 NWLR (Pt. 852) 251.

⁷ *Nigeria-Arab Bank Limited v. Barri Engineering Nig. Ltd* (1995) 8 NW LR (Pt. 413) 257.

мнению некоторых ученых, даже если виртуальные судебные процессы станут открытыми и ссылки на них будут общедоступны, это все равно не будет соответствовать требованиям публичного судебного разбирательства, поскольку многие граждане Нигерии не могут позволить себе расходы на Интернет и устройства, позволяющие им посещать виртуальные судебные процессы⁸. Помимо этого, многим нигерийцам также не хватает технических знаний о виртуальных заседаниях. Является ли это достаточной причиной для отмены виртуальных судебных процессов, которые дают шанс решить проблему медленного отправления правосудия в Нигерии? Именно на этом основании уместно выносить решение о том, будет ли открыт доступ к участию в виртуальных слушаниях без каких-либо ограничений, таких как наличие пароля. Поскольку суду безразлично, как лица, заинтересованные в участии в слушаниях в физических залах суда, попадают в эти залы, то и бремя обеспечения доступности технических ноу-хау виртуальных судебных процессов также не должно возлагаться на суд.

3.3. Юридические исследования

Благодаря онлайн-базам данных и искусственному интеллекту практикующие юристы, студенты юридических факультетов, исследователи и помощники судей могут быстрее и точнее получать соответствующие законодательные и нормативные акты, материалы прецедентного права. Хотя не следует полностью полагаться на искусственный интеллект, он помогает определить направление, в котором следует искать ответы на юридические вопросы. В конечном счете это экономит массу времени, которое было бы потрачено на посещение физических библиотек и поиск информации вручную.

4. Преимущества и недостатки цифровизации юридической практики в Нигерии

Цифровизация юридической практики вызывает неоднозначную реакцию: одни одобряют ее и выступают за ее расширение, в то время как другие осуждают на том основании, что сама природа юридической практики не позволяет считать цифровизацию эффективным инструментом. Следует отметить, что цифровизация юридической практики в Нигерии имеет свои преимущества и недостатки. Кратко опишем их в этом разделе.

4.1. Преимущества цифровизации юридической практики

Преимущества цифровизации юридической практики включают в себя среди прочего повышение производительности, улучшение обслуживания клиентов, принятие решений по конфиденциальным делам с использованием приложения Zoom, повышение конкурентных преимуществ, улучшение баланса между работой и личной жизнью. Подробнее опишем эти преимущества ниже.

---

⁸ Benson, H. (2020, 8 May). COVID-19: The Legality of Virtual Court Proceedings in Nigeria. <https://clck.ru/3M6CVy>

4.1.1. Повышение производительности

Оптимизируя процессы с помощью цифровых инструментов, юристы могут выполнять задачи более эффективно и с меньшими затратами ресурсов. Повышение эффективности позволяет юристам сосредоточиться на более важных задачах, повышая их общую производительность. Кроме того, сэкономленные путем снижения накладных расходов средства могут снизить стоимость услуг для клиентов или быть реинвестированы в компанию для стимулирования дальнейшего роста и инноваций.

4.1.2. Улучшение обслуживания клиентов

Клиенты смогут увидеть экономический эффект от перехода на цифровые технологии и оценить экономию средств и удобство использования технологий. Благодаря цифровизации юристы могут предоставлять клиентам легкий доступ к документам, обновлениям по делу и платежной информации. Собирая и анализируя данные о клиентах, юристы могут предлагать индивидуальные решения, соответствующие уникальным потребностям и предпочтениям клиентов.

4.1.3. Принятие решений по конфиденциальным делам с использованием приложения Zoom

Решения судов по таким деликатным делам, как жалобы на проведение выборов, которые обычно сопровождаются насильственными действиями, могут приниматься виртуально для обеспечения безопасности людей и имущества. Таким образом, можно избежать риска возникновения конфликтов при большом скоплении людей в залах суда и за их пределами.

4.1.4. Конкурентные преимущества

Используя возможности современных технологий, практикующие юристы могут предлагать инновационные услуги, быстрее реагировать на изменения рынка и получить конкурентные преимущества. Оставаясь на переднем крае юридических технологий, компания сможет лучше привлекать и удерживать клиентов, которые ценят скорость, удобство и инновации. Аналогичным образом с помощью средств цифровизации судьи смогут избежать накопления дел и обеспечить более быстрое отправле- ние правосудия в интересах всего общества.

4.1.5. Улучшение баланса между работой и личной жизнью

Юристы могут использовать такие инструменты, как видеоконференции и облачные хранилища документов, чтобы оставаться на связи с коллегами и клиентами во время удаленной работы. Это открывает возможности для улучшения баланса между работой и личной жизнью и, как следствие, способствует повышению удовлетворенности работой, снижению стресса и общему улучшению самочувствия ваших сотрудников.

4.2. Недостатки цифровизации юридической практики

К недостаткам цифровизации юридических услуг относятся: обезличенность документов, угрозы конфиденциальности, потеря рабочих мест, проблемы с регулированием.

4.2.1. Обезличенная документация

Юристам может быть непросто установить личностную, эмоциональную связь со своими клиентами из-за общих, обезличенных формулировок, создаваемых автоматизированными системами составления и подачи документов. В африканских странах мы ожидаем, что клиент будет вовлечен в рассмотрение дела на таком уровне, который позволит ему убедиться в том, что юрист полностью выполнил поставленную задачу. Цифровизация лишает юридическую практику этой важной функции.

4.2.2. Угрозы конфиденциальности

Централизация контроля над персональными данными приводит к раскрытию конфиденциальной информации лиц, обращающихся за юридическими услугами. Когда нет гарантии надлежащего хранения информации, которой обмениваются в ходе юридических процессов, существует риск потери контроля над активами. Несмотря на то, что технологии исключают человеческие ошибки, люди по-прежнему несут ответственность за то, чтобы данные не были скомпрометированы. Невозможность полного контроля над технологиями подвергает практикующих юристов и их клиентов риску киберпреступлений, таких как хакерство, разрушительные последствия которого еще до конца не известны.

4.2.3. Потеря рабочих мест

Автоматизация и цифровизация могут привести к сокращению рабочих мест, поскольку некоторые задачи становятся ненужными или автоматизируются. Это может привести к потере работы сотрудниками или к необходимости их переобучения на другие должности.

4.2.4. Проблемы с регулированием

Цифровизация порождает сложные правовые и регулятивные вопросы, связанные с кибербезопасностью, онлайн-контентом, защитой данных и правами интеллектуальной собственности. Идти в ногу с меняющимся законодательством может быть довольно сложно как для частных лиц, так и для корпораций.

5. Доступ к правосудию в Нигерии

Понятие доступа к правосудию многогранно. В самом узком смысле это всего лишь формальная возможность выступить в суде. В общем понимании оно затрагивает более широкий социальный контекст судебной системы и системные барьеры, с которыми сталкиваются различные члены общества. Проблема доступа к правосудию связана с защитой прав человека через обеспечение легкого и недискриминационного доступа к судам общей юрисдикции, прозрачности деятельности судебных чиновников и распространения мировой судебной практики в области прав человека. Важно отметить, что использование различных цифровых платформ, как описано в данной статье, позволило гражданам Нигерии получить доступ к правосудию, несмотря на ограничения и карантин в период COVID-19, как предусмотрено разделом 36 Закона Нигерии о справедливом судебном разбирательстве от 1999 г.

В данной статье не ставится цель дать подробный анализ проблемы доступа к правосудию в Нигерии. Мы лишь анализируем трудности и возможности, связанные с внедрением цифровых технологий для доступа к правосудию в Нигерии во время и после пандемии COVID-19. Организация судебного процесса с использованием технологий позволила юридическим фирмам, юридическим отделам корпораций и судебным органам эффективно работать во время пандемии коронавируса. Использование облачных технологий обеспечило практически беспрепятственную реализацию судебного процесса даже при физическом закрытии судов и также разрешение споров в приемлемые сроки. Однако, размышляя о преимуществах и недостатках цифровизации судебной системы и юридической практики, важно помнить о краткосрочных и долгосрочных проблемах и возможностях, которые представляют эти технологии. Это особенно важно в контексте развивающихся стран, таких как Нигерия, как в связи с пандемией, так и после нее (Otey, 2022).

Термин «доступ к правосудию» предполагает открытость и прозрачность системы правосудия, доступ к полному спектру эффективных средств правовой защиты для всех, без какой-либо дискриминации и с минимальными затратами (Adelakun-Odewale & Ogwezzy, 2016). Необходимо избежать дискриминации в отношении уязвимых или находящихся в неблагоприятном положении лиц; результаты работы системы правосудия должны быть предсказуемы и последовательны, а процессы рассмотрения споров – справедливыми и недискриминационными. Доступ к правосудию имеет основополагающее значение для поддержания верховенства закона, поскольку обеспечивает надлежащую защиту прав граждан. Доступ к правосудию является неотъемлемым элементом справедливого общества, позволяющим маргинализированным слоям населения быть услышанными и отстаивать свои права. Что касается Нигерии, то для эффективного доступа граждан к правосудию необходим физический доступ к открытым, независимым залам судебных заседаний, судебному и вспомогательному персоналу. Чтобы обеспечить постоянный доступ к правосудию в Нигерии, также необходимо ускорить внедрение цифровых технологий в залах судебных заседаний (Olugasa & Davies, 2022).

5.1. Роль технологий в расширении доступа к правосудию

Использование информационных технологий и одновременное выявление и устранение проблем в области доступа к правосудию требуют согласованности. Однако этот процесс может ущемлять некоторые интересы, связанные с физическим присутствием в суде. В этой связи уместно подчеркнуть, что в сфере юриспруденции и юридической практики в условиях пандемии возможность дистанционных слушаний не является совершенно новым явлением; еще до пандемии судебные власти Нигерии публиковали практические инструкции, разрешающие рассмотрение определенных категорий вопросов в режиме телеконференции и видеоконференции⁹.

Доступ к правосудию задолго до вспышки COVID-19 представлял проблему как на местном, так и на международном уровнях. Существовали различные препятствия, которые затрудняли доступ к судам, такие как характер залов судебных заседаний,

---

⁹ Schmitz, A., Shapiro, St., & Lalani, Sh. (2023, August 20). Arbitration Conversation No. 88. <https://clck.ru/3MBp4k>

финансовые затраты и другие факторы. Однако в Нигерии проблема достигла астрономического уровня в результате пандемии COVID-19. Предложение об использовании информационных технологий в качестве средства расширения доступа к правосудию основывается на контексте и предпосылках некоторых ранее существовавших характерных особенностей юридической практики в Нигерии. Предполагается, что внедрение информационных технологий приведет к повышению эффективности отправления правосудия в правовой системе этой страны (Uwaegbute & Unachukwu, 2022).

6. Этические и нормативные соображения

Освоение современных технологий юридическим сообществом предполагает использование корпоративных инструментов, одновременно накладывая ограничения и обязанности, которые определяет юридическая этика. Это отрасль законодательства, изучающая особенности данной профессии. Ее задача – гарантировать, что юристы действуют в рамках, обеспечивающих безопасность граждан, справедливость судебного процесса, соблюдение общественных интересов или тех частных интересов, которые требуют работы юриста-эксперта. Влияние этих специальных положений создает интересный сценарий диверсификации регулирования, при котором необходим доктринальный, систематический и сравнительно-правовой подход. Последний служит для согласования трех элементов права, которые совместно определяют решающую роль юриста в его отношениях с инфокоммуникационными технологиями (Tabatabai, 2020).

Процессы юридической практики тесно связаны с профессиональной тайной из-за конфиденциального характера информации, которую клиенты доверяют своим адвокатам. Поэтому юристы должны придерживаться высоких профессиональных стандартов соблюдения этических принципов. Следовательно, внедрение цифровых платформ в правовые системы, по-видимому, столкнется с определенным сопротивлением. Основной проблемой, связанной с внедрением цифровых технологий в правовую сферу, помимо вопросов стоимости, является гарантия защиты конфиденциальности отношений между клиентом и адвокатом, поскольку существует риск прослушивания или перехвата электронных сообщений высококвалифицированными компьютерными хакерами и сторонними злоумышленниками. Использование защищенных платформ в качестве основы цифровых приложений в юридическом секторе имеет жизненно важное значение для обеспечения сквозного шифрования сообщений (Purcell & Brook, 2022).

6.1. Конфиденциальность и безопасность данных

Нет никаких сомнений, что использование технологий в юридической сфере позволяет получить значительные потенциальные, а в некоторых случаях и актуальные выгоды. Однако важно гарантировать, чтобы юридические технологии были не только защищенными и надежными, но и соответствовали правовым и нормативным требованиям, особенно когда эти технологии становятся новой нормой или постоянной частью юридической практики. Другие области, на которые необходимо обратить внимание, включают проблемы защиты потребителей продуктов и услуг в этой сфере, а также проблемы злоупотреблений в связи с юридическими технологиями. Это особенно критично в тех случаях, когда такие технологии ориентированы на непрофессионалов,

а не только на практикующих юристов. Также важна роль юридических технологий во всех аспектах отправления правосудия, требований и ожиданий общества.

Основным фактором, препятствующим росту юридической практики онлайн, считается отсутствие соответствующего законодательства. Однако на международном уровне развитию юридических услуг онлайн способствовали такие факторы, как распространение Интернета, значительное снижение стоимости данных, повышение популярности онлайн-сессий и рост технологической грамотности молодого поколения. Так, в Великобритании, где признают влияние проблемы конфиденциальности и безопасности данных на развитие юридических технологий, придается огромное значение безопасности данных в системе уголовного правосудия, праву на защиту данных, а также проблеме совокупного влияния Brexit и пандемии COVID-19 на конфиденциальность и безопасность данных в секторе юридических технологий. Принятые в Нигерии Правила защиты данных (NDPR) направлены на регулирование конфиденциальности и безопасности данных. Они служат правовой основой защиты данных, разработанной непосредственно для Нигерии. Однако этот документ подвергся критике за его недостаточную применимость, отсутствие юридической поддержки и чрезмерно широкие положения. Несмотря на серьезность проблемы конфиденциальности и безопасности данных в Нигерии, было предложено возложить ответственность за безопасность данных на облачные сервисы и разработать рекомендации по эффективному использованию интернет-сервисов (Babalola, 2022).

6.2. Профессиональное поведение в ходе виртуальных разбирательств

Одной из основных проблем профессиональной деятельности в виртуальном судопроизводстве является то, что традиционные методы, используемые для достижения и поддержания высокого уровня этичного и уважительного поведения, включая различные формы контроля и наказания, в виртуальном пространстве могут работать не столь эффективно. В реальном зале суда судья может видеть юристов, которые ведут себя неподобающим образом, и при необходимости сделать им выговор. В виртуальном суде такой визуальный контроль может быть затруднен или невозможен. Более того, физическая изоляция, характерная для большинства виртуальных судебных разбирательств, может ослабить как чувство общности между участниками, так и социальные ограничения, традиционно налагаемые физическим присутствием адвокатов, судей и клиентов в реальном зале суда. Это также может привести к тому, что адвокаты будут применять неэтичную неформальную тактику защиты в зале суда, например, говорить громче, использовать пренебрежительные возражения против свидетельств или вести себя неподобающим образом по отношению к адвокату противоположной стороны (Tiamiyu, 2022).

7. Направления развития и рекомендации

Одним из существенных последствий глобального кризиса в области здравоохранения, который разразился в общемировом масштабе, стало преобладание цифровых технологий. По результатам нашего исследования можно рекомендовать, чтобы в случае будущих вспышек заболеваний или пандемий в судебных процессах предпочтение отдавалось технологическим средствам. Это относится не только к практическим мерам в случае непредвиденных обстоятельств для решения проблем безопасности сторон в судебном процессе и практикующих юристов, но и для

укрепления целей и обоснований, лежащих в основе перехода к цифровым технологиям в судебной практике. Этот подход должен побудить ответственных должностных лиц обратить внимание на постоянные угрозы безопасности и жизни людей, связанные с отдельными технологическими решениями, и проводить регулярный анализ их интеграции в систему правосудия.

Пандемия COVID-19 лишь подтвердила тысячелетние знания и мудрость древнегреческих врачей. Эпидемиологи сообщают, что распространение COVID-19 все еще потенциально возможно. Несмотря на то, что во всем мире уже предприняты шаги для смягчения последствий второй волны пандемии COVID-19, практикующие юристы должны предусмотреть меры предосторожности на случай непредвиденных обстоятельств. Граждане должны иметь возможность обратиться в суд, не испытывая ограничений. Все более широкое использование цифровых технологий и электронных устройств рассматривается как неотъемлемая часть работы по повышению доступа к правосудию. Обращение в суд должно концептуализироваться как способ разрешения любого конфликта, а судебный процесс – как единственный выход из спорной ситуации.

Среди других возможных направлений последующего обсуждения и реализации назовем рассмотрение вопроса о проведении удаленных судебных слушаний с использованием виртуальных залов судебных заседаний, разработку мер по внедрению протоколов электронного документооборота, безопасных видеоконференций и общую цифровую трансформацию системы уголовного правосудия. Ключевые упреждающие изменения в политике и инновационные меры, подобные тем, которые были недавно приняты для борьбы с пандемией, должны еще более закрепиться и приобрести устойчивость в постпандемический период, а для этого необходимы законодательные и политические реформы. Преимущество своевременных скоординированных мер, подобных тем, которые были недавно приняты заинтересованными сторонами в ответ на пандемию COVID-19, заключается в том, что оперативно решаются и обсуждаются (хотя бы на уровне моральных рассуждений, логических обоснований и рекомендаций) даже потенциально спорные вопросы, такие как принятие и внедрение национального законодательства, законов штатов, федеральных и местных законов об использовании технологий в юридической практике и других секторах. Следовательно, когда в Нигерии будут приняты политические меры и законы, можно надеяться, что многие проблемы решатся. Практикующие юристы могут внести значимый вклад в устойчивое развитие, используя новые цифровые инструменты в своей профессиональной области, эффективно работая в различных секторах, а также совершенствуя доступ к правосудию. Это экономически выгодно как для них, так и для общества в целом.

Кроме того, поскольку влияние доступа к телекоммуникационным услугам трудно переоценить, необходимо строить обучающие программы в области права таким образом, чтобы в будущем поставщики таких услуг были заинтересованы в расширении охвата населения и снижении стоимости своих услуг. Аналогичным образом, следует проводить обучение секретарей и других сотрудников судов, учитывая достигнутые результаты цифровизации судебной системы. Такое обучение может проводиться государственными учреждениями, местными негосударственными и международными организациями, поскольку эта деятельность не только способствует развитию судебной системы, но и повышает имидж страны как одной из самых быстрорастущих стран Африки. Результаты такого обучения должны подтверждаться сертификатами, демонстрирующими уровень квалификации участников и поощряющими их к активной деятельности.

Заключение

Не подлежит сомнению, что пандемия COVID-19 изменила ситуацию во всем мире, включая судебную практику в Нигерии, и во многом способствовала использованию цифровых технологий. Длительные периоды карантина, социального дистанцирования и других форм ограничений негативно сказались на всех сферах человеческой деятельности. Из-за пандемии COVID-19 ускорились процессы цифровизации юридической практики в Нигерии. Это привело к созданию бесконтактной среды, в которой суды и другие органы судебной системы были физически закрыты. В результате практикующим юристам пришлось искать альтернативные способы организации своей работы. Хотя в цифровизации есть свои преимущества, существуют и проблемы. Нормой являются дискомфорт и сопротивление переменам в первоначальный период; устранить их можно путем разработки рекомендаций. Среди факторов, которые затрудняют внедрение новых технологий и цифровизацию, следует назвать аспекты автономии, целостности подходов, освоения нового, а также проблемы интеграции, доверия общества и качества деятельности.

Эти факторы создают новые препятствия для юридического сектора и правоприменения в Нигерии. Поэтому перед Ассоциацией адвокатов Нигерии стоит задача наладить взаимодействие со всеми заинтересованными сторонами для поиска путей смягчения указанных последствий. Перед лицом принимаемых жестких мер мы должны решительно двигаться вперед. Известное изречение гласит, что тяжелые ситуации выдвигают на первый план самых сильных. Настали экстраординарные времена, которые требуют экстраординарных мер. Мы не можем ограничиваться проведением только очных судебных слушаний. Цифровые технологии все больше проникают в юридическую практику Нигерии, будь то работа судей, адвокатов или юридических советников.

Список литературы

- Adelakun-Odewale, O. S., & Ogwezzy, O. O. (2016). Access to Justice of Persons with Disabilities in Africa: The Nigerian Experience. *NOUN Journal of Jurisprudence and International Law*, 1, 61.
- Aidonojie, P. A., Ikubanni, O. O., Oyedeji, A. I., & Okuonghae, N. O. (2021). The Challenges and Impact of Technological Advancement to the Legal Profession in Nigeria given the COVID-19 Pandemic. *Kampala International University*, 6(4), 5–19.
- Arinze-Umobi, Ch. & Okonkwo, I. (2021). Alternative Dispute Resolution Practice in Nigeria and the Effect of COVID-19 Pandemic. *International Journal of Law and Clinical Legal Education*, 2, 82–85.
- Babalola, O. (2022). Data Protection Compliance Organizations (DPCO) Under the NDPR, and Monitoring Bodies under the GDPR: Two Sides of the Same Compliance Coin? *Global Privacy Law Review*, 3(2), 98–106. EDN: <https://elibrary.ru/qhzrdm>. DOI: <https://doi.org/10.54648/gplr2022010>
- Bello, O. A., & Ogufere, C. (2024). The Emerging Artificial Intelligence Legal-Judicial System's Interface: Assessing the State of Nigeria's Judicial System's Readiness for a Revolution. *Commonwealth Cyber Journal*, 2, 6–24.
- Eboibi, F. E., & Mac-Barango, I. (2020). Law and Judicial Application of Digital Forensic Evidence in Nigeria. *Journal of Law, Policy and Globalization*, 96, 61–75.
- Ibekwe, Ch. S., & Onwuatuegwu, Ch. (2021). ICT in the Administration of Justice: Challenges and Prospects for Labour and Productivity. *Nnamdi Azikiwe University Journal of Commercial and Property Law*, 8(1).
- Jimoh, M. A. (2020). Advancing Online Dispute Resolution in Nigeria: Current Opportunities, Legal Challenges and the Ways Forward. *Journal of Sustainable Development Law and Policy*, 11(2), 407–431. EDN: <https://elibrary.ru/abgmvd>. DOI: <https://doi.org/10.4314/jsdlp.v11i2.6>
- Karim, R. (2021). 9 The Importance of Legal Services During the COVID-19 Pandemic. In A. Trakic (Eds.), *COVID-19 and Business Law: Legal Implications of a Global Pandemic* (pp. 153–168). Berlin, Boston: De Gruyter 2021. <https://doi.org/10.1515/9783110723694-009>

- Nwaiwu, F. (2021). Digitalisation and sustainable energy transitions in Africa: assessing the impact of policy and regulatory environments on the energy sector in Nigeria and South Africa. *Energy, Sustainability and Society*, 11, 48. EDN: <https://elibrary.ru/kefrsz>. DOI: <https://doi.org/10.1186/s13705-021-00325-1>
- Nwebo, O. E. (2023). Administration of Justice and Case Management in Imo State: A Case for Innovation. *Nigerian Journal of Legal Studies*, 12.
- Olugasa, O., & Davies, A. (2022). Remote Court Proceedings in Nigeria: Justice Online or Justice on the Line. *International Journal for Court Administration*, 13(2), 2–17. EDN: <https://elibrary.ru/sqgkxk>. DOI: <https://doi.org/10.36745/ijca.448>
- Otey, B. S. (2022). The Disconnect: Reflections on the Virtual Connection between Lawyers and Clients. *Washburn Law Journal*, 62(3), 617.
- Purcell, Ch., & Brook, P. (2022). At Least I'm My Own Boss! Explaining Consent, Coercion and Resistance in Platform Work. *Work, Employment and Society*, 36(3), 391–406. EDN: <https://elibrary.ru/kgbjyl>. DOI: <https://doi.org/10.1177/0950017020952661>
- Tabatabai, Sh. (2020). Simulations and Virtual Learning Supporting Clinical Education During the COVID 19 Pandemic. *Advances in Medical Education and Practice*, 11, 513–516. EDN: <https://elibrary.ru/zprfk>. DOI: <https://doi.org/10.2147/AMEP.S257750>
- Tiamiyu, O. M. (2022). The Impending Battle for the Soul of ODR: Evolving Technologies and Ethical Factors Influencing the Field. *Cardozo J. of Conflict Resolution*, 23(1), 75–142.
- Udemezue, S. (2022). Resolving Conundrums Regarding Legal Profession Regulation in Nigeria (Part 1). *International Review of Law and Jurisprudence*, 4, 113. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4313297>
- Ufua, D. E., Olujobi, O. J., Ogbari, M. E. et al. (2020). Operations of small and medium enterprises and the legal system in Nigeria. *Humanit Soc Sci Commun*, 7, 94. EDN: <https://elibrary.ru/cxbynj>. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00583-y>
- Uwaegbute, K. I., & Unachukwu, D. C. (2022). The Upsurge of Rape during the COVID-19 Lockdown in Nigeria and Its Effects on Survivors. *HTS Teologiese Studies*, 78(3). EDN: <https://elibrary.ru/ncvxoj>. DOI: <https://doi.org/10.4102/hts.v78i3.6996>
- Walker, J. (2020). Courts in Lockdown: Lessons from International Arbitration. *International Journal of Procedural Law*, 10(2), 178–201. EDN: <https://elibrary.ru/jagrjy>. DOI: <https://doi.org/10.1163/30504856-01002003>

Сведения об авторе

Огвеззи Майкл Чуквуджинду – PhD, профессор в области прав человека, факультет права, Университет штата Риверс

Адрес: Нигерия, Порт-Харкорт, Нкполу-Оворукву, P.M.B 5080

E-mail: michael.ogwezzy@ust.edu.ng

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-2105-2136>

Google Scholar ID: https://scholar.google.com/citations?user=_A0OR0YAAAAJ

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.91 / Государство и право отдельных стран

Специальность ВАК: 5.1.2 / Публично-правовые (государственно-правовые) науки

История статьи

Дата поступления – 6 октября 2024 г.

Дата одобрения после рецензирования – 27 октября 2024 г.

Дата принятия к опубликованию – 20 июня 2025 г.

Дата онлайн-размещения – 25 июня 2025 г.

Research article

UDC 34:004:347:004.4

EDN: <https://elibrary.ru/ujsqxf>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.14>

Impact of the COVID-19 Pandemic on the Transformation of Judicial System in Nigeria: from Traditional to Digital Justice

Michael Chukwujindu Ogwezy

Rivers State University, Port Harcourt, Nigeria

Keywords

access to justice,
court,
COVID-19 pandemic,
digital technologies,
digital transformation,
electronic justice,
judicial system,
law,
legislation,
virtual hearings

Abstract

Objective: to identify the key technological solutions implemented in the country's judicial system under quarantine restrictions and to assess their long-term impact on the administration of justice.

Methods: the study uses an integrated approach that includes an analysis of legal acts regulating the digitalization of the legal sphere in Nigeria. The work provides a comparative study of practical guidelines from federal and state courts for conducting virtual hearings, and a systematization of data on the introduction of electronic case management and trial management systems. The author uses a doctrinal method of analyzing court decisions and the practice of using digital technologies in various jurisdictions of the country.

Results: the author showed that the COVID-19 pandemic became a catalyst for the accelerated transition of the Nigerian legal system from traditional paper-based document management to digital platforms. The main technological solutions are identified: online case management systems, virtual courtrooms, electronic filing systems, and digital legal research tools. The article lists advantages of digitalization, including increased productivity, ensuring security when reviewing cases, as well as disadvantages associated with depersonalization of document management, threats to confidentiality and the potential loss of jobs.

Scientific novelty: the work presents a comprehensive analysis of the transformation of legal practice in Nigeria under the influence of the COVID-19 pandemic with a focus on the impact of digitalization on access to justice. The study contributes to understanding the peculiarities of adaptation of legal systems in developing countries to extraordinary

© Ogwezy M. Ch., 2025

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

circumstances through the prism of technological innovations. The author developed the concept of the relationship between the judicial system's digital transformation and ensuring the constitutional right to a fair trial under the social distancing.

Practical significance: the study results can be used to improve the legal framework for the legal sphere digitalization in Nigeria and other developing countries. The conclusions are important for shaping policy in the field of modernizing judicial systems, developing ethical standards for virtual legal proceedings and creating effective mechanisms for ensuring access to justice in the digital age. Practical recommendations can be applied by judicial authorities to optimize the processes of administration of justice and to improve the quality of legal services.

For citation

Ogwezzy, M. Ch. (2025). Impact of the COVID-19 Pandemic on the Transformation of Judicial System in Nigeria: from Traditional to Digital Justice. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(2), 338–362. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.14>

References

- Adelakun-Odewale, O. S., & Ogwezzy, O. O. (2016). Access to Justice of Persons with Disabilities in Africa: The Nigerian Experience. *NOUN Journal of Jurisprudence and International Law*, 1, 61.
- Aidonojie, P. A., Ikubanni, O. O., Oyedeji, A. I., & Okuonghae, N. O. (2021). The Challenges and Impact of Technological Advancement to the Legal Profession in Nigeria given the COVID-19 Pandemic. *Kampala International University*, 6(4), 5–19.
- Arinze-Umobi, Ch. & Okonkwo, I. (2021). Alternative Dispute Resolution Practice in Nigeria and the Effect of COVID-19 Pandemic. *International Journal of Law and Clinical Legal Education*, 2, 82–85.
- Babalola, O. (2022). Data Protection Compliance Organizations (DPCO) Under the NDPR, and Monitoring Bodies under the GDPR: Two Sides of the Same Compliance Coin? *Global Privacy Law Review*, 3(2), 98–106. <https://doi.org/10.54648/gplr2022010>
- Bello, O. A., & Ogufero, C. (2024). The Emerging Artificial Intelligence Legal-Judicial System's Interface: Assessing the State of Nigeria's Judicial System's Readiness for a Revolution. *Commonwealth Cyber Journal*, 2, 6–24.
- Eboibi, F. E., & Mac-Barango, I. (2020). Law and Judicial Application of Digital Forensic Evidence in Nigeria. *Journal of Law, Policy and Globalization*, 96, 61–75.
- Ibekwe, Ch. S., & Onwuatuegwu, Ch. (2021). ICT in the Administration of Justice: Challenges and Prospects for Labour and Productivity. *Nnamdi Azikiwe University Journal of Commercial and Property Law*, 8(1).
- Jimoh, M. A. (2020). Advancing Online Dispute Resolution in Nigeria: Current Opportunities, Legal Challenges and the Ways Forward. *Journal of Sustainable Development Law and Policy*, 11(2), 407–431. <https://doi.org/10.4314/jsdlp.v11i2.6>
- Karim, R. (2021). 9 The Importance of Legal Services During the COVID-19 Pandemic. In A. Trakic (Eds.), *COVID-19 and Business Law: Legal Implications of a Global Pandemic* (pp. 153–168). Berlin, Boston: De Gruyter 2021. <https://doi.org/10.1515/9783110723694-009>
- Nwaiwu, F. (2021). Digitalisation and sustainable energy transitions in Africa: assessing the impact of policy and regulatory environments on the energy sector in Nigeria and South Africa. *Energy, Sustainability and Society*, 11, 48. <https://doi.org/10.1186/s13705-021-00325-1>
- Nwebo, O. E. (2023). Administration of Justice and Case Management in Imo State: A Case for Innovation. *Nigerian Journal of Legal Studies*, 12.
- Olugasa, O., & Davies, A. (2022). Remote Court Proceedings in Nigeria: Justice Online or Justice on the Line. *International Journal for Court Administration*, 13(2), 2–17. <https://doi.org/10.36745/ijca.448>
- Otey, B. S. (2022). The Disconnect: Reflections on the Virtual Connection between Lawyers and Clients. *Washburn Law Journal*, 62(3), 617.

- Purcell, Ch., & Brook, P. (2022). At Least I'm My Own Boss! Explaining Consent, Coercion and Resistance in Platform Work. *Work, Employment and Society*, 36(3), 391–406. <https://doi.org/10.1177/0950017020952661>
- Tabatabai, Sh. (2020). Simulations and Virtual Learning Supporting Clinical Education During the COVID 19 Pandemic. *Advances in Medical Education and Practice*, 11, 513–516. <https://doi.org/10.2147/AMEPS257750>
- Tiamiyu, O. M. (2022). The Impending Battle for the Soul of ODR: Evolving Technologies and Ethical Factors Influencing the Field. *Cardozo J. of Conflict Resolution*, 23(1), 75–142.
- Udemezue, S. (2022). Resolving Conundrums Regarding Legal Profession Regulation in Nigeria (Part 1). *International Review of Law and Jurisprudence*, 4, 113. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4313297>
- Ufua, D. E., Olujobi, O. J., Ogbari, M. E. et al. (2020). Operations of small and medium enterprises and the legal system in Nigeria. *Humanit Soc Sci Commun*, 7, 94. <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00583-y>
- Uwaegbute, K. I., & Unachukwu, D. C. (2022). The Upsurge of Rape during the COVID-19 Lockdown in Nigeria and Its Effects on Survivors. *HTS Teologiese Studies*, 78(3). <https://doi.org/10.4102/hts.v78i3.6996>
- Walker, J. (2020). Courts in Lockdown: Lessons from International Arbitration. *International Journal of Procedural Law*, 10(2), 178–201. <https://doi.org/10.1163/30504856-01002003>

Author information

Michael Chukwujindu Ogwezzy – PhD, Full Professor of Human Rights Law, Faculty of Law, Rivers State University

Address: P.M.B 5080, Nkpolu-Oroworukwu, Port Harcourt, Nigeria

E-mail: michael.ogwezzy@ust.edu.ng

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-2105-2136>

Google Scholar ID: https://scholar.google.com/citations?user=_A0OR0YAAAAJ

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – October 6, 2024

Date of approval – October 27, 2024

Date of acceptance – June 20, 2025

Date of online placement – June 25, 2025

